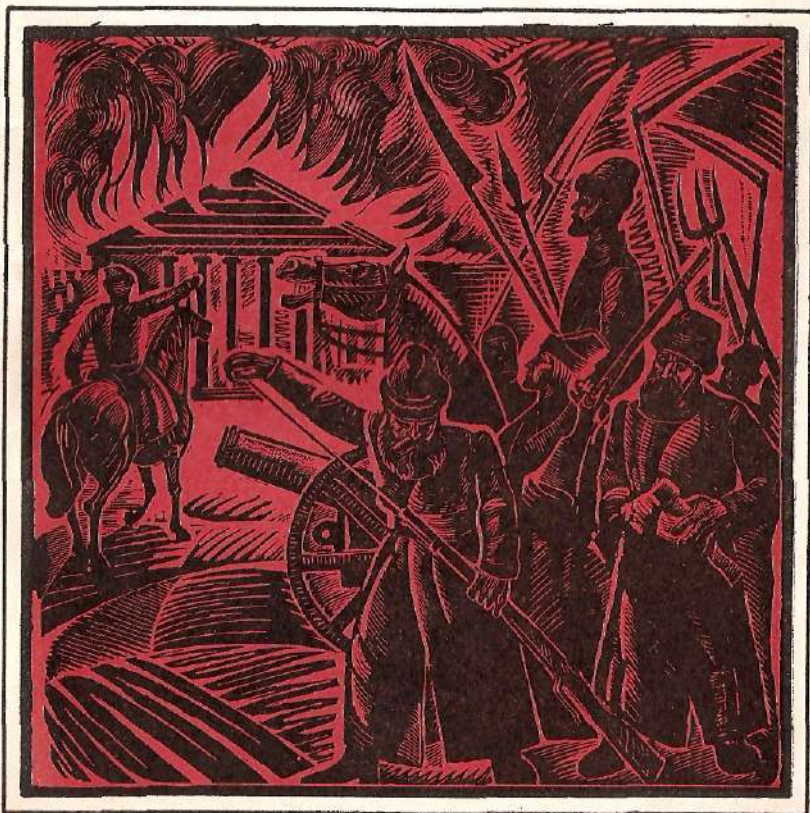


России

В. И. БУГАНОВ

# КРЕСТЬЯНСКИЕ ВОЙНЫ В РОССИИ XVII—XVIII ВВ.



ИЗДАТЕЛЬСТВО НАУКА



ИЗДАТЕЛЬСТВО  
«НАУКА»  
ГОТОВИТСЯ К ПЕЧАТИ  
КНИГА:

ПОЛЯКОВ Ю. А.,  
ЧУГУНОВ А. И.

**Конец басмачества.** 12 л. 80 к.  
Книга рассказывает о героической борьбе трудящихся Средней Азии с крупными вооруженными бандами международной и внутренней реакции — басмачеством. Авторы показывают мужество и стойкость трудящихся, воинскую доблесть бойцов и командиров, их самоотверженность и преданность идеям революции, подчеркивают, что разгром басмачества явился яркой демонстрацией торжества ленинской национальной политики, способствовал дальнейшему укреплению братства и дружбы народов Советского Союза. В книге использованы как опубликованные, так и неопубликованные материалы Музея пограничных войск и ряда архивов.

Для получения книги почтой заказы просим направлять по адресу:

117464 МОСКВА, В-464, Мичуринский проспект, 12, магазин «Книга—почтой» Центральной конторы «Академкнига»; 197110 ЛЕНИНГРАД, П-110, Петрозаводская ул., 7, магазин «Книга—почтой» Северо-Западной конторы «Академкнига» или в ближайшие магазины «Академкнига».

**Адреса магазинов «Академкнига»:**

480391 Алма-Ата, ул. Фурманова, 91/97;  
370005 Баку, ул. Джапаридзе, 13;  
320005 Днепропетровск, проспект Гагарина, 24; 734001 Душанбе, проспект Ленина, 95; 664033 Иркутск, 33, ул. Лермонтова, 303; 252030 Киев, ул. Ленина, 42; 277012 Кишинев, ул. Пушкина, 31;  
443002 Куйбышев, проспект Ленина, 2;  
192104 Ленинград, Д-120, Литейный проспект, 57; 199164 Ленинград, Университетская наб., 5; 199004 Ленинград, 9 линия, 16; 103009 Москва, ул. Горького, 8; 117312 Москва, ул. Вавилова, 55/7; 630090 Новосибирск, Академгородок, Морской проспект, 22; 630076 Новосибирск, 91, Красный проспект, 51; 620151 Свердловск, ул. Мамина-Сибиряка, 137; 700029 Ташкент, ул. 50 лет Узбекистана, 11; 700029 Ташкент, П-29, ул. Ленина, 73; 700100 Ташкент, ул. Шота Руставели, 43; 634050 Томск, наб. реки Ушайки, 18; 450075 Уфа, Коммунистическая ул., 49; 450075 Уфа, проспект Октября, 129; 720001 Фрунзе, бульвар Дзержинского, 42; 310003 Харьков, Уфимский пер., 4/6.





АКАДЕМИЯ НАУК СССР  
Серия «История нашей Родины»

В. И. БУГАНОВ

**КРЕСТЬЯНСКИЕ ВОЙНЫ  
В РОССИИ  
XVII—XVIII вв.**



ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

Москва 1976



Книга д-ра ист. наук В. И. Буганова посвящена истории четырех крестьянских войн в России. В ней дается описание исторической обстановки, им предшествовавшей, хода народных движений, деятельности их вождей. Особое внимание уделяется вопросу о месте, которое занимали крестьянские войны в истории классовой борьбы в России периода феодализма, характеристике размаха борьбы, идеологии ее участников, выявлению исторического значения этих широчайших народных движений. Выясняются причины поражения крестьянских войн, их влияние на развитие страны.

Памяти отца  
Ивана Кирилловича  
БУГАНОВА

## ПРЕДИСЛОВИЕ

Крестьянские войны — высший этап в истории классовой борьбы феодально-крепостнической России XVII—XVIII вв. Они возникают на определенной ступени развития страны. Их не было и не могло быть в Древнерусском государстве, когда происходило становление феодальных отношений, или в период феодальной раздробленности и татаро-монгольского ига, когда народные силы были распылены и разобщены. Отдельные волнения и восстания крестьян и горожан носили сутоубо местный, локальный, стихийный характер.

В эпоху образования и развития единого Русского государства классовая борьба народных низов во многом сохраняет черты, характерные для классовых выступлений XI—XV столетий. В то же время она поднимается на гораздо более высокий уровень, приобретает новое качество. Уже в XVI в. народные движения становятся более частыми и длительными, а в начале следующего столетия страна вступает в эпоху крестьянских войн. Это важнейшее историческое явление было следствием глубинных процессов социально-экономического и политического характера. XVI век — время развития страны в рамках мощного централизованного государства, когда нажим господствующего класса на эксплуатируемых резко возрастает. Бедствия времен Ливонской войны и опричнины, хозяйственное разорение и социальный кризис, обострение классовых и внутриклассовых противоречий — все это привело



к тому, что классовый отпор народных масс приобретает огромный размах и в известной степени черты централизованности, организованности. В XVII—XVIII вв., когда страна вступает в «новый период» своей истории, элементы организованности и сознательности нарастают и наивысшего уровня достигают в последней — четвертой — Крестьянской войне под предводительством Е. И. Пугачева.

В отличие от многочисленных крестьянских волнений и восстаний в России периода феодализма с их локальностью, скоротечностью и небольшими размерами четыре крестьянские войны отличаются неизмеримо большими масштабами. Во время этих народных движений в некоторой степени преодолевается локальность и неорганизованность, появляются и усиливаются элементы сознательности и организованности. Восставшие объединяются в большие повстанческие армии и отряды, имеют военнополитическое руководство, органы управления, предводителей. Они дают сражения, штурмуют и захватывают города и крепости. На захваченных территориях уничтожается власть царской администрации и возникают новые органы народной власти. Повстанцы выдвигают требования земли и воли, уничтожения крепостничества и его носителей — дворян, борются за власть во главе со своим «добрым», «мужицким» царем.

Высокую оценку крестьянским движениям, в частности крестьянским войнам, дали основоположники научного коммунизма. К. Маркс и Ф. Энгельс отмечали, что «все крупные восстания средневековья исходили из деревни»<sup>1</sup>. Ф. Энгельсу принадлежит классический труд о Крестьянской войне 1525 г. в Германии, именно под его влиянием в советской историографии утвердился термин «крестьянская война» по отношению к сильным народным движе-

---

<sup>1</sup> К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 3, стр. 52.

ниям XVII—XVIII вв. В. И. Ленин называл их также гражданскими войнами. «Эти гражданские войны,— писал В. И. Ленин,— проходят через всю историю существования классового общества... Вы все знаете примеры подобных многократных восстаний и в России»<sup>2</sup>.

Как указывал В. И. Ленин, против крепостного права выступало «все крестьянство как целое»<sup>3</sup>. «Когда было крепостное право, вся масса крестьян боролась со своими угнетателями, с классом помещиков, которых охраняло, защищало и поддерживало царское правительство. Крестьяне не могли объединиться, крестьяне были тогда совсем задавлены темпотою, у крестьян не было помощников и братьев среди городских рабочих, но крестьяне все же боролись, как умели и как могли»<sup>4</sup>.

В книге, предлагаемой вниманию читателей, рассматривается история четырех крестьянских войн в России— их предпосылки, ход и характерные черты, особенности, исторический смысл и значение.

Эта книга — дань глубочайшего уважения памяти бесстрашных борцов за лучшую народную долю, которые в эпоху Болотникова и Разина, Булавина и Пугачева бросали смелый вызов гнету и насилию, отступали и погибали, но снова и снова поднимали знамя восстания против угнетателей. Их мужественный пример вдохновлял многие поколения русских революционеров, которые в новых условиях и на новом уровне продолжили и довели до конца борьбу с самодержавием.

---

<sup>2</sup> В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 77.

<sup>3</sup> В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 6, стр. 311.

<sup>4</sup> В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 7, стр. 194.



# ПЕРВАЯ КРЕСТЬЯНСКАЯ ВОЙНА

## ПРИЧИНЫ, ПРЕДПОСЫЛКИ

Во второй половине XVI столетия Россию посетил немало иностранцев. Внимательно присматривались они к порядкам и обычаям страны, вызывавшей немалый интерес за рубежом, следили за развитием событий во внутренней и внешней политике, оценивали общее положение государства, его народа в той весьма сложной и напряженной обстановке, которая сложилась в результате многолетних войн, опричных неурядиц, расстройств хозяйственной жизни и политической борьбы в придворных кругах. Один из современников-очевидцев, Джилль Флетчер, побывал в Москве в 1588 г., несколько лет спустя после смерти царя Ивана Грозного и восшествия на престол его сына Федора. Многие из того, что он описал в книге, изданной через три года в Лондоне, удивило любознательного англичанина. Так, во время длительных переездов он видел немало опустевших сел и деревень; нелегко было жить и крестьянам, и жителям городов — ремесленникам и торговцам: «Кушцы и мужики... с недавнего времени обременены большими и невыносимыми налогами». Недовольство охватило все слои населения, террор времени Ивана Грозного вызвал «всеобщий ропот и непримиримую ненависть». В этой обстановке со смертью бездетного царя неизбежно должны были начаться междоусобия; «по-видимому, это должно окончиться не иначе, как гражданской войной»<sup>1</sup>.

Эти наблюдения и оценки не были единичными. Другие свидетельства источников, русских и иностранных, говорят о том же. Из многих причин того мощного взрыва народного протеста, который потряс феодальное государство в начале XVII в., ведущими были, конечно, важные явления социально-экономического характера — изменения в развитии крестьянского и феодального хозяйства,

<sup>1</sup> Д. Флетчер. О государстве Русском. СПб., 1906, стр. 31, 32.

в экономическом и правовом положении трудящихся слоев населения.

В течение XVI в. заметно растет феодальное землевладение и, наоборот, уменьшаются размеры крестьянского землепользования. Исследователи подсчитали, что в ряде владений феодалов, расположенных в центре Европейской России, в первой половине столетия их собственная запашка составляла 14—17% всех обрабатываемых земель, во второй же половине — 40—50%, т. е. выросла примерно в три раза. С другой стороны, уменьшаются, и очень заметно, размеры крестьянской запашки; так, у монастырских крестьян того же района она сократилась за вторую половину века на 40% (с 7, 8 четвертей на один крестьянский двор в 1556—1569 гг. до 4,8 четвертей в 1576—1600 гг.). За то же столетие ставки государственных налогов выросли в 30 раз!<sup>2</sup> Высокой степени достигла задолженность крестьян. Феодалы, занимавшиеся ростовщическими операциями, обогащались за счет должников, закабалили их. Крепостных крестьян они часто переводили без их согласия из одного имения в другое, совершали на них сделки, захватывали их имущество.

Помещичий произвол в отношении зависимых крестьян, его нарастание во второй половине столетия хорошо отражают послушные грамоты, которые регулировали обязанности крестьян. До 60-х годов XVI в. в них обычно содержится формула, согласно которой оброк и всякий «доход» феодал получает «по старине», т. е. по старому обычаю. Согласно нормам 60-х годов, крестьянам предписывалось, чтобы они своего владельца «слушали и пашню его пахали, где себе учинит, и оброк платили». Упоминание о «старине» исчезает, тем самым феодалы получили возможность увеличивать размеры барщины и оброка. Этот процесс получает завершение в следующем десятилетии — по грамотам 70-х годов дворяне могли устанавливать их размеры по своему усмотрению.

По судебникам 1497 и 1550 гг. крестьяне имели право «выхода», т. е. ухода, от одного владельца к другому. Это разрешалось делать только один раз в году — за неделю

<sup>2</sup> *П. А. Рожков*. Сельское хозяйство Московской Руси XVI в. М., 1899, стр. 233; *И. И. Смирнов*. Восстание Болотникова. 1606—1607. М., Госполитиздат, 1951, стр. 39—40; *В. И. Корсакий*. Закрепощение крестьян и классовая борьба в России во второй половине XVI в. М., 1970, стр. 29.



до и неделю после Юрьева дня осеннего, после окончания полевых работ. При этом господин получал «пожилое» — плату за двор, жилье. Довольно часто «выход» скрывал сделку купли-продажи, которую заключали между собой феодалы на своих крепостных. Более богатые феодалы переманивали крестьян у менее состоятельных, внося за них пожилое. Для времени опричнины характерными стали насильственные вывозы крестьян, погромы.

Народные массы страдали от опричных репрессий, долготных войн, тянувшихся в течение всего правления Ивана Грозного, опустошительных вторжений крымских татар, из года в год разорявших южные районы страны и доходивших иногда до самой Москвы. Население стонало от тяжелых налогов и гнета феодалов, от различных стихийных бедствий — эпидемий, пожаров, засухи, голода.

В 70—80-е годы XVI в. хозяйственное разорение страны достигает катастрофических размеров. Крестьяне массами бежали из центра страны на окраины в поисках лучшей доли. Дворяне жалуются на «велие оскудение», и правительство принимает ряд экстренных мер. Ограничиваются земельные владения и податные льготы монастырей, часть их земель передается дворянам. Объявляется сбор с населения чрезвычайного налога. С 1581 г. начинается и примерно десятилетие спустя заканчивается описание всех земель в государстве. С этого же года ввели «заповедные годы», в течение которых запрещался («заповедовался») выход крестьян (а также посадских людей, т. е. ремесленников и торговцев, — уход из своего посадского мира). Постепенно распространяясь на все новые и новые районы, выход крестьян по указу 1592—1593 гг. был запрещен в общегосударственном масштабе. Писцовые книги, явившиеся результатом переписи земель 80-х — начала 90-х годов, стали служить юридическим документом, закреплявшим крепостное состояние зависимых от феодалов слоев населения. Согласно указу, феодал мог подавать просьбу (челобитную) о возвращении вывезенного у него крестьянина в течение пяти лет после вывоза (принцип «урочных лет»). Беглых же крестьян можно было сыскивать бессрочно.

Правительство принимало меры для сыска и возвращения беглых и вывезенных крестьян их владельцам. Но бегство приняло такие огромные размеры, что власти не могли удовлетворить бесчисленные иски феодалов. 24 но-

ября 1597 г. появляется новый указ: на беглых, так же как и на вышедших и вывезенных крестьян, владельцы могли подавать иски только в течение пяти лет.

Заметно ухудшилось и положение холопов. Если раньше заключение кабалы за взятые в долг деньги не считалось актом поступления в холопы, то с середины 1580-х годов вводится именно такое правило. Более того, лица, взявшие по кабале деньги, потеряли в 80—90-е годы право освободиться от холопства путем уплаты долга — они должны были оставаться холопами до смерти господина.

Столь же тяжелым было положение посадских людей, прежде всего низов торгово-ремесленного населения русских городов. Они также испытывали страшные тяготы времен Ливонской войны и опричнины, их душили невыносимые налоги; наряду с крестьянами тысячи горожан погибли во время опричных погромов, вражеских нашествий и стихийных бедствий. По законодательству 80—90-х годов посадские люди также прикреплялись к своему тяглу, т. е. к несению различных повинностей, внесению налоговых и иных сборов. Обострялись также отношения между посадской беднотой («меньшие», «молодые» люди) и богатеями («лучшие», «прожиточные» люди).

Русские города вступили в полосу такого же разорения, которое испытывали многочисленные сельские поселения — деревни и села. Рост налогов, повинностей, вражеские набеги, эпидемии и, как следствие этого, обнищание населения привели к запустению многих городов, бегству их жителей на окраины. Так, в Великом Новгороде, Пскове, Коломне, Муроме в 70—80-е годы обезлюдело до 84—94% всех посадских дворов.

Большие массы беглых крестьян, холопов, посадских людей стекались в окраинные местности юго-запада и юга, юго-востока и востока России. Там скапливался горючий материал, который готов был вспыхнуть от малейшей искры.

Критической точки хозяйственный и социальный кризис достиг в конце правления Ивана Грозного и в начале царствования его сына Федора. В это время начала восходить звезда Бориса Федоровича Годунова, на сестре которого был женат Федор Иванович. Царский опричник, выдвинувшийся еще при Грозном, Годунов при его сыне был фактическим правителем государства, а после его смерти



в 1598 г. стал царем. Его путь к престолу был нелегким. Уже в годы правления Федора Годунов принял некоторые меры, облегчившие положение народа. Прекратились опричные погромы, уменьшилась тяжесть налогов и служб. Оживлялась хозяйственная деятельность. Однако хозяйственное разорение было слишком сильным, чтобы эти паллиативные меры могли улучшить положение. Крепостнические законы 80—90-х годов усугубляли его. Бегство простых людей на окраины продолжалось.

К хозяйственному и социальному кризису прибавился династический. Царь Федор не имел наследника, а его брат Дмитрий, сын Ивана Грозного от Марии Нагой, погиб при таинственных обстоятельствах 15 мая 1591 г. в Угличе. Многие современники, русские и иностранцы, прямо обвиняли Бориса Годунова в убийстве с целью овладения престолом московских государей. Со смертью Федора династия Ивана Калиты прекратилась. Борис Годунов, ставший царем после долгих лет упорной борьбы за власть с соперниками, в результате их устранения мог рассчитывать на то, что он явится основателем новой династии. Первые два года нового правления принесли некоторое облегчение: была объявлена амнистия, даны льготы населению. Так, Годунов снял недоимки в сборе налогов, пытался регламентировать повинности крестьян, заменить прямые налоги косвенными. В 1601—1602 гг. правительство разрешило в частичном порядке выход крестьян от феодалов.

Однако хозяйственный и социальный кризис продолжался. С еще большей силой он проявился в начале XVII в. Тяжелое положение народных масс во второй половине XVI в., обнищание трудящихся слоев населения, наступление феодалов на их права вызывали возрастающий отпор угнетенных. Он носил различные формы. Повседневный характер имела борьба крестьян с феодалами за землю — будь то в царских судах или в самих имениях феодалов, где крестьяне распахивали или переносили межевые границы и знаки. В большом числе крестьяне и представители других угнетенных слоев бежали от своих господ. Все эти действия, пассивные по своему характеру, сопровождались нередко и более активными выступлениями — крестьяне и холопы громили дворы феодалов, уничтожали крепостные документы, убивали хозяев или приказчиков.

Во второй половине XVI в. довольно заметной формой сопротивления классовому нажиму феодалов и их государства становится отказ от уплаты налогов, исполнения повинностей, распоряжений администрации. Широкие размеры приняли так называемые разбои. Власти изображали всех участников подобных выступлений как уголовных преступников. Между тем многие их действия носили антифеодальный характер—крестьяне расправляются с феодалами, светскими и духовными, громят их имения, уничтожают документы, закреплявшие зависимое положение крестьян и холопов. В годы опричнины жертвами классовой мести стали некоторые помещики.

Классовая борьба крестьян усиливается к концу XVI в. Особым упорством и длительностью отличаются выступления монастырских крестьян. Например, в Двинской земле против властей Антониева-Сийского монастыря выступили крестьяне в 1570-е годы, их борьба продолжалась и в следующем веке. Дело в том, что крестьяне, проживавшие в Емецком стане и принадлежавшие к сословию чернососных (государственных, незакрепощенных), воспротивились переводу их в разряд монастырских.

В 80—90-е годы в разных концах страны вспыхивают волнения. Учащаются выступления людей, которые в правительственных документах именуется «ворами», «разбойниками», «лихими людьми». В ряде случаев власти вынуждены посылать вооруженные отряды для подавления народных выступлений.

В 90-е годы монастырские и чернососные крестьяне выступают против земельных захватов монастырей, их эксплуатации. Источники сохранили сведения о подобных восстаниях крестьян многих монастырей, в том числе крупнейших — Троице-Сергиева, Кирилло-Белозерского, Соловецкого.

Самым крупным было восстание крестьян Иосифо-Волоколамского монастыря к западу от Москвы. Оно началось в ответ на мероприятия монастырских властей, принятые в 1589—1591 гг., которые сильно ударили по интересам крестьян. Инициатором хозяйственного начинания, имевшего своей целью сильное увеличение доходов монастыря, был келарь (глава монастырского хозяйства) Мисаил Безнин, бывший опричник Ивана Грозного, один из его приближенных и активных помощников, человек властный и крутой. По его предложению многих крестьян



начали переводить с оброка на барщину — работу на монастырской пашне. Тем зависимым людям, которые продолжали платить оброк, размер его резко увеличили, нередко в три раза. Далее — монастырских крестьян принудительно заставляли брать у духовных пастырей из казны деньги «на животинный приплод» (на покупку и разведение скота) под 33% годовых. Эта ростовщическая операция обещала огромные прибыли. В 1591 г. Безнин раздал крестьянам более 740 руб. В следующем году он планировал вернуть с крестьян почти весь долг (около 710 руб.). Начиная же с 1594—1595 гг., он надеялся получать ежегодно «и во веки» по 800 руб. чистой прибыли.

Эти мероприятия встретили активный отпор крестьян. Они перестали работать на барщине, вносить оброчные платежи. Из Москвы прибыла для расследования специальная комиссия. Пошли в ход уговоры, штрафы и принуждение. Монастырские власти добились послушания крестьян, но ненадолго. Как только комиссия покинула монастырь, участники движения перешли к более активным действиям: отказываясь от всяких работ, они к тому же избивают приказчиков и ключников, начинают самовольно вырубать монастырские леса.

Крупнейший духовный феодал, каким являлся Иосифо-Волоколамский монастырь, в результате выступления крестьян терпел большие убытки. Безнин и другие монастырские правители вынуждены были пойти на отмену предпринятых ими мер. В начале января 1595 г. крестьян освободили от выплаты денежных ссуд и процентов при условии, что они не будут уходить из монастыря. Увеличенные оброчные платежи и весь оброк за 1594 г. отменялись; общий объем оброка снижался на одну треть в сравнении с платежами за 1580-е годы. Временно отказались власти, вероятно, и от барщины.

Таким образом, крестьяне своей борьбой заставили Безнина отступить и признать крах мероприятий, объявленных в 1591 г. Сам их инициатор вынужден был совсем уйти из монастыря. Он перебирается в Троице-Сергиев монастырь.

В 1597 г. сильное волнение охватило крестьян Устюжского Прилуцкого монастыря. Воспользовавшись пожаром, они разбили амбары и, захватив монастырские хлеб и имущество, разделили их между собой. Из документов известны имена предводителей этого движения; это —

И. Г. Сабуров, И. А. Хабаров, Я. и И. Зубцовы. Восставшие связали игумена Авраамия, угрожая бросить в огонь его самого и других монахов. В своей челобитной игумен пишет: «Да и вперед, государь, те люди угрожают боем и грабежом и пожегом и всякими лихими делами хвалятся везде»<sup>3</sup>.

Крестьянские выступления 80—90-х годов проходили под лозунгами возврата к «старине» в размерах барщинных и оброчных повинностей, борьбы за землю, освобождения от повинностей и от самих феодалов в тех случаях, когда закрепощали государственных крестьян.

Одновременно происходит обострение классовой борьбы в городах. Городские движения 80—90-х годов носили подчас очень противоречивый характер. Антифеодалная направленность некоторых городских восстаний осложнялась тем, что выступления народных низов, «черни», посадской бедноты переплетались с борьбой придворных группировок за власть. Так, в Москве после смерти Ивана Грозного в 1584 г. вспыхнуло восстание против одного из его ближайших советников и активнейших опричников — боярина Б. Я. Бельского. Участники движения обвинили Бельского в том, что он отравил царя Ивана IV и хочет отравить царя Федора и бояр. Но эта царистская оболочка скрывала вполне определенные цели — восставшие выступили против фаворита покойного монарха и его сторонников в правящей верхушке, опасаясь, и не без оснований, продолжения политики опричного террора времени Ивана Грозного. Они захватили арсенал на Красной площади, начали осаду ворот Кремля. По сообщению Исаака Массы, голландского купца, проживавшего в это время в Москве, начался разгром лавок в торговых рядах. Это, по-видимому, свидетельствует о том, что посадские низы выступили и против богачей в своей собственной среде.

Для уговоров от царя вышли бояре. С крепостных стен вскоре раздались пушечные выстрелы; они-то и решили дело в пользу правительства. Восставшие рассыпались в разные стороны. Однако правительство сочло необходимым удалить Бельского, выдачи которого требовали восставшие; его назначили воеводой в Нижний Новгород. Это, впрочем, соответствовало интересам и расчетам неко-

<sup>3</sup> Восстание И. Болотникова. Документы и материалы. М., 1959, стр. 61—62.



торых правительственных деятелей, стремившихся отделиться от власти властолюбивого авантюриста. В результате народного движения упрочили свое положение именно эти бояре — Н. Р. Юрьев, дядя Федора Ивановича по матери, и особенно Б. Ф. Годунов. Царский шурин спустя некоторое время приказал арестовать ряд участников восстания и сослать в разные города, где они очутились в тюремных застенках.

Когда через два года, в 1586 г., умер Н. Р. Юрьев, номинальный глава правительства, и последнее возглавил Годунов, снова восстали посадские «мужики». Правительство оказалось в осаде. В правящей верхушке произошел раскол. Часть бояр и дворян во главе с Шуйскими и митрополитом Дионисием выступила против Годунова и потребовала развода царя Федора с сестрой Бориса и новой женитьбы «ради чадородия». Эти антигодуновские круги в известной степени опирались на посадских людей (из тех, кто побогаче), недовольных возвышением Годунова и его клевретов, которые организовали два года назад репрессии против участников восстания 1584 г.

Однако полного единства между Шуйскими и участниками народного движения не было и, естественно, быть не могло. Бояре боялись стихии народного восстания, которое могло вспыхнуть в ходе дальнейших событий, и пошли на компромисс с Годуновым. Боярину князю И. П. Шуйскому, который вышел на кремлевскую Соборную площадь, чтобы сообщить о заключении мира с Годуновым собравшимся здесь посадским людям, последние закричали: «Помирились вы... нашими головами; и вам, князь Иван Петрович, от Бориса (Годунова.— В. В.) пропасть, да и нам погинуть». И действительно — вскоре Шуйские, противники Годунова в борьбе за власть, оказались в ссылке. Участников же восстания из числа посадских людей постигли более жестокие кары: семерых москвичей-торговцев («воров мужиков», «которые... такое безделье учинили») казнили на Красной площади, а многих разослали по разным городам<sup>4</sup>.

Сходные моменты можно проследить и при изучении восстания в Угличе, вспыхнувшего 15 мая 1591 г. в связи с гибелью царевича Дмитрия. Его участниками были «посадские черные люди» Углича, «слободские люди» из его окрестностей (жители подгородных слобод), «с судов

<sup>4</sup> Полное собрание русских летописей (ПСРЛ), т. 14, стр. 36—37.



козаки» (чернорабочие с волжских судов), «посошные люди» (собранные из разных местностей крестьяне и посадские люди, которые должны были исполнять «посоху» — государственную службу). Лозунгом восстания стала месть за убитого царевича. Участники восстания расправились с дьяком М. Битяговским и другими представителями царской администрации. Разгромили дьячью избу — центр управления Углича и уезда, двор Битяговского, конфисковали его имущество. Одновременно были убиты три посадских богатея, которые пытались предотвратить восстание; трое других бежали из Углича, «а в город итить не смели, что хотели их побить посадские люди». Таким образом, это восстание, кроме чисто царистских моментов, имело черты антифеодального выступления против гнета властей и посадской верхушки. Борис Годунов и на этот раз организовал жестокие репрессии — одних участников восстания казнили, других разбросали по тюрьмам и ссылкам; и, по словам летописца, «оттого Углич запустел». Это было результатом деятельности специальной сыскальной комиссии, посланной Годуновым для расследования причин гибели Дмитрия и восстания «мужиков углечан». Во главе комиссии он поставил боярина князя В. И. Шуйского, который с готовностью подтвердил версию о самоубийстве царевича. Родственников погибшего царевича по матери, Нагих, сослал, а его мать, Мария Нагая, кроме того, была пострижена в монахини.

Кроме этих движений, происходивших в Москве или поблизости от нее, восстания происходили и в более отдаленных местах. В 1586 г. в Ливнах имело место «сметение градицких людей». В том же году сольвычегодская посадская беднота поднялась против местных эксплуататоров — богатых купцов и промышленников Строгановых. Когда началось восстание, они укрылись на своем дворе. Повстанцы сняли с крепостных стен города орудия, приступили к осаде строгановского подворья, убили одного из Строгановых — Семена Аниклевиича.

Народные движения, заметно усилившиеся к концу XVI в., свидетельствовали о недовольстве народных низов по поводу роста эксплуатации и бесчинств феодалов и властей и были прямыми предвестниками колоссального взрыва классовой борьбы в начале следующего столетия — Крестьянской войны, первой в истории феодально-крепостнической России.

## ПЕРВЫЕ ВЫСТУПЛЕНИЯ

Весна и лето 1600 г. надолго запомнились русским людям. Сначала шли проливные дожди, затем начались ранние заморозки. Посевы погибли, и с полей ничего не удалось собрать. Все надеялись, что положение исправится в следующем году. Но в 1601 г., а затем и в 1602 г. повторилось то же самое. Россию поразил страшный голод. Цены на хлеб подскочили в десятки раз. В то же время от урожаев прошлых лет хранились большие запасы немолоченого хлеба. Он принадлежал боярам, дворянам и духовным пастырям, которые придерживали хлеб, чтобы еще больше взвинтить цены и нажиться на страданиях простого люда. Так же поступали и богатые крестьяне. По словам Авраамия Палицына, келаря Троице-Сергиева монастыря, у многих имелись «давняя житницы не истощены и поля скирд стояху...». Еще более красноречив рассказ И. Массы: «У знатных господ, а также во всех монастырях и у многих богатых людей амбары были полны хлеба, часть его уже погнила от долголетнего лежания, и они не хотели продавать его, ожидая еще большего повышения цен... Голод, бедствия и ожесточение людей были слишком велики»; «сам патриарх, ...имея большой запас хлеба, объявил, что не хочет продавать зерно, за которое должны будут дать еще больше денег».

Помещики в эти голодные годы прибегают к различным уловкам, которые усугубляют тяжелое положение бедноты. Одни из них переводят крестьян с денежного оброка на натуральный или на барщину. Им было выгоднее получать с крепостных взносы натурой, т. е. прежде всего хлебом и другими продуктами, или переключать их на работу в барских полях, т. е. на производство того же хлеба. Другие феодалы попросту выгоняют со своих дворов многих холопов, лишившихся тем самым всяких средств к существованию.

Огромные размеры приняла в эти годы смертность от голода. Десятки тысяч холопов, посадских людей, крестьян стали ее жертвами. В одной Москве, по свидетельству А. Палицына, за два года и четыре месяца похоронили на трех кладбищах 127 тыс. чел. В городах и селениях мертвецы лежали по улицам, площадям и дорогам, так как некому было их хоронить.



Правительство Годунова приказало раздавать хлеб из государственных запасов. Организуются платные общественные работы. Власти ведут борьбу со спекулянтами. Но эти меры не помогают. Спекуляция продолжается. Лица, приставленные к выдаче хлеба и денег, без стеснения их разворовывают.

Со всех сторон слышатся жалобы и стоны. Началось «волнение велие» среди широких слоев народа. Правительство идет на снижение повинностей в некоторых местах. А 28 ноября 1601 г. обнародуется указ (подтвержденный в 1602 г.), который как будто разрешает «выход» крестьян от одного владельца к другому «во всем Московском государстве». Но неясное содержание указа противоречило этому обещанию, которым поспешили воспользоваться многие крестьяне. На самом деле власти имели в виду свободу не самостоятельного ухода крестьян, а их вывоза феодалами (только светскими — средне- и мелкопоместными, а не духовными и не крупными светскими), причем в количестве не более одного-двух человек. Московский уезд исключался из числа тех, где разрешался вывоз. Указ не внес успокоения, а, наоборот, возбудил всеобщий ропот. Все — и дворяне, и крестьяне — выражали крайнее недовольство (конечно, с диаметрально противоположных классовых позиций) его ограничениями и двусмысленностью. В судах начались многочисленные тяжбы по делам о вывозе крестьян. В этой неразберихе крестьяне, истолковывая смысл указа так, как хотелось им, прекращают уплату налогов, бегут от господ, наконец, «закладываются» (дают закладные записи о поступлении в холопы) к богатым феодалам.

Особенно широкие масштабы приняло бегство в среде холопов. Этому способствовал и годуновский указ от 16 августа 1603 г., по которому Приказ Холопьяго суда стал выдавать «отпускные» (документы об освобождении) тем холопам, которых их господа отказывались кормить в голодные годы.

Огромные массы беглых холопов, крестьян, посадских жителей, всяких «гулящих людей» перебираются на окраины страны. Только в южных и юго-западных уездах России скопилось в эти годы до 20 тыс. одних пришлых холопов.

Многие начинают уже в эти годы борьбу с угнетателями. Они собираются в отряды и, вооруженные чем попа-



ло, нападают на спекулянтов, отбирают у них хлеб. Официальные документы той поры называют их «разбойниками», «ворами», «лихими людьми». На самом же деле в 1601—1603 гг. начались голодные «бунты», восстания социальных низов против феодалов и властей. Правительство вынуждено, с одной стороны, идти на некоторые незначительные уступки, с другой — организует жестокие репрессии против «разбойников».

Голодные «бунты» стали началом первой Крестьянской войны. Современники хорошо понимали смысл этих событий. Недаром Палицын именно к 1601—1603 гг. отнесил начало того «смятения во всей Русской земле» или «разбойничества во всей России», которое продолжалось многие годы после выступлений «разбойников» самого начала столетия.

Против участников этих выступлений правительство посылает карательные отряды. Так, 5 сентября 1604 г. отряд дворян и детей боярских во главе с Г. И. Вельяминовым и Н. М. Пушкиным направляется в район Тулы. Они должны были организовать здесь обыски и расправы. «За разбойники» в конце 1602 г. или в начале следующего года спешат такие же экспедиции во Владимир и Коломну, Волоколамск и Вязьму, Можайск и Ржев, Медынь и Малоярославец, в сентябре 1603 г. — в Рязанский и Пронский уезды. Этот приводимый в разрядах<sup>5</sup> сухой перечень городов и уездов, где действовали царские каратели, дополняется рассказом «Нового летописца»<sup>6</sup>: «на разбойников» власти «посылаша (войска. — В. Б.) многижда... и ничево им можаху сотворити». И далее: «Бысть в то же время умножишася разбойство в землей Рустей, не токмо что по пустым местем (по безлюдным местам, окраинам. — В. Б.) проезду не бысть, ино и под Москвою быша разбой велицы»<sup>7</sup>.

На борьбу поднимались в эти годы также крестьяне многих монастырей в центре страны, на ее южной и северной периферии, ямщики и крестьяне, обслуживавшие ямскую гоньбу (почтовую связь) по московско-новгородско-ивангородской дороге. «Бои до смерти и по дорогам гра-

<sup>5</sup> Разряды, разрядные книги — записи о назначениях феодалов на военную, гражданскую и придворную службу.

<sup>6</sup> «Новый летописец» — летопись, составленная в 1630-е годы в правительственных кругах при Михаиле Романове.

<sup>7</sup> ПСРЛ, т. 14, стр. 58.

бежки», — так с ужасом писали о действиях «разбойников» монахи ряда обителей, опасавшиеся за свои жизни и имущество.

Народное движение к лету—осени 1603 г. принимает широкие размеры и выливается в восстание под руководством Хлопка, вышедшего, как можно судить по его прозвищу, из холопского сословия. Это выступление явилось высшей точкой, кульминацией и финалом народных восстаний 1601—1603 гг. В них большую и активную роль сыграли многие тысячи беглых, прежде всего холопов, собравшихся в юго-западных уездах. Именно отсюда, по данным некоторых источников, началось и движение отрядов Хлопка в западное Подмосковье. В его распоряжении имелись, очевидно, немалые силы — царские отряды во главе с опытными воеводами возвращались к Годунову без успеха, а повстанцы двигались к Москве. По пути они совершали смелые нападения на местных феодалов, на годуновских ратников. Не исключено, что московские воеводы терпели поражения от повстанцев. Народные волнения происходили и в самой столице, жители которой, по «Новому летописцу», «богатых дома грабили и разбивали и зажигали; тех людей имаху и казняху: овых зжигали, а иных в воду метали».

Положение Годунова и его правительства стало столь критическим, что он решил принять чрезвычайные меры — в августе 1603 г. царь вместе с Боярской думой выносит решение: послать против восставших, приближающихся с запада к Москве, «многую рать», т. е. большое войско. Во главе его поставили известного военачальника — окольничего И. Ф. Басманова.

Войско Басманова в спешном порядке двинулось навстречу повстанцам Хлопка. 9 сентября 1603 г. произошло кровопролитное сражение. В его начале, при подходе авангарда царского отряда повстанцы падали на него из лесной засады и разгромили. Пал во время схватки и годуновский главнокомандующий. Однако при подходе основных сил, состоявших прежде всего из дворян, ожесточенный бой, сопровождавшийся большими потерями с обеих сторон, закончился поражением восставших, которые сражались, «не щадя голов своих», предпочитая смерть плену. Тем не менее многие попали в плен и были казнены. Среди них был и предводитель восстания, весь израненный во время сражения.



Однако не все повстанцы погибли на поле боя или под топором палача. Многие из них бежали все в те же юго-западные районы, где в следующем году поднялась новая волна народного движения против Годунова и феодалов.

Восстание Хлопка, принявшее массовый характер и охватившее обширную территорию юго-запада и центра страны, нельзя считать только «предвестником» Крестьянской войны.

Оно было высшей точкой, кульминацией народного движения 1601—1603 гг.; таким образом, началом Крестьянской войны можно считать не только восстание 1603 г., но и весь комплекс событий классовой борьбы 1601—1603 гг., составной частью которых оно является. Следовательно, начало, зарождение, первые вспышки Крестьянской войны следует отнести к первому году семнадцатого столетия.

Хотя по своим масштабам восстания 1601—1603 гг. не выдерживают сравнения с тем, что происходило во времена Болотникова в 1606—1607 гг., эти этапы относятся друг к другу как время зарождения и время наивысшего подъема. Уже в 1601—1603 гг. налицо общенациональный социальный кризис, столкновение, противостояние друг другу угнетенных низов, с одной стороны, и угнетателей, с другой. Участники восстаний этой поры, будучи разгромленными, снова и снова скапливаются на южных и юго-западных окраинах и идут отсюда в центр страны для борьбы с классовым врагом. Исходная база, маршрут повстанческих сил, районы их действий, сам их состав, стремления, требования — все это с теми или иными изменениями характерно для всех этапов Крестьянской войны, начиная с восстаний 1601—1603 гг., когда их целью тоже было движение на Москву, под стенами которой они вступили в кровопролитное сражение с царскими войсками. Характерно, что А. Палицын факты «разбойничества» в голодные 1601—1603 гг. прямо объединяет с событиями восстания И. И. Болотникова 1606—1607 гг.

Интересно, что в 1601—1603 гг., накануне Крестьянской войны, в среде восставших еще не вызревает лозунг «хорошего царя», хотя разговоры и слухи о царевиче Дмитрии начинают распространяться примерно с 1600 г. Не отмечены и случаи участия в той или иной форме дворян в событиях классовой борьбы, вернее попыток использования ими народного восстания в своих целях. Все



это появляется позднее. Новые и грозные события не замедлили разразиться и доставили немало хлопот всему классу феодалов, многие из которых поплатились жизнью и имуществом, а само феодально-крепостническое государство испытало сильные потрясения.

## ПРОДОЛЖЕНИЕ БОРЬБЫ

Подавление восстания Хлопка отнюдь не означало прекращения народной борьбы против феодального гнета. Ее продолжение и разрастание приходится на те годы, когда в России появляется первый самозванец — Лжедмитрий I, принявший имя царевича Дмитрия Ивановича, погибшего в Угличе более десяти лет назад. Под именем покойного сына Ивана Грозного выступал, по официальной версии русского правительства, Григорий Отрепьев — из мелких галичских дворян, постриженник, беглый монах, перебравшийся из России в Речь Посполитую (Польшу) и начавший борьбу с Годуновым за царский престол. Его выступление пришлось на то время, когда положение в стране особенно обострилось; все искали выхода. И социальные низы, и феодалы увидели в «царевиче Дмитрие» человека, который может дать этот выход. Первые возлагают на него надежды как на «хорошего царя», который-де облегчит их тяжелое положение; вторые рассчитывают с его помощью сбросить ставшего ненавистным Годунова, увеличить свои привилегии и расправиться с народным движением против феодального гнета.

В Речи Посполитой самозванец при поддержке ряда польско-литовских магнатов и папской курии, представленной в Польше нунцием (послом) Рангони, объявляет себя «царевичем Дмитрием», будто бы спасшимся после угличских событий 15 мая 1591 г. Во время переездов из одного города в другой он встречает в Самборе Марину Мнишек — дочь сандомирского воеводы Юрия Мнишка. Она становится его невестой. Ей и ее отцу он обещает деньги и земли в России, если восстановят его «законные права». С разрешения короля Сигизмунда III и сейма он набирает добровольцев из польской шляхты, жаждущей поживы. Ему оказывают немалую денежную помощь. Численность его отряда быстро растет, и в октябре 1604 г. Лжедмитрий I переправляется через Днепр и появляется

в Северной Украине — в местах, граничащих с юго-западными уездами России, которые вот уже несколько лет служили местом сосредоточения большого числа беглых и исходной базой действий повстанцев по направлению к центру страны.

Обстановка благоприятствовала самозванцу. Огромные массы пострадавших людей, потерпев поражение в ходе народных выступлений 1601—1603 гг., снова и снова поднимаются на борьбу. В стремлении улучшить свое положение они обращают взоры в сторону «хорошего царевича», который, по слухам, спасся в 1591 г. и теперь должен явиться, чтобы избавить Россию от «плохих» правителей — Годунова и его бояр.

Еще до прихода войска Лжедмитрия население страны после подавления восстания Хлопка продолжало волноваться, поднималось на восстания. «На Рязань для разбойников» в 1604 г. посылали воевод Я. Я. Вельяминова, И. И. Волынского. Восстали «мужики» Околенской волости, которые вместе с «кромчанами» «приходили на орловские места (т. е. в окрестности Орла.—В. Б.) войною»<sup>8</sup>.

Самозванец накануне вступления в Россию старательно подогревал ожидания и мечты крестьян, холопов и посадских. В пограничные области из Речи Посполитой он и его клеветы направляют «прелестные грамоты». У него побывало немало ходоков из числа русских людей. Быстро распространяются вести об «истинном царевиче». В нем угнетенные увидели спасителя, избавителя от всех своих бед. На него они возложили надежды и массами переходили на его сторону, выступая против годуновских воевод и бояр-притеснителей.

Уже в октябре 1604 г. на сторону самозванца, вступившего в пределы России, переходят Моравск и Чернигов, в следующем месяце — Путивль и Рыльск, Севск с Комарицкой волостью, Курск и Кромы. Его войско быстро увеличивается. В него вливаются запорожские казаки, жители городов, сел и деревень Северной Украины. В январе 1605 г. силы самозванца насчитывают 15 тыс. воинов.

Правда, поначалу не все идет гладко. Упорно обороняется гарнизон Новгорода-Северского. А 21 января 1605 г. около села Добрыничи под Севском 23-тысячная армия Лжедмитрия I терпит сокрушительное поражение

<sup>8</sup> С. А. Белокуров. Разрядные записи за Смутное время. М., 1907, стр. 113.



от 20-тысячной годуновской армии боярина князя Ф. И. Мстиславского.

Но ни эта, ни другие неудачи, которые заставляют самозванца падать духом и помышлять о бегстве в Польшу, не приводят к поражению его дела. Наоборот, он одерживает одну победу за другой, и причина их заключается в том, что под его знамена встают массы крестьян и холопов, посадских людей и служилого люда. Жители городов открывают ему ворота, изгоняют и избивают тех воевод, которые остаются верными Годунову и отказываются поверить в «истинного царевича». На огромной территории к югу от реки Оки, от Днепра на западе до Волги на востоке, быстро распространяется пожар народной войны против «боярского» и, стало быть, «плохого» царя Бориса. Все ждут воцарения правителя «хорошего», «доброего».

Лжедмитрий I с самого начала раздает налево и направо обещания всем слоям населения России. Правда, реальные блага он обещает дворянам и купцам; бедняки же слышат только демагогические посулы — пустые слова об освобождении от власти Годунова и притеснений его бояр. Однако и это в глазах широких народных масс имело большое значение и поднимало на антифеодальную борьбу, вернее — на ее продолжение, поскольку она началась за несколько лет до появления самозванца.

В народном движении второго этапа Крестьянской войны (1604—1606 гг.) приняли участие крестьяне, холопы, посадские люди, приборные служилые люди (стрельцы, казаки) юго-западных, южных, юго-восточных районов страны, собравшиеся сюда беглые крестьяне, холопы и, наконец, прибывшие на помощь запорожские и донские казаки.

На этом этапе в события включаются представители господствующего класса — некоторые из них переходят на сторону самозванца добровольно, другие — по принуждению.

Каждая из действующих в это время сил преследует свои цели. Лжедмитрий I, используя народное движение против Годунова, властей и феодалов, рвется к власти и почестям, деньгам и славе, чтобы в будущем опереться на русских и иноземных феодалов. Русские дворяне и бояре, тоже воспользовавшись стихией народного восстания и страшась его больше, чем самозванца и иноземцев, стремятся сбросить ставшее ненавистным и им правление Го-

дунова, чтобы добиться новых земель и укрепления своей власти над угнетенными простолюдинами. Народные пивы тешат себя несбыточными надеждами на то, что «хороший», «истинный» царь, восстановив с их помощью свои «законные права», облегчит их положение, а они рассчитывают с обидчиками, сбросят ярмо порабощения. Несмотря на то что все эти силы вместе выступали против Годунова и его ставленников, единства между ними в смысле наличия одинаковых конечных целей борьбы не было и быть не могло.

Обещания «вольности» и «благоденственного жития», щедро раздававшиеся самозванцем, казались многим на первых порах реальными и выполнимыми. Войска самозванца, направившиеся к Москве, выполняли его строгий приказ не обижать местное население, помогавшее ему в войне против годуновской армии. А последняя, наоборот, по прямому указанию правительства устраивала массовые и беспощадные расправы, громила и сжигала города и селения, изменившие Годунову.

Путивль и окрестные северские земли, польскую Украину, поддерживавшие его, самозванец «обелил» (т. е. освободил) на десять лет от всяких налогов. Пользуясь этим, не платили налоги и жители других районов. В зоне военных действий и народного восстания уничтожалась ненавистная «десятинная пашня», и самозванец этому не препятствовал, поскольку он по существу боялся восставших. С другой стороны, бояре и дворяне, которые переходили на его сторону, и даже те, которых восставшие заставляли присягать ему и приводили в качестве изменников, пользовались его особым вниманием и милостями. Будучи сам представителем господствующего класса, он отнюдь не собирался действовать ему в ущерб, и русские дворяне вскоре это поняли и оценили. Они видели в нем, как и он в них, орудие борьбы с Годуновым для достижения своих собственных целей; выступая в роли временных попутчиков народного восстания, дворяне стремились к перераспределению власти, дележу государственного пирога.

Судьбу годуновского режима окончательно решило восстание «даточных людей» (людей из числа тех, кто сопровождал дворян во время походов), стрельцов, казаков и части южных дворян, которое вспыхнуло 7 мая 1605 г. в царской армии, осаждавшей Кромь. В годуновском вой-



ске назревал взрыв. Долгая и безуспешная осада сопровождалась нарастающим дезертирством дворян, их переходом на сторону Лжедмитрия I. Открытое восстание началось в связи с известием о смерти Бориса Годунова и попыткой привести армию к присяге его сыну-наследнику. Решающую роль сыграли антиправительственные действия служилых низов годуновской армии. Они открыто встали на сторону «истинного» государя. Вслед за этим войско самозванца направилось к Москве. По пути население переходило на его сторону, а власть годуновской администрации уничтожалась.

Известие о приближении «истинного» царя вызвало в Москве настоящий взрыв. 1 июня 1605 г. здесь началось восстание — присягая Лжедмитрию I, народные низы одновременно расправлялись с Годуновыми, их родственниками Сабуровыми и другими ненавистными деятелями прежнего правительства. Их дворы подверглись разгрому. Как сообщают разрядные книги, в этот день «в субботу миром, всем народом грабили на Москве многие дворы боярские, и дворянские, и дьячьи, а Сабуровых и Вельяминовых всех грабили»<sup>9</sup>. Досталось и патриарху Иову, годуновскому клеветнику, который в числе прочих наживался на народных страданиях в недавние голодные годы.

20 июня самозванец вступил в Москву, а 21 июля его венчали на царский престол в Успенском соборе. В стране началось правление «царя и великого князя Дмитрия Ивановича всея Руси».

Как показали мероприятия самозванца, выступавшего почти год в роли верховного правителя, его политика носила противоречивый, двойственный, по в основном продворянский, закрепостительный характер. Конечно, он был вынужден на первых порах кое-что сделать для простого люда, который помог завоевать ему царскую корону. Согласно постановлению приговора 7 января 1606 г., на свободу должны были отпустить около четверти холопов, закабалившихся в течение нескольких лет до появления этого указа.

Приговор от 1 февраля того же года указывал, что крестьяне, бежавшие от господ или поступившие в холопы в голодные 1601—1603 гг., не возвращаются прежним вла-

<sup>9</sup> С. А. Белокуров. Разрядные записи за Смутное время, М., 1907, стр. 201.

дельцам. Этот закон довольно противоречив. С одной стороны, он отвечал интересам многих беглых крепостных крестьян, массы которых скопились на юге страны и оказали поддержку самозванцу, будучи одной из движущих сил Крестьянской войны на том этапе, когда к власти благодаря народному восстанию пришел царь-«избавитель».

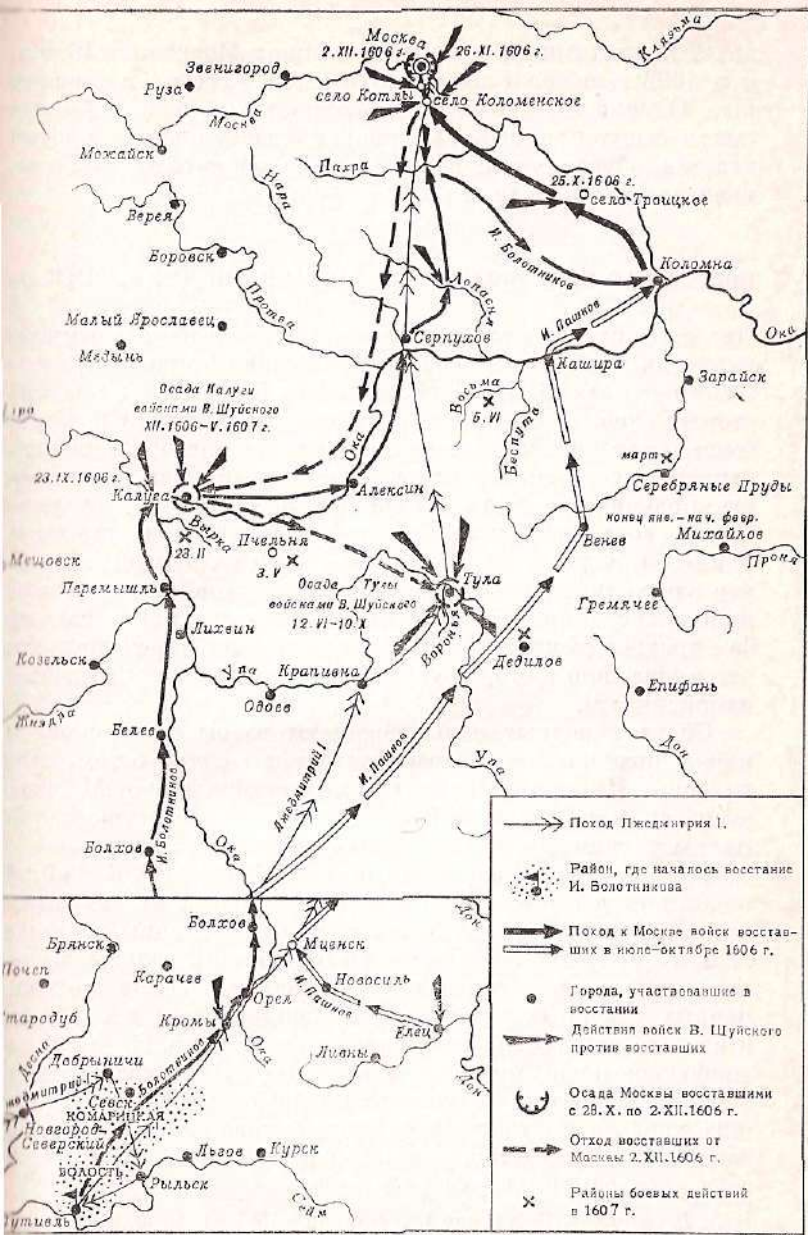
С другой стороны, приговор отвечал интересам южных дворян, в новую зависимость к которым постепенно попадали многие из тех беглых крепостных, которые недавно освободились от зависимости своим старым господам. Этот же закон исходил из факта признания «урочных лет» (которые с 5 лет удлинялись до 5,5 или 6 лет, возможно в угоду дворянам центральных уездов) и отнюдь не предполагал отмену крепостнического законодательства 1590-х годов. Но иллюзии «черных людей» быстро развеялись. Причиной тому были не демагогические заявления Лжедмитрия I, а реальные дела.

Самозванец приказал расформировать казачье войско, которое помогло ему в борьбе с Годуновым, а из его армии «выбили» крепостных крестьян, холопов, посадских людей. Русские дворяне, польские наемники и отчасти казаки получили по его распоряжению большие пожалования землями и деньгами. Лжедмитрий I и его клеветы беззастенчиво запускают руки в казну, обогащаются и устраивают увеселения за счет народа, оскорбляют национальные чувства русских (вступление в католическую веру и др.).

Усиливающееся недовольство и возмущение широких народных масс выливается в новое восстание, направленное против самозванца, ненавистных иноземцев и русских изменников. Оно вспыхивает 17 мая 1606 г., неделю спустя после свадьбы самозванца и Марины Мнишек, сопровождавшейся попойками и бесчинствами иноземцев на улицах и площадях, в церквях столицы. Решающую роль в событиях сыграло выступление народных низов. В нем, по словам одного очевидца-поляка, приняло участие «много простого народа», который громил не только иноземных захватчиков, но и богатых москвичей. «С ними ж (иноземцами. — В. Б.) многие дворы разграбиша и русских людей»<sup>10</sup>.

<sup>10</sup> ПСРЛ, т. 14, стр. 69.





- Поход Ивана Дмитриевича I.
- ☀ Район, где началось восстание И. Болотникова
- Поход к Москве войск восставших в июле-октябре 1606 г.
- Города, участвовавшие в восстании
- Действия войск В. Шуйского против восставших
- ☾ Осада Москвы восставшими с 28.X. по 2.XII.1606 г.
- Отход восставших от Москвы 2.XII.1606 г.
- × Районы боевых действий в 1607 г.

восстание И. И. Болотникова (1606—1607 гг.)

Результатами народного движения в Москве и в 1605 г., и в 1606 г. воспользовались феодалы, русские и иноземные. Однако именно позиция социальных низов, обманутых в своих наивных надеждах и выступивших против властей, обусловила падение сначала правительства Годунова, затем самозванца.

## ВОССТАНИЕ И. И. БОЛОТНИКОВА. НАЧАЛО ДВИЖЕНИЯ

Два дня спустя после восстания 17 мая в царя «выкрикнули» на кремлевской соборной площади придворного интригана князя В. И. Шуйского. Это было делом рук его сторонников. Но воцарение Шуйского, с которым должны были возвратиться старые порядки, не могло остановить движение социальных низов. Угнетенные люди юга страны, получившие, хотя бы на время, облегчение от власти и гнета помещиков, не хотели возврата к старому. В иных городах и уездах в 1604—1606 гг. появлялась новая власть по казачьему образцу. К. Буссов, рассказывающий о скитаниях Болотникова до приезда в Россию, не без преувеличения, но весьма характерно определяет то, что произошло в его отсутствие на родине, как «чудесные изменения»<sup>11</sup>.

Снова народные низы обращают взоры на «хорошего царя», подхватывают и распространяют слухи о том, что де «царь Дмитрий Иванович» не погиб в мае в Москве, а спасся, что «плохие» бояре не дадут ему осуществить планы улучшения жизни бедных и обиженных.

Новый, еще более грозный вал Крестьянской войны поднимается в июне 1606 г. в юго-западных уездах страны. На борьбу встают те же крестьяне, холопы, «городские люди», служилые люди по прибору (стрельцы, пушкарки, казаки, воротники и др.) Северской земли, юго-западных и южных городов. Они расправлялись с боярами и воеводами, бросали их с башен; кроме того, восставшие конфисковывали имущество богатых («прожиточных») людей и, вероятно, делили его между собой. Для восставших характерно то, что тех людей, которые становились жертвами этих расправ, они называли «изменниками», а себя — сторонниками «царя Димитрия».

<sup>11</sup> И. И. Смирнов. Восстание Болотникова. 1606—1607. М., Госполитиздат, 1951, стр. 138.



Восстание, начавшееся на юго-западной окраине, было направлено против правительства В. И. Шуйского и его воевод, против богатых и «знатных».

Источники определенно говорят о том, что своего рода инициатором, организующим центром движения выступает на этом этапе тот же Путивль, который сыграл немалую роль в победе первого самозванца.

Крестьянскую войну на ее наивысшем этапе возглавил Иван Исаевич Болотников. Как недавно выяснил В. И. Корецкий, Болотников происходил из обедневших детей боярских, возможно из Подмосковья. Он был одним из тех, кто в результате хозяйственного разорения 1570—1580-х годов деклассировался, превратившись в крестьян или даже холопов. Болотников стал холопом князя А. А. Телятевского, служил в его московском подворье и принадлежал к числу его военных «слуг»<sup>12</sup>. Это говорит о том, что ему военное дело было хорошо знакомо. Известно, что он бежал от господина к донским казакам, в вольнолюбивую среду храбрых и бесстрашных «рыцарей степей». Вероятно, он принимает участие в их походах, во время одного из них попадает в плен к крымским татарам. Из Крыма его продают в Турцию, молодого и крепкого невольника приковывают цепями к скамье на галере в числе других гребцов. Его освобождение стало делом случая: немецкие корабли, напавшие в море на турок, разбивают их, и с невольника сбивают ненавистные кандалы. Болотникова привезли в Венецию. Пожив здесь некоторое время на немецком подворье, он через Венгрию и Германию перебирается в Польшу во главе отряда из 10 тыс. запорожских казаков. Здесь он встречается с тем, кто, по слухам, спасся в Москве 17 мая 1606 г. от заговорщиков во главе с В. И. Шуйским. На этот раз в качестве «царя Димитрия», т. е. самозванца, выступал, вероятно, Михаил Молчанов. С письмом от «царя Димитрия» Болотников направляется в Путивль к князю Г. П. Шаховскому. И здесь он вскоре становится главным предводителем восставших. В этом факте нет ничего удивительного, поскольку Болотников приобрел известность и в Польше, и в России как человек, много испытавший, бывалый, опытный и искусный воин. Кроме того, он прибыл не

<sup>12</sup> В. И. Корецкий. О формировании Болотникова как вождя крестьянского восстания.—В кн.: Крестьянские войны в России XVII—XVIII вв.: проблемы, поиски, решения. М., 1974.

один, а во главе большого военного отряда, с которым вместе, вероятно, вел борьбу против турок во время пребывания в Венгрии. Эти запорожцы вместе со своим командиром приняли участие и в народном движении в России.

Будучи «царистом», главным монархистом, Болотников выступает как военачальник, полководец «царя Дмитрия», облеченный его особым доверием, которое он старается оправдать, поддерживает с ним связи в ходе восстания.

Современники, русские и иностранные, характеризуют его как «начальника» и «воеводу» восставших, «полководца», называют «большим заводчиком», «главным атаманом» и в то же время подчеркивают его подчиненное положение по отношению к «царю Дмитрию» и «царевичу Петру»: он — «гетман царя Дмитрия» или «боярин царевича Петра».

В русских источниках, вышедших из правительственных кругов, из дворянской среды, его называют не иначе, как «вор». Современники же из числа иностранцев (как, например, К. Буссов) отдают ему должное. Он, по словам И. Массы, — «удалец», «отважный витязь», «отважный воин». К. Буссов считает его мужественным и энергичным вождем, человеком своего слова, которое он сдержит даже под угрозой лишения жизни. «Достоинейший муж и сведущий в военном деле» — так говорил о нем архиепископ елассонский Арсений, который враждебно относился ко всякому народному движению<sup>13</sup>.

Поводом для начала движения, и слова в юго-западных уездах России, был отказ местного населения «целовать крест» новому царю В. И. Шуйскому — оно боялось мести со стороны новых властей за помощь Лжедмитрию I. Жители городов и селений этого района не принимают новых воевод, присланных В. И. Шуйским, расправляются с ними. Так поступают в Путивле и Белгороде, Борисове и Осколе. Участники движения — посадские люди, крестьяне, казаки, служилые люди по прибору, дворяне — выступают под лозунгом свержения царя В. И. Шуйского и восстановления на престоле «царя Дмитрия».

В течение лета к восстанию присоединились десятки городов. И. Масса свидетельствует, что они располагались

<sup>13</sup> И. И. Смирнов. Восстание Болотникова, стр. 138—143.



«в земле Северской и волости Комарицкой, а именно: Путивль, Елец, Тула, Кромы, Рыльск и многие другие рядом с ними». Все города, «вплоть до самой Москвы вновь при- сягнули Дмитрию»<sup>14</sup>.

Восставшие направились к Москве и провозгласили своей целью расправу с боярами и дворянами, борьбу с феодально-крепостническим гнетом.

В походе на Москву, помимо народных низов, участвовала и часть средне- и мелкопоместных дворян, а Истома Пашков, венецкий сын боярский и сотник, выступает даже в роли одного из военачальщиков повстанческих сил. Впоследствии к народному движению примыкают и некоторые бояре. Все эти дворяне и бояре, используя стихию народного восстания, стремятся к власти, почету и славе, но в конце концов отходят от движения, изменяют ему, так как с восставшими им не по пути. Они понимают, что могут получить желаемое от царя Шуйского, а не от своих классовых врагов — крестьян и холопов.

Правительство Шуйского спешно мобилизует силы и посылает их против восставших. Начинаются кровопролитные сражения. В полосе наступления болотниковцев решающее столкновение происходит у города-крепости Кромы. Этот город осадило царское войско воевод князя Ю. Н. Трубецкого и князя Б. М. Лыкова, но их действия не принесли успеха. В конце лета, в августе, сюда подошел Болотников. Повстанцы наголову разгромили войско Шуйского. По словам современника-поляка В. Диаментовского, под Кромами было «побито» 8 тыс. воинов царя<sup>15</sup>. Они в панике бежали на север, но не смогли там закрепиться, так как гарнизоны и жители городов и уездов поднимали восстание.

Под Ельцом в августе 1606 г. такая же участь постигла другое царское войско. Им командовал князь И. М. Воротынский. Разбитые воеводы из-под Кром и Ельца спасались бегством в Москву.

В ходе этих и последующих сражений в плен к участникам восстания попало большое количество ратников из армии Шуйского, в том числе дворян и их челядь. И ха-

<sup>14</sup> И. Масса. Краткое известие, стр. 153; Восстание И. Болотникова. Документы и материалы, стр. 110, 241. И. И. Смирнов. Восстание Болотникова, стр. 136—137.

<sup>15</sup> Восстание И. Болотникова. Документы и материалы, стр. 166.

рактарно, что если И. Пашков отпускал тысячи дворян и их холопов по домам, а иногда посылал в Путивль, где сидело «правительство» Г. П. Шаховского, то повстанцы Болотникова во время продвижения на север истребляли дворян, громили их имения, конфисковывали их имущество; этими расправами во многих случаях лично руководил сам Болотников. Один из источников (Карамзинский или Столяров хронограф)<sup>16</sup> сообщает в связи с этим: «И в тех украинских, в польских и в северских городех тамошние люди по вражью наваждению бояр и воевод и всяких людей побивали всякими смертми, бросали с башен, а иных за ноги вешали и к городовым стенам распинали и многими разноличными смертми казнили и прожиточных (богатых.— В. Б.) людей грабили; а ково побивали и грабили, и тех называли изменники, а оне будто стоят за царя Дмитрия»<sup>17</sup>.

Войско Болотникова двигалось из-под Кром по направлению к Калуге, Пашков—от Ельца на Рязань, где к нему присоединились рязанские помещики во главе с П. Ляпуновым и тульские во главе с Г. Сумбуловым. Все города и уезды к югу от реки Оки переходят под знамя восстания против Шуйского. Царь лихорадочно спешит принять меры — приводят в порядок остатки армий, разбитых под Кромами и Ельцом, собирают новых ратников. Царское войско идет к Калуге, намереваясь под прикрытием ее стен вести борьбу с восставшими. Но Болотников заранее договорился с посадскими людьми, и те перешли на его сторону и закрыли ворота перед воеводами царя. Последние вынуждены были принять бой с повстанцами в 7 км к западу от Калуги у устья реки Угры, но вскоре отступили к Москве.

Болотников вскоре занимает Алексин и Серпухов, к северу от которого на реке Лопасне вступает в сражение с войском князя В. В. Кольцова-Мосальского и заставляет его отступить. В новом ожесточенном сражении на реке Пахре оба войска — повстанческое И. И. Болотникова и царское князя М. В. Скопина-Шуйского — несут большие потери.

<sup>16</sup> Хронограф — историческое сочинение, содержащее сведения о всемирной, в том числе и русской истории; указанный хронограф принадлежал известному столяру, а в начале XIX в. — историку и писателю Н. М. Карамзину.

<sup>17</sup> А. Попов. Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции. М., 1869, стр. 331.



Между тем к Москве через Новосиль, Тулу, Рязань, Коломну продвигается армия И. Пашкова. На пути из Коломны в Москву у села Троицкого оно полностью разгромило войско Шуйского.

Обе армии восставших приближались к столице. По пути они одержали немало побед над опытными царскими воеводами, причем наибольшее значение для хода Крестьянской войны имели действия повстанцев Болотникова.

Восставшие подошли к Москве, очевидно, в конце октября (возможно, 28 октября). В это время восстание широко охватило Подмоскowie — к югу, юго-западу и юго-востоку от Москвы действовали войска Болотникова, к западу от нее — отряды атаманов Ф. Берсена, Соломы, В. Шестакова и др.

### ОСАДА СТОЛИЦЫ

Под Москвой объединились силы Болотникова и Пашкова. Всего в рядах повстанцев, осадивших столицу, насчитывалось несколько десятков тысяч человек. В основном они принадлежали к социальным низам; это были прежде всего крестьяне, холопы, казаки (запорожские, донские, волжские и др.), посадские люди, служилые люди по прибору. Число дворян в сравнении с ними было невелико — по несколько сот ратников имели в своем распоряжении Пашков, Ляпунов и Сумбулов; дворянские отряды в повстанческом войске составляли особые, независимые единицы. Главное командование в объединенных силах принадлежало Болотникову как представителю наиболее многочисленных и решительно настроенных слоев повстанцев. Вождь же дворян-попутчиков Пашков отошел на второй план. Воспринял это он с большим неудовольствием, что не могло не сказаться на действиях и замыслах руководителей, принадлежащих к разным лагерям.

Главное, что быстро привело к размежеванию сил в лагере под Москвой, состояло в классовой позиции основной массы повстанцев и их предводителя Болотникова, с одной стороны, и дворянских «попутчиков», с другой.

Болотников и его повстанцы направляют к жителям Москвы «листы» или «письма», т. е. прокламации, с призывами о присоединении к восстанию. Они, по словам современника, уговаривали столичных холопов, «чтобы те

взялись за оружие против своих господ и завладели их имениями и добром. Страх (господ.— В. В.) перед этими людьми был почти так же велик, как перед врагом извне и даже больше ввиду того, что простой народ... был очень непостоянен и готов к мятежам при всяком слухе, надеясь вместе с мятежниками участвовать в разграблении города. Бояре же и лучшие горожане были в не меньшем беспокойстве, чем остальные, под влиянием рассказов, слышанных от захваченных в плен мятежников»<sup>18</sup>.

Таким образом, московских холопов и других простолюдинов болотниковцы призывают к выступлению против феодалов и богатеев-купцов, конфискации их имущества в свою пользу. Одновременно шла агитация в пользу «царя Димитрия» и против царя Шуйского. Суть заключалась в том, что якобы «царь Димитрий» 17 мая 1606 г. спасся, находится в Польше или Путивле и скоро придет, чтобы снова воцариться в Москве и помочь простым людям. Главным в действиях и призывах повстанцев был пункт о борьбе с крепостничеством, который с развитием восстания становился все отчетливее. И это обстоятельство не могло не отпугивать от Болотникова основной массы восставших попутчиков-дворян. Но утверждение о спасении Дмитрия ослабляло позиции Болотникова. Многие москвичи, прекрасно помнившие события мая 1606 г., сомневались в его истинности, тем более что их пожелания видеть «спасшегося», несмотря на все обещания руководителей движения, не выполнялись. Один из очевидцев осады Москвы сообщает, что к Болотникову приехали представители жителей Москвы, но, так и не увидев «царя Димитрия», вернулись обратно; вслед за этим царские войска, оборонявшие город, «осмелели и стали ежедневно делать вылазки, храбро вступая в схватки»<sup>19</sup>.

Положение Шуйского в начале осады было очень тяжелым. Правительству не хватало войск, средств, продовольствия. Простой народ волновался. Многие бояре и дворяне покидали столицу. Одни ехали в свои имения, другие — в подмосковный лагерь к восставшим. Многие ненавидели Шуйского и его приспешников и мечтали от них избавиться.

<sup>18</sup> Восстание И. Болотникова, стр. 181.

<sup>19</sup> К. Буссов. Московская хроника 1584—1613 гг. М.—Л., 1961, стр. 139—140.



Несмотря на трудности, правительству удается с ними постепенно справиться. Организуется набор ратников в северных и северо-восточных уездах, к западу и северо-западу от Москвы. Хотя многие уклоняются от службы, однако на помощь Шуйскому спешат дворянские и стрелецкие полки из Смоленска и Тулы, с Двины и из других мест.

В течение поября позиции Шуйского постепенно усиливались. Правда, повстанцы держали в страхе правящие круги, наносили удары феодалам под стенами Москвы. Однако правительство собирало силы — в его распоряжении находились основные районы государства, имелись мощные рычаги воздействия на население.

Правительство распространяет ложные сведения о ходе борьбы с восставшими, извращает факты, преувеличивает свои успехи и имевшиеся в его распоряжении военные силы, рассылает по всей стране грамоты патриарха Гермогена с проклятиями в адрес восставших.

Сильной ставкой Шуйского были расчеты на разложение лагеря Болотникова изнутри, на противоречия между основной массой повстанцев — выходцев из угнетенных низов, с одной стороны, и дворянами, с другой. И этот расчет оправдался — дворяне Пашкова, Ляцунова и Сумбулова не могли, конечно, мириться с призывами болотниковцев к расправе с феодалами, освобождению от их гнета; а ведь эти призывы осуществлялись на деле — в районе движения прекращались выплата палогов, всякие работы на феодалов и государство. Именно на это жаловались правительству рязанские помещики — их «мужики» не подчинялись владельцам и властям с 1606 до 1611 г. Несомненно, их примеру следовали жители и других уездов, включавшиеся в борьбу против Шуйского и дворян.

Дворянские попутчики в войске Болотникова быстро переметнулись на сторону Шуйского. «Месяц совместного пребывания у стен столицы, — по словам С. Ф. Платонова, — показал дворянам землевладельцам и рабовладельцам, что они находятся в политическом союзе с своими социальными врагами»<sup>20</sup>. Ратники Шуйского переходят к активным действиям против восставших, тем более, что царь во время тайных переговоров склонил Пашкова и его

<sup>20</sup> С. Ф. Платонов. Очерки по истории смуты в Московском государстве XVI—XVII вв. СПб., 1899, стр. 334.

друзей на свою сторону — в ход пошли богатые подарки золотом и серебром. Дворяне пошли на это легко, так как с повстанцами им было не по пути.

Царские военные отряды нападают на позиции восставших за Яузой, у Даниловского монастыря и в селе Коломенском, где Болотников устроил сильно укрепленный лагерь («обоз», «острог»). Он состоял из земляных укреплений («шанцы»), вокруг которых в несколько рядов располагались сани, набитые сеном и соломой и политые водой; зимой все это «смерзлось, как камень». Повстанцы не смогли полностью замкнуть кольцо блокады вокруг Москвы. Они располагались в основном у южных и юго-восточных окраин. Сил да и воинского умения у них не хватало.

Вооруженные вылазки из Москвы, измены (в ноябре к Шуйскому перебежали дворяне Ляпунова и Сумбулова, небольшое число стрельцов) обеспокоили Болотникова. В конце ноября он пытается усилить блокаду. Отряд И. Пашкова, посланный в Красное село с целью перерезать дорогу на Ярославль и Вологду, терпит поражение во время боя с царскими войсками.

27 ноября царское войско одерживает новую победу, на этот раз в Замоскворечье. Во время этого сражения на сторону правительственных войск перебежал Пашков со своими дворянами. Все эти измены, несмотря на малочисленность дворянских отрядов в сравнении с остальными повстанцами, в известной степени расстроили их ряды. К тому же в этом сражении, как и в ноябрьских боях вообще, повстанческое войско понесло большие потери.

Новое, еще более кровопролитное сражение происходит 2 декабря. У деревни Котлы на пути из Москвы в Коломенское сходитя войско Болотникова и армия И. И. Шуйского, брата царя, и М. В. Скопина-Шуйского, его племянника. Восставшие, по рассказам современников, сражались бесстрашно, но тем не менее потерпели поражение и отошли в свой коломенский лагерь. Царские воеводы, в отличие от предыдущих сражений, после окончания которых они возвращались в столицу, на этот раз пошли к Коломенскому. Три дня длилась ожесточенная осада лагеря Болотникова. Его защитники во время обстрелов из пушек укрывались в шанцах. Но в конце концов зажигательные ядра разбили и зажгли «острог». В результате войско Болотникова было разбито, но значитель-



ная его часть, отступив из-под Москвы, перешла в Калугу и Тулу. Тысячи пленных повстанцев по распоряжению Шуйского были казнены. Других развозили в ссылки по разным городам.

### БОЛОТНИКОВ И «ЦАРЕВИЧ ПЕТР». ОКОНЧАНИЕ ВОССТАНИЯ

Сразу после поражения Болотникова обрадованный царь поспешил оповестить об этом население — уже 5 декабря гонцы повезли в разные стороны грамоты с сообщением о победе над «ворами» и «мятежниками». Но торжествовал он преждевременно. Его воеводы, и в первую очередь брат Д. И. Шуйский, потерпевший позорное поражение под селом Троицким, надеялись быстро добить повстанцев, бежавших от Москвы в Калугу, тем более что город не располагал мощными укреплениями. Однако получилось иначе.

Д. И. Шуйский, жаждавший взять реванш, подошел к Калуге с несколькими десятками тысяч воинов. Но с ходу взять город и разгромить Болотникова, на что он рассчитывал, не удалось. Более того, началась долгая и изнурительная осада. Дело в том, что Болотников, пришедший сюда, принял быстрые и энергичные меры по укреплению старых и возведению новых укреплений. За несколько недель вокруг Калуги соорудили частокол, с обеих сторон укрепили его землей и вырыли рвы перед ним и позади него. Болотников послал в другие города, подержавшие дело восстания, за помощью, так как царские воеводы не смогли установить полную блокаду Калуги. Пришедшие на помощь подкрепления нанесли удар по царскому войску с тыла, Болотников вышел ему навстречу. Эта кровопролитная битва 11—12 декабря 1606 г. закончилась полным разгромом ратников Д. И. Шуйского, многие из которых (по некоторым данным, до 14 тыс. чел.) полегли на поле боя, а другие позорно бежали. Но у Серпухова повстанцы настигли их и снова разгромили.

Менее чем через неделю у Калуги появляется новое войско, на этот раз его возглавляет другой брат царя — И. И. Шуйский, военачальник столь же бездарный, как и Д. И. Шуйский. Он также терпит поражение. Многочисленные вылазки, организуемые Болотниковым, на-

посят немалый урон врагу. Царь шлет брату большое подкрепление с «нарядом большим и огненными пушками», т. е. с сильной артиллерией. Осада усилилась. Повстанцам, сидевшим в городе, сильно досаждали непрерывные бомбардировки. Начался голод. Происходили частые стычки — осаждающие предпринимали штурмы, осажденные отвечали контрударами-вылазками.

Воеводы, видя безуспешность своих попыток, приказывают разбивать деревянные стены калужских укреплений специальными стенобитными приспособлениями. Но и это не помогает. Тогда царские воины возводят целую «деревянную гору», или «примет». Насыная все больше и выше дрова и укрываясь за ними от обстрела, они постепенно приближались к стенам города. Воеводы надеялись зажечь калужский острог, «выкурить» оттуда повстанцев и затем разгромить их.

Болотников примерно в январе 1607 г. предпринимает контрманевр, причем все делает с соблюдением строжайшей секретности. Под «примет» подвели земляной подкоп и положили большое количество пороха. Повстанцы уловили момент, когда на дровяной горе находилось большое количество врагов и подожгли фитиль. Варыв огромной силы разбросал во все стороны дрова и ратников. В стане Д. И. Шуйского началась страшная паника, и в этот момент в ряды врагов ворвались повстанцы. Это был полный разгром царских ратников и блестящая победа Болотникова. В руки восставших попала большая добыча — вся артиллерия, много другого оружия и всякого имущества.

Восставшие, не располагавшие достаточными силами и ослабевшие от осады с ее штурмами и голодом, не смогли преследовать беглецов и идти на Москву. Поэтому вскоре осада Калуги возобновилась. Она проходила в обстановке продолжающегося в разных районах страны восстания, что не могло не сковывать силы Шуйского, отвлекая часть их от борьбы с главной повстанческой армией Болотникова. Кроме того, часть болотниковцев засела в Туле, к которой спешил на помощь другой предводитель восставших — «царевич Петр».

Движение «царевича Петра» началось до восстания И. И. Болотникова, т. е. на предыдущем этапе Крестьянской войны. Его предводитель происходил из муромских посадских людей. Звали его Илья Иванович Горчаков.



После смерти матери он служил у нижегородского купца, затем превратился в бездомного, гуляющего человека — служил на судах по Волге и Каме, работал в Астрахани, побывал также в Москве. В Терском городке (Терках) стал холопом у Григория Елагина, потом снова бродяжил по разным местам, возвратился к терским казакам. Обедневшие и скудные, они планировали организовать какой-нибудь поход за добычей на Каспий. Но потом среди них пошли разговоры иного свойства. Они решили идти походом не в Персию, а в Москву, чтобы получить «жалованье» от царя Дмитрия (т. е. Лжедмитрия I). Но поскольку сделать это «доброе» дело мешают ему «лихие бояре», то нужно самим явиться перед лицо правителя. Это и задумали человек с 300 терских казаков. Для достижения своей цели они «приговорили» назвать И. И. Горчакова или Илейку Муромца «царевичем Петром». Их расчет состоял, очевидно, в том, что царь Дмитрий Иванович, будучи «сыном» Ивана Грозного, с вниманием отнесется к просьбам своего «племянника», поскольку самозванец, появившийся на далеком Тереке, выдавал себя за несуществовавшего «сына» царя Федора Ивановича.

Ранней весной 1606 г. терские казаки во главе со своим «царевичем» направились на Волгу с тем, чтобы затем идти против «лихих бояр» в Москву. Они послали письмо Лжедмитрию I. Тот, чувствуя шаткость своего положения, рад был возможности его укрепить с помощью силы, которая могла бы поддержать шатающийся трон самозванца. «Петр» у Самары получил ответ «царя Дмитрия», звавшего его в Москву. Казаки продолжили свой путь, но около Свияжска узнали о событиях 17 мая и гибели того, к кому стремились.

К царю Шуйскому являться со своими просьбами не было никакого смысла, и они повернули вниз по Волге. Добравшись до Царицына, они вскоре через Иловлю и Дон перебираются в Путивль — один из главных центров народного движения, снова начавшегося на юго-западе России под лозунгом «хорошего царя» — «царя Дмитрия». Это решение было для них естественным — ведь именно к этому царю они пытались добраться незадолго до того. «Правительство» из Путивля, призывая их присоединиться к общему делу, сообщило, что царь спасся и теперь идет походом, чтобы восстановить свои права, погранные теми же «лихими боярами».

Пробираясь к Путивлю, повстанцы «царевича Петра» расправлялись с воеводами Шуйского. Так было, например, в Цареве-Борисове. Прибыв в Путивль, «царевич Петр» становится по существу во главе народного движения в южных и юго-западных уездах России. Повстанцы, им возглавленные, беспощадно расправляются с народными угнетателями-боярами и дворянами. «Новый летописец» так описывает эти расправы: «Многих воевод и дворян различными муками мучили: иных з башни кидаху, иных с мосту в ров, иных вверх ногами вешаху, иных по степам распинаху, руки и ноги гвоздми прибавше, ис пицалей растреляху»<sup>21</sup>.

«Царевич Петр», прибыв в Путивль, уже имел войско в несколько тысяч человек. Здесь же оно непрерывно увеличивалось. Предводитель посылает отряды на помощь Болотникову к Калуге, где они участвуют в разгроме царской армии Д. И. Шуйского. Затем отряд князя А. А. Телятевского громит царские войска под Веневом и Тулой.

А в феврале 1607 г. посланное «Петром Федоровичем» новое большое войско во главе с князем В. В. Кольцовым-Мосальским терпит сильное поражение от царских воевод на реке Вырке под Калугой в кровопролитной битве, продолжавшейся целые сутки. В ней с обеих сторон участвовали десятки тысяч воинов, а мужество повстанцев вынуждены были отметить даже правительственные источники. В следующем месяце восставшие снова терпят поражение под Серебряными Прудами.

Эти поражения осложнили положение Болотникова в Калуге. Осада города продолжалась. Ей сопутствовали обычные тяготы-обстрелы, штурмы, потери, голод. Шуйский, надеясь на сдачу города, шлет подкрепления. Но посланная им к Калуге новая армия князя И. М. Воротынского терпит поражение под его стенами от князя Телятевского, воеводы «царевича Петра». Царский командующий, его помощники (в их числе недавний «союзник» Болотникова Истома Пашков) бегут с поля боя. Других царских воевод повстанцы громят под Дедиловым. Здесь наблюдалась та же картина полного разгрома воевод и ратников, их панического бегства.

На этот раз положение Болотникова снова улучшилось. К нему спешит на помощь все тот же Телятевский.

<sup>21</sup> ПСРЛ, т. 14, стр. 74.



В мае на реке Пчельне под Калугой правительственное войско терпит сокрушительное поражение, а его командующие погибают. Тысячи воинов из его состава переходят в ходе сражения на сторону восставших; в их числе — 4 тыс. казаков (вероятно, запорожских), пришедших с Болотниковым под Москву и попавших в плен к царю Шуйскому в ходе сражения начала декабря 1606 г. Остатки царского войска вернулись к Калуге в свой лагерь. На следующий день Болотников решительным ударом довершил дело, начатое на Пчельне. По сообщениям современников, натиск повстанцев был так смел и стремителен, что царские воеводы едва успели выбежать из своих палаток и спастись бегством. Болотников, по свидетельству К. Буссова, «задал им такого, что они бросили свой лагерь вместе с рвами, орудиями, припасами, провиантом и всем прочим и с великим ужасом и страхом бежали к Москве».

После этой замечательной победы армии Болотникова и Телятевского идут в Тулу к «царевичу Петру», который приказал здесь казнить многих царских воинов, захваченных в плен.

Правительство Шуйского вскоре начинает лихорадочно собирать силы и средства для продолжения борьбы с восставшими — мобилизует по всей стране дворян и зависимых от них людей, занимает деньги у монастырей и купцов для уплаты жалованья служилым людям, обещает освобождение тем холопам, которые покинут повстанческое войско. Дворян за участие в борьбе с восставшими щедро награждают землями и деньгами, а Уложение 1607 г. в интересах основной массы дворян, т. е. средне- и мелкопоместных, удлиняет срок сыска их беглых крестьян до 15 лет. Одновременно правительство строго преследует «четчиков» — тех дворян, которые не являлись на службу.

Болотников появился в Туле как «боярин» «царевича Петра Федоровича», т. е. он подчинился «племяннику» того «царя Димитрия», «тетманом» которого являлся. Сам переход Болотникова из Калуги в Тулу, кроме возможных соображений «субординации», имел веские причины. Нам неизвестно, какими силами располагали болотниковцы весной 1607 г., что мог противопоставить им Шуйский, если бы они сразу же после Пчельны и Калуги пошли на Москву? По-видимому, правительство и феодалы располагали все-таки ресурсами большими, чем восставшие,

большим опытом в военных, административных и других делах. Воеводы Шуйского не раз терпели поражения, однако остававшиеся в живых и разбегавшиеся ратники постепенно собирались и снова включались в борьбу с восставшими. Достаточно сказать, что после калужской катастрофы правительство выслало новое большое войско к Туле в том же мае 1607 г.

Именно ввиду этих причин восставшие отказались от нового похода на Москву и перешли из Калуги в Тулу.

Царское войско, направившееся под Тулу, 21 мая вышло из Москвы и вскоре пришло в Серпухов. Здесь царь, лично возглавивший войство, устраивает ему смотр. Из Тулы против царских ратников выступает войско во главе с Болотниковым и Телятевским, оно насчитывало до 30—40 тыс. воинов. В битве на реке Восме под Каширой 5 июня 1607 г. оно терпит поражение. Через неделю то же повторяется под Тулой, и начинается осада города, продолжающаяся четыре месяца. 30 июня под Тулу прибывает сам В. И. Шуйский. Его войско насчитывало, вероятно, многие десятки тысяч воинов (данные иностранных современников о 100—150 тыс. чел., вероятно, преувеличены); оно сильно превосходило силы восставших — в Туле находилось в осаде примерно до 20 тыс. повстанцев. Несмотря на неравенство сил, осажденные устраивали многочисленные вылазки, не раз громили царских ратников.

Продолжались классовые сражения и в других районах, в том числе и в тех, которые находились поблизости от Тулы. Кроме того, на западе летом того же 1607 г. объявился новый самозванец под именем Дмитрия — Лжедмитрий II. Снова народные низы пополняют его войско — обещания «прежней вольности», раздаваемые им, и, главное, надежды угнетенных опять приносят свои плоды.

В трудной обстановке Шуйскому мог помочь только случай. И он представился. Царь и его приближенные уже сильно беспокоились за исход осады — заканчивалось лето, приближалась осень, а за ней зима; дворяне, естественно, все больше думали о возвращении в свои имения, уборке урожая. Падения Тулы не предвиделось, опыт осады Калуги многому научил обе борющиеся стороны. И именно в этот момент растерянности и уныния в царском лагере мелкий муромский дворянин И. С. Кровков, земляк «царевича Петра», предложил Шуйскому и его



боярам план, который мог принудить осажденных к сдаче — затопить Тулу, соорудив на реке Упе плотину ниже города. Сначала над ним посмеялись, затем согласились и начали возведение плотины. Два месяца царские ратники бросали в реку все, что только можно. Началось наводнение. В Туле свирепствовал голод. Помощь от «царя Димитрия» не приходила. Не являлся и он сам. Руководители восстания пошли на переговоры с Шуйским, и 10 октября 1607 г. по договору с ним город открыл ворота с условием сохранения жизни всем повстанцам. Но царь и на этот раз не сдержал слова. «Царевича Петра» повесили около Даниловского монастыря под Москвой, а Болотникова отвезли в далекий северный Каргополь и там ослепили, а потом утопили.

Так закончилось восстание И. И. Болотникова, высший этап первой Крестьянской войны. Однако с распадом главной повстанческой армии и гибелью ее вождей народное движение не прекратилось. Начавшись в ряде случаев еще до движения, возглавленного Болотниковым, оно продолжалось и в последующее время.

Помимо действий главных сил повстанцев под Москвой, в Калуге и Туле, восставшие боролись во многих других местах. Уже накануне и в ходе осады Болотниковым Москвы царское правительство принимает меры по борьбе с отрядами восставших к западу, северо-западу и к югу от столицы. В Среднем Поволжье русские и нерусские жители выступали, нередко совместно, против крепостничества, все более распространявшегося в этом районе. Одни из них расправились с арзамасским воеводой Ж. С. Сабуровым, другие осаждали Нижний Новгород. В районе Курмыша повстанцы задерживали гонцов Шуйского, расправлялись с ними. Борьба с социальным гнетом феодалов, властей переплеталась с борьбой против национального гнета. К движению здесь примкнула часть дворян, недовольных теми или иными распоряжениями Шуйского (например, о смещении некоторых воевод, назначенных еще Лжедмитрием I) и ожидавших удовлетворения своих целей в случае возвращения на престол «царя Димитрия».

Карательные экспедиции, посланные правительством, подавляют восстание в Среднем Поволжье.

В Нижнем Поволжье центром борьбы становится Астрахань. Летом 1604 г., еще до восстания Болотникова,

казаки громят здесь богатых торговцев. Весной следующего года «смута великая» заставляет трепетать астраханского воеводу М. Б. Сабурова. Его вскоре переводят в Царев-Борисов, поскольку Астрахань переходит на сторону «царя Димитрия», и тот спешит выслать из нее родственника Годунова. Сабуров впоследствии погиб от рук восставших.

В Астрахани летом того же 1605 г. восставший народ разгромил двор архиепископа Феодосия, призывавшего «не целовать крест», т. е. не присягать самозванцу. «Многих людей» Феодосия восставшие убили, а его самого арестовали и отправили в Москву к «царю Димитрию».

Гибель Лжедмитрия I и воцарение В. И. Шуйского снова сопровождаются бурными событиями в Астрахани. Часть ее жителей присягнула Шуйскому, другие отказались это сделать. 17 июня 1606 г., не поверив известию о гибели «царя Димитрия», восставшие разгромили многие дворы представителей царской администрации, местных дворян. Они не пустили в город Ф. И. Шереметева, назначенного Шуйским воеводой, и по-прежнему подчинялись «боярину и воеводе» царя Димитрия князю И. Д. Хворостинину.

В городе происходит раскол. Дворяне и богатые торговцы ждут Шереметева или бегут в его лагерь. Повстанцы же (посадские люди, холопы, стрельцы, казаки) выступают против властей Шуйского и местных феодалов, богатеев. Восставшие не верили вестям о гибели Димитрия в Москве в мае 1606 г. Они укрепляют Астрахань, совершают вылазки против Шереметева. Одной из важных мер повстанцев было освобождение из подневольного состояния кабальных холопов.

В Астрахани в 1607 г. и в последующие годы повстанцы выдвигают из своей среды трех самозванцев: Ивана-Августа, якобы «сына» Ивана Грозного, Осиновика и Лаврентия (Лавра, Лавера) — «сыновей» царя Федора. Особой активностью отличается первый из них. Он совершает летом 1607 г. поход по Волге и доходит до Саратова, приказывает расправиться с воеводой Царицына, присланным к нему его восставшими жителями.

Движение в Астрахани продолжается и после окончания восстания Болотникова.

К северо-востоку от Поволжья восстание вспыхнуло в



Пермской и Вятской земле. Здесь жители тоже присягали «царю Димитрию» и отказывались признать власть В. И. Шуйского. Так поступили жители города Котельнича. «Даточные люди», собранные в Перми и Пермском уезде для борьбы с Болотниковым, отказались подчиняться сборщику П. Благово и объединились с котельничскими повстанцами. Вскоре «даточные» разошлись в свои родные места, а Благово ни с чем вернулся в Москву.

Сбор денег для нужд правительства Шуйского привел к волнениям важских крестьян на Северной Двине и восстанию в Пскове.

### ОКОНЧАНИЕ ПЕРВОЙ КРЕСТЬЯНСКОЙ ВОЙНЫ

Несмотря на поражение повстанцев-болотниковцев, народное движение продолжалось. Даже те из них, кто капитулировал в Туле, не сложили оружие; по словам одного из русских авторов XVII в., они «паки (снова.— В. Б.) составиша рать больше первые и вместо тишины дохнуша бурю»<sup>22</sup>.

Крестьянская война в 1608 г. продолжалась в уездах к югу от Оки, в Поволжье, во Пскове, в районе Вятки и Перми. Не хотели подчиняться власти Шуйского Зарайск, Михайлов, Гремячий, Рязск, Пронск; антифеодалная борьба рязанских крестьян имела своим следствием бегство местных помещиков из своих имений. Жители Калуги после ухода Болотникова и падения Тулы по-прежнему сидели в осаде и не впускали царских воевод.

С осени 1607 г. жители южных, юго-западных районов включаются в движение, связанное с походом Лжедмитрия II. По-прежнему участие различных слоев в борьбе против Шуйского и его правительства вызывалось противоположными причинами: низы надеялись получить облегчение от феодально-крепостнического гнета, дворяне — новые земли, привилегии.

Переход народных низов на сторону второго самозванца, в котором они снова увидели «истинного царя», покровителя всех обездоленных, был, как и раньше, формой классовой борьбы против «плохого царя» и его бояр, против крепостничества. Лжедмитрий II учитывал эти на-

<sup>22</sup> Русская историческая библиотека (РИБ), т. XIII, стб. 115.

строения — его грамоты обещали «вольность» крестьянам и холопам, всякие милости горожанам. И именно поэтому низшие слои населения вливаются в отряды самозванца, превращаясь в «казаков»; среди них немало болотниковцев, героев осады Калуги и Тулы, участников движения из других городов и уездов. Они расправлялись с феодалами, а последние, спасаясь от их гнева, бежали под защиту городских укреплений, в том числе и в Москву к царю Шуйскому. В царской грамоте в Пермь от 7 сентября 1608 г. говорится об этом: «Пришли к нам наших украинских и северских всех городов дворяне и дети боярские с женами и с детьми, пометав свои поместья и вотчины, разорены до основанья от изменников и от воров, и бьют нам челом, чтобы нам их пожаловати для нужи их денежным жалованьем»<sup>23</sup>.

Войска Лжедмитрия II шли из юго-западных земель, которые опять стали исходной базой не только действий самозванца, но и очередного этапа классовой борьбы. Они направлялись к Москве, не встречая по существу серьезного сопротивления.

Жители городов и уездов присягают «царю Димитрию», сажают в тюрьмы тех воевод, дворян и купцов, которые отказываются поступить таким же образом. За исключением Сибири и некоторых городов Европейской России (Смоленск, Рязань, Коломна, Нижний Новгород, Казань) везде признают власть «законного царя».

Однако вскоре, как и в 1605—1606 гг., социальные низы испытали разочарование.

Летом 1608 г. второй самозванец подошел со своими военными силами к Москве и расположился в селе Тушино. Сюда к «тушинскому вору» из Москвы и других мест приехало немало русских бояр и дворян, по тем или иным причинам недовольных Шуйским. Но, кроме них, на стороне «царя Димитрия» выступали многие крестьяне и холопы, посадские и служилые люди по прибору. В его войсках, насчитывавших десятки тысяч человек (под Москвой и в разных уездах страны), воевали допские казаки атамана И. М. Заруцкого, участника восстания И. И. Болотникова.

Тушинцы захватили ряд уездов в центре и на севере страны. Но политика насилий и грабежей, которую прово-

---

<sup>23</sup> Акты Археографической экспедиции (ААЭ), т. II, № 87.



дрили иноземные захватчики, находившиеся в отрядах самозванца, привела к тому, что от поддержки «царя Дмитрия» народные низы переходят к борьбе с ним. Их классовая борьба сопровождается все более нарастающей национально-освободительной борьбой. Ее инициаторами стали северные и поволжские города во главе с Вологодой. Они выступают против интервентов, громят их. Так происходит уже в 1608 г. А в следующем году ополчения северных городов ведут борьбу с интервентами вместе с правительственными силами князя М. В. Скопина-Шуйского и шведским отрядом Я. Делагарди, присланным в Россию согласно Выборгскому договору со Швецией 28 февраля 1609 г. В результате к весне следующего года тушинский лагерь распался. Но с осени 1609 г. началась открытая интервенция польско-литовских феодалов: их армия приступила к осаде Смоленска.

В результате сговора московские бояре, страшившиеся своих подданных больше, чем иноземцев-феодалов, в 1610 г. свергли с престола В. И. Шуйского, а кандидатом в русские цари признали польского королевича Владислава. В сентябре того же года в Москву были введены польские войска.

В этой обстановке на первый план постепенно выступает национально-освободительная борьба против интервентов, которые хозяйничали в России. Однако не прекращалась все эти годы и классовая борьба. Крестьяне и холопы, посадские люди и казаки, находившиеся в отрядах Лжедмитрия II, нападают на бояр и дворян, громят речные суда богатых купцов. Эти выступления, в которых переплетались и антифеодальные и разбойные моменты, имели место в Московском, Коломенском, Рязанском, Владимирском и других уездах. Крестьяне ряда северных и северо-восточных монастырей отказываются от работ и внесения платежей.

В Поволжье восставшие, русские и нерусские, «целуют крест» «законному царю», ведут борьбу против Шуйского и его местных представителей (например, осаждают оставшиеся верными ему Нижний Новгород и Казань), против местных помещиков и монастырей. Царские отряды в конце 1608 г. и в 1609 г. несколько раз разбивают восставших под Нижним Новгородом и Свияжском. Но борьба не утихла — в руки повстанцев попадает ряд городов (Чебоксары, Цивильск, Санчурск и др.), они рас-

правляются со сторонниками В. И. Шуйского. Отряды восставших насчитывают по несколько тысяч человек.

В 1606—1611 гг. сильное движение продолжается в Вятско-Пермском районе. Восставшие здесь захватили Котельнич, Вятский уезд.

В Астрахани до 1608 г. движение возглавлял «царевич» Иван-Август. Решительная борьба восставших заставила уйти из-под города царское войско Ф. И. Шереметева. Восстание здесь продолжалось до 1614 г.

Во Пскове и его уезде народное движение также не прекращалось долгие годы после подавления восстания Болотникова. Городские жители разделились на два враждующих лагеря: в одном находились бояре, дворяне, дети боярские, богатые гости, монахи, в другом — посадские тяглецы, крестьяне, казаки, стрельцы. Псковские «меньшие люди» открыто выражают свои симпатии сосланным в их город болотниковцам, не допускают их казни. А с осени 1608 г. они высказываются за признание власти «царя Димитрия», выступая против воевод В. И. Шуйского, псковских знатных и богатых людей. То же происходило в городах и селениях, подчиненных Пскову. Псковичи выпускают из тюрьмы болотниковцев, конфискуют имущество богачей, расправляются с воеводой П. Н. Шереметевым, стрелецким головой П. М. Бурцевым и др.

Борьба между псковскими «меньшими» и «большими» продолжалась и в 1609 г. Летом этого года попытка псковской знати с помощью новгородского войска подавить восстание «меньших» окончилась плачевно для них — повстанцы казнили многих «больших людей и бояр», фактическим главой правительства Пскова становится «мужик простой» Тимофей Кудекуша Тронец (трепальщик льна).

Борьба продолжалась с переменным успехом и в 1610 г., когда снова установилось «смердов самовластие», а власть воевод, «больших людей» была сведена на нет. В следующем году во Пскове появился свой самозванец Матюшка. Одновременно с выступлениями против классовых врагов псковичи-простолюдины ведут борьбу с иноземными захватчиками-шведами. Они признали власть руководителей Первого, а затем Второго ополчения. Классовая борьба во Пскове закончилась в 1612 г.

В 1611—1612 гг. широкие размеры приняла национально-освободительная борьба. Одновременно происходит некоторый спад антифеодалного движения. Однако оно



продолжалось, хотя и в меньшем размере и видоизмененных формах. Борьба против интервентов в определенной степени тоже имела антифеодальное содержание, так как народные низы видели в них, и не без основания, не только национальных, но и классовых врагов. Эти нерусские феодалы являлись братьями по классу русских дворян, выступали за сохранение и укрепление крепостнических отношений, ослабленных или уничтоженных в некоторых районах России в результате выступлений угнетенных.

Имели место и восстания социальных низов против русских феодалов. Кроме рассмотренных выше выступлений в Поволжье и Пскове, борьба с феодалами велась и в центре страны.

Последней вспышкой народного движения, являющегося составной частью первой Крестьянской войны, выступает крупное восстание крестьян ряда центральных уездов (преимущественно к северу и северо-востоку от Москвы) в 1614—1615 гг.<sup>24</sup> Оно явилось ответом на курс правительства царя М. Ф. Романова (пришедшего к власти в 1613 г.), которое в массовом порядке раздает дворянству, а также зажиточным казакам земли, в частности и в первую очередь, земли чернососных и дворцовых крестьян к северу от Москвы. А между тем, среди последних было немало людей, которые в недавние годы вели героическую борьбу с интервентами. Власти организуют в стране сыск и возврат беглых крестьян, преследуют их за «непослушание». Увеличиваются налоги. Усиливается крепостнический режим, ослабленный в ряде местностей в предшествующие годы.

Крестьяне, превратившиеся по указанию правительства в крепостных, с оружием в руках поднимаются в защиту своих попранных прав; на их стороне действуют казаки из бывших крестьян. Движение с начала 1614 г. распространяется на Вологодский, Белозерский и многие соседние уезды. Восставшие собираются в отряды, ведут борьбу с царскими войсками. Их численность вырастает нередко до внушительных размеров. Например, в Новгородском, Каргопольском и Белозерском уездах число повстанцев доходило до 30—40 тыс. чел.

Новоиспещенных помещиков (дворян, казачьих атаманов), появляющихся в этих уездах, восставшие изго-

<sup>24</sup> В. А. Фигаровский. Крестьянское восстание 1614—1615 гг.— Исторические записки, 1963, т. 73,

няют или убивают. Под их контроль в 1614—1615 гг. переходят обширные районы Замосковья и Поморья. Прекращается сбор налогов, уничтожается власть царских воевод.

Однако локальность, разрозненность выступлений повстанцев позволяют царским войскам громить поодиночке их отдельные отряды. Поражение под Москвой и в Ярославском уезде 20-тысячного войска казаков-повстанцев привело к окончанию и этого широкого народного движения, и первой Крестьянской войны вообще.

Так завершились грандиозные классовые битвы, очень сложные по составу движущих сил, их стремлениям и действиям, продолжавшиеся примерно полтора десятилетия.



## ВТОРАЯ КРЕСТЬЯНСКАЯ ВОЙНА

### ПОЛОЖЕНИЕ В СТРАНЕ. ВОЙСКО ДОНСКОЕ

В XVII в., когда страна вступила, по словам В. И. Ленина, в «новый период русской истории», происходит немало важных событий, начинаются процессы, оказавшие огромное влияние на ее социально-экономическое, политическое, культурное развитие. Говоря об отсутствии «национальных связей» в России «в средние века, в эпоху московского царства», о «живых следах прежней автономии, особенностях в управлении» и т. д., В. И. Ленин пишет: «Только новый период русской истории (примерно с 17 века) характеризуется действительно фактическим слиянием всех таких областей, земель и княжеств в одно целое. Слияние это... вызывалось усиливающимся обменом между областями, постепенно растущим товарным обращением, концентрированием небольших местных рынков в один всероссийский рынок. Так как руководителями и хозяевами этого процесса были капиталисты-купцы, то создание этих национальных связей было не чем иным, как созданием связей буржуазных»<sup>1</sup>.

Эта замечательная ленинская характеристика дает ключ к пониманию особенностей этого развития, появления новых важных моментов, которые в исторической перспективе привели к смене феодальной формации капиталистической.

Речь идет о зарождении в недрах господствующей феодальной формации ростков, зародышей новых капиталистических отношений или, говоря словами В. И. Ленина, «буржуазных связей». Этому не противоречит тот несомненный факт, что феодальная формация в XVII в. продолжала сохранять ведущие позиции и развиваться. Более того, развитие феодально-крепостнических отношений происходит в рамках мощного централизованного государства, резко возрастает централизованный нажим феодалов

<sup>1</sup> В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 1, стр. 153—154.

на зависимые слои населения; конец XVI—XVIII в.— важнейший этап в истории крепостного права, принимающего *особо грубые, уродливые формы*.

XVII столетие — время бурного развития крепостничества *вширь и вглубь*. Это было связано в первую очередь с преобладанием натурального хозяйства в экономике страны и выражалось в росте землевладения дворян и уменьшении крестьянской запашки, вовлечении в оборот новых земель и закреплении новых слоев населения, *общем усилении режима крепостничества*.

В течение XVII в. российские дворяне получили от властей в поместья и вотчины огромное количество земель, населенных свободными (черносошными или государственными), дворцовыми крестьянами. Эти пожалования давались за заслуги в борьбе с внешними врагами и с народными восстаниями внутри страны. Так было в 1613 г. и последующие годы правления Михаила Романова, правительство которого пожаловало дворянам десятки тысяч десятин. То же периодически повторялось до конца столетия. В итоге «черные» земли в центральных уездах страны почти исчезли, существенно сократился и фонд дворцовых земель.

Большие размеры приняла колонизация земель феодалами, светскими и духовными, на окраинах страны. В ее южных уездах, в «Диком поле» русские помещики захватывали земли по мере ослабления набегов крымских татар. А оно было следствием общего усиления мощи России, в частности, ремонта Заозной засечной черты в 30-е годы XVII в. и постройки впоследствии более южной Белгородской засечной черты. Земли в пределах уездов Орловского, Кромского, Лебедянского, Шацкого, Тамбовского постепенно переходили в руки феодалов. То же происходит и в Поволжье, где светские и духовные феодалы прибирают к рукам большие земельные пространства.

Земельные раздачи и закрепощение новых масс людей ведут к значительному росту количества крепостных крестьян. По переписи 1678—1679 гг., в России насчитывалось 833 603 двора и 3 043 338 душ мужского пола населения; из них феодалам, светским и духовным, принадлежало 65,9% дворов и 67,9% душ мужского пола.

Основным источником получения дохода феодалами являлся труд крепостного крестьянина. Естественно поэтому стремление феодалов, с одной стороны, получить в



свое распоряжение как можно больше крестьян, с другой — воспрепятствовать уходу, бегству тех, кем они уже владели, вернуть их «из бегов» с помощью властей.

В течение всей первой половины столетия дворяне в коллективных челобитных требуют у правительства отмены «урочных» лет, организации бессрочного сыска беглых и вывезенных крестьян. В условиях хозяйственного разорения, вплоть до 1620-х годов, власти не идут на удовлетворение этих просьб. После же восстановления хозяйства, улучшения экономического положения страны правительство постепенно удовлетворяет требования феодалов: срок сыска беглых в 1630—1640-е годы удлинняется сначала до 9 лет, затем до 10 лет (для беглых) и 15 лет (для насильно вывезенных). Наконец, Соборное уложение 1649 г. полностью отменяет «урочные лета» и окончательно оформляет юридически полную и «вечную» крепостную зависимость крестьян от владельцев. Последние получали полное право на труд, личность крепостного, его имущество, право сбора налогов, полицейского надзора и суда.

Создание кодекса законов 1649 г. явилось важнейшим рубежом в истории крепостного права в России. Если раньше крестьяне хоть как-то, с большими опасностями и трудами, могли освободиться от крепостного состояния, переждать где-нибудь подальше от своих родных мест «урочные лета», то теперь по этим стремлениям и надеждам был нанесен сильный удар. Конечно, побег продолжались и после 1649 г., но теперь появился закон, который защищал интересы феодалов, предусматривал жестокие и массовые, не ограниченные никакими сроками, меры карательных органов государства против беглецов.

С середины XVII столетия усиливается общее наступление эксплуататоров-феодалов и их государственного аппарата на эксплуатируемых. Растут барщинные и оброчные повинности крестьян. Так, в подмосковных и южных уездах Европейской России крестьяне должны были до 2—4 дней в неделю работать в хозяйстве феодала, выполнять все повинности (пахота и уборка урожая, строительство зданий, подвоз к городским дворам своих господ необходимых им припасов). Обычно феодалы требовали также исполнения барщинных работ и несения оброчных платежей натурой и деньгами. Размеры и соотношение различных видов ренты варьировались в зависимости от местных условий. Общим было стремление феодалов к

увеличению своих доходов. Об этом заботились все, вплоть до главного феодала страны — царя, распорядившегося на правах частного владельца в своих огромных дворцовых имениях. Так, царь Алексей Михайлович писал одному из своих приказчиков: «И будет на что можно оброк прибавить, и ты б о том чинил по своему усмотрению».

Устойчивый характер имела тенденция роста государственных налогов. Основной налог — посонная подать — взимался с земли, точнее — с определенного ее количества в зависимости от классово-сословной принадлежности владельца (больше — с крестьян, меньше — с духовных феодалов, еще меньше — со светских феодалов). Правительство первых Романовых держало курс на замену поземельного обложения подворным. Реформа 1679—1681 г. окончательно закрепила этот принцип, в результате чего увеличились доходы государства и ухудшилось положение налогоплательщиков-крестьян. Один из основных целевых налогов — стрелецкие деньги, собиравшиеся на содержание войска, вырос с 1619 по 1663 г. в 10 раз. Росли размеры и ямских денег — налога, шедшего на нужды почтовой службы (ямской гоньбы).

Кроме прямых налогов, имелись и косвенные. Власти нередко шли на такие эксперименты с косвенным налогообложением, которые приводили к резкому его возрастанию. Так, в 1647 г. правительство молодого царя Алексея Михайловича по инициативе боярина Б. И. Морозова, «дядьки» (воспитателя) и родственника царя (они были женаты на сестрах Милославских), и его помощников решило заменить стрелецкие деньги и другие прямые налоги одним косвенным — власти распорядились в несколько раз повысить цену на соль. Эта мера привела к такому возмущению в широких слоях народа, что правительство вынуждено было отменить налог на соль. Однако даже эта уступка не могла предотвратить взрыв — летом 1648 г. в Москве вспыхнуло крупное антифеодалное восстание, названное современниками «соляным бунтом».

Наряду с налогами, простым людям досаждали бесконечные повинности — подводная, постройка и ремонт укреплений и дорог и т. д. Наконец, разоряли их всякие чрезвычайные сборы на нужды государства. Так, в 50—60-е годы XVII в., когда Россия вела долгие и изнурительные войны с Польшей и Швецией после воссоединения Украины с Россией в 1654 г., объявлялись сборы



«пятой деньги», «десятой деньги», «двадцатой деньги», размер которых равнялся соответственно 20%, 10%, 5% от всех доходов и имущества. Взимались эти налоги с торгово-ремесленного населения городов.

Крестьяне разорялись, «скудели», превращались в бобылей — обедневших людей, которые не выполняли крестьянские работы и вносили облегченный наполовину или более оброк — бобыльщину. Из среды обнищавших людей выходили наймиты-гулящие (вольные люди), не имевшие чаще всего ни двора, ни хозяйства и кормившиеся наемной работой на речных судах, на мануфактурах и неземледельческих промыслах (рыбных и соляных). Десятки тысяч таких наймитов ежегодно собирались на Волге, Северной Двине, Сухоне и других реках, на Каспийском море и т. д.

Бедные люди составляли нижний слой русского крестьянства; к высшему слою принадлежали их зажиточные односельчане, обогащавшиеся за счет «худых» людей. Они занимались торговлей, промыслами, предпринимательством, использовали наемный труд. Усиливалось имущественное расслоение в среде крестьян.

Двойной гнет испытывало нерусское население Поволжья — помимо «своих» феодалов, татары и мордва, мари и чуваша в течение XVII в. все больше и больше страдали от наступления русского феодального землевладения. Бояре и дворяне, патриарх и монастыри захватывали десятки тысяч десятин лучших земель и угодий, оттесняя местных жителей, превращая часть их в своих крепостных. Та же судьба постигала и многих русских людей, бежавших сюда от феодалов в поисках лучшей доли. Русские феодалы в течение XVII в. получили в свое владение в той или иной форме многие тысячи дворов и крестьян, превращенных в крепостных людей. Основная масса незакрепощенных людей из нерусского населения платила ясак (натуральный налог), исполняла многочисленные повинности (подводная, ямская, постой царских приказных людей, поставка воинов, строительные работы и т. д.), страдала от натуральных поборов, насилий и вымогательств местных властей.

Все это не могло не привести к выступлениям нерусских народов, нередко совместно с русскими людьми, против социального и национального гнета со стороны русских и нерусских феодалов, крепостнического государства.

Тяготы налогов и экстренных сборов ухудшали положение и торгово-ремесленного населения. Правда, посадская реформа 1649—1652 гг. ликвидировала «белые слободы» феодалов в городах, жители которых, занимавшиеся, как и посадские тяглецы, торговлей и ремеслом, не несли посадского тягла, — эти «беломестцы» освобождались («обелялись») от налогов. Теперь эта категория населения также стала нести посадское тягло. Далее, по упоминавшейся уже реформе 1679—1681 гг. были снижены ставки налогов для посадских людей. Эти меры привели к некоторому их успокоению, однако выиграли от них прежде всего посадские верхи: зажиточные ремесленники и купцы (гости и др.). В их руках находились раскладка и сбор налогов, чем они беззастенчиво пользовались для своего обогащения в ущерб посадской бедноте, которую они, кроме того, эксплуатировали в своих торгово-промысловых предприятиях.

В посадской общине в еще большей степени, чем в крестьянской среде, усиливалось имущественное расслоение, что приводило к обострению противоречий между богатыми («лучшими», «прожиточными») и бедными («меньшими», «худыми»).

Близко к крестьянам и посадским людям стояли по своему происхождению и положению «служилые люди по прибору»: стрельцы, городовые казаки, пушкарки, воротники (охраняли городские, крепостные ворота), затинщики (стояли за «тыном» на крепостных стенах у «затинных пищалей» — крепостных орудий небольшого калибра). Они вышли из крестьян, холопов, посадских людей. За свою службу приборные люди получали жалованье — земельное, денежное и хлебное. Для прокормления, поскольку жалованья не хватало, им разрешалось заниматься торговлей и промыслами. Основная масса приборных людей вела тяжелую трудовую жизнь, но из их среды постепенно также выделилась богатая верхушка. Ухудшение положения большинства стрельцов (уменьшение вдвое жалованья в третьей четверти XVII в., необходимость платить налоги с торгово-ремесленных занятий, крайний произвол властей и стрелецких начальников — дворян) обусловило их участие в ряде народных движений XVII в. Однако, будучи составной частью карательных сил феодально-крепостнического государства, стрельцы нередко участвовали в подавлении восстаний социальных низов,



Резкое ухудшение положения народных масс уже в середине столетия вызвало ряд крупных городских восстаний — в Москве, Новгороде Великом, Пскове, Устюге Великом, Курске, Воронеже и ряде других городов. В 1648—1650 гг. посадские люди и холопы, служилые люди по прибору и подгородные крестьяне выступили против роста феодально-крепостнического гнета и насилий местной администрации.

После подавления этих «бунтов», которое сопровождалось казнями и ссылками их участников, наступило некоторое затишье. Но долго оно продолжаться не могло — страна вступила в такую полосу страшных тягот и страданий, которые не могли не вызвать новый, еще более мощный взрыв народного протеста.

Война с Польшей из-за Украины продолжалась почти полтора десятилетия (1654—1667 гг.); одновременно пришлось вести борьбу и со Швецией (1656—1658 гг.). Войны разорили подавляющее большинство трудового населения страны. Резко увеличились палогы, а чрезвычайные сборы взимались иногда дважды в течение одного года. Крестьяне должны были поставлять для армии сукна, холсты, продовольствие и многое другое. Сильно выросли повинности по поставке подвод для перевозок, возведению оборонительных сооружений (засеки и др.), изготовлению стругов и т. д. В армию набирали все новых и новых «даточных» из тех же крестьян. Неурожаи и эпидемии усугубляли тяжелое положение народа. Нехватка средств толкнула правительство на рискованный и необдуманный шаг — в год начала войны с Польшей для покрытия огромных расходов было приказано чеканить в больших количествах медную монету (до этого употреблялись только серебряные). Если сначала медные деньги ходили в одинаковой цене с серебряными, то вскоре, и чем дальше, тем больше, увеличился разрыв между номинальной и реальной стоимостью медных денег; последняя к началу 1660-х годов упала примерно в 15 раз. Крестьяне отказывались брать медные копейки в уплату за продукты, а ратники — получать жалованье медной монетой. Росли дороговизна и спекуляция. В обращении появилось огромное количество фальшивых денег из меди. Разразилась настоящая финансовая катастрофа. Всеобщий ропот вылился в крупнейшее восстание посадских и служилых низов 25 июня 1662 г. в Москве. Хотя восстание и было жестоко подав-

лено, правительство вскоре вынуждено было отказаться от выпуска медных денег.

Весьма широкие размеры в 1650—1660-х годах приняло бегство обездоленного люда — крестьян и холопов, посадской и служилой бедноты. Крестьяне и холопы в одиночку, семьями и даже целыми селениями снимаются с насиженных мест и перебираются в новые — в соседние или более отдаленные — места, а нередко на окраины, в казачьи области. Часто, уходя от феодалов, беглецы громили их имения, уничтожали документы, оформлявшие крепостническое состояние, расправлялись с господами. Беглецы подчас возвращались в родные места, но не для того, чтобы снова подчиниться феодалу, а чтобы отомстить ему или «подговорить» к бегству своих родственников и односельчан<sup>2</sup>.

Обеспокоенные дворяне, многие из которых находились на фронтах военных действий, осаждают правительство требованиями об организации сыска беглых. В 1658 г. издается специальный указ, согласно которому в конце 50—60-х годов в широких размерах проводится общегосударственный сыск беглых. Сыщики и карательные отряды действуют в десятках городов и уездов, преимущественно на южных и юго-восточных окраинах страны. Десятки тысяч людей возвращаются к своим прежним хозяевам. Сыск сопровождался упорной борьбой, сопротивлением беглых. Все это чрезвычайно накалило обстановку, особенно в районах Придонья и Поволжья, где скапливалось большое количество беглецов, социально наиболее активных элементов.

Началась вторая Крестьянская война в области Войска Донского. Сложившееся в XVI—XVII вв. донское казачество состояло главным образом из беглых различных уездов России. Это — бывшие крепостные крестьяне и холопы, бобыли и гулящие люди, посадские и приборные низы. Они селились по Дону и его притокам — Северскому Донцу, Хопру, Медведице и др. Освобождаясь от под-

---

<sup>2</sup> А. А. Новосельский. Побег крестьян и холопов и их сыск в Московском государстве второй половины XVII в. — Труды Института истории РАН ИИОН, вып. I. М., 1926; П. А. Булыгин. Беглые крестьяне Рязанского уезда в 60-е годы XVII в. — Исторические записки, 1953, т. 43; И. В. Степанов. Крестьянская война в России в 1670—1671 гг. Восстание Степана Разина, т. I. Л., 1966, стр. 245 и сл.



невольного состояния, казаки не подчинялись общероссийскому законодательству; у них не было ни феодалов, ни воевод. Всеми делами вершили общие сходки — круги. На них казаки сообща решали вопросы войны и мира, выбирали атаманов и их помощников-есаулов. Нетрудно заметить, что эти порядки были принесены сюда русскими людьми из своих родных мест — издревле русские крестьяне решали свои дела на мирских сходках, выбирали представителей мирского самоуправления (старосты и пр.); горожане помнили вечевые традиции, которые возродились в годы народных восстаний.

Называть строй казачьего самоуправления в полном смысле «республиканским» — неверно. Помимо того, что делами в Войске Донском управляла прежде всего зажиточная верхушка, эксплуатировавшая основную массу рядовых, бедных казаков (голытьба, голутва), на решение дел все большее влияние оказывало московское правительство. Дело в том, что, несмотря на свою автономию в пределах России, Дон находился от нее в прямой экономической и, естественно, политической зависимости.

Царские власти, заинтересованные в Войске Донском как в своем военном форпосте, оборонявшем южные пределы страны от внешних врагов (Крым, Турция и др.) и набегов кочевников, до поры до времени терпели донские вольные порядки, «своеволия» казаков (например, нападения на владения тех иноземных властителей, с которыми царь не хотел портить отношения). Более того, царь и его бояре ежегодно посылали на Дон помощь — денежное жалованье, хлеб и сукна, оружие и припасы к нему. Во всем этом на Дону постоянно нуждались, особенно в хлебе. Оружие и одежду еще можно было добыть — походы «за зипунами» против внешних врагов или кочевников зачастую и преследовали цели материального обогащения, из них казаки возвращались нередко с большой добычей: кошельки наполнялись золотыми и серебряными монетами, а богатые, с насечкой и инкрустацией, сабли и пистолеты вызывали зависть у тех, кто оставался дома; привозили участники походов и немало роскошных восточных тканей для жен и дочерей. Но вот с хлебом обстояло плохо — земледелием на Дону, как и вообще у казаков, не занимались.

Царские власти, посылая помощь, зорко следили за Дном, особенно за настроениями и действиями голытьбы.

Дотошно расспрашивали обо всем донские станицы<sup>3</sup>, которые периодически прибывали в Москву из Войска Донского. Московские бояре и дьяки посылали на Дон своих агентов, и те собирали нужные данные. «Голутвенные люди» относились к подобной деятельности московских бояр с подозрением, донская же верхушка все более шла у них на поводу в расчете на подачки. Зажиточное, «домовитое» казачество, живущее преимущественно в низовьях Дона, стало социальной опорой российского царизма в Войске Донском. Именно на него он опирался в проведении своей политики стеснения прав донского казачества. А это выражалось в запретах совершать неугодные русскому правительству походы, вмешательстве в дела войскового управления. Особую неприязнь вызывали попытки московских правителей ограничить прием беглых на Дону, где господствовал обычай: «С Дону выдачи нет».

Задержка с присылкой жалованья использовалась в необходимых для правительства случаях как средство давления на Войско Донское, даже своего рода экономической блокады. К тому же к середине XVII в. территория России охватывала Дон с трех сторон — с севера, запада и востока. Если возникала нужда, царские воеводы по приказу из Москвы могли запретить донцам вести торговлю в пограничных русских уездах, перекрыть заставами торговые пути.

В 50—60-е годы положение на Дону еще больше осложнилось. В связи с тяжелым положением в русских уездах сюда хлынул еще более сильный, чем раньше, поток беглых. Беглые с Украины, вошедшей в состав России в 1654 г., возврата которых потребовало от украинской старшины правительство Алексея Михайловича, тоже шли на Дон. Положение беглых на Дону было нелегким. Их в первую очередь эксплуатировали «домовитые». Беднота собиралась в отряды и совершала походы за добычей. снаряжались они обычно с помощью тех же богатеев, которым по возвращении отдавали львиную долю того, что удалось с риском добыть в дальних краях. Совершать такие походы становилось все трудней — по всей Волге стояли крепости, и в ее устье располагалась мощная астраханская крепость, преграждавшая путь в Каспийское море, куда особенно охотно плавали казаки, гра-

<sup>3</sup> Станица — отряд казаков, отправлявшийся в поход или с посольством; одновременно станица — поселение казаков.



били караваны и прибрежные города и селения шаха персидского и дагестанских владетелей. Они освобождали здесь русских пленников, привезенных сюда из набегов, и собирали богатую добычу. Выход в Азовское и Черное моря был перекрыт еще более крепко — в 1660 г. турки, владевшие Азовом, верстах в двух от него построили мощную крепость Седд-ул-Ислам (Оплот Ислама), а течение реки перегородили цепями, прикрепленными к двум башням по ее берегам.

Проводя политику экономических репрессий против донской бедноты, в среду которой влилось много беглых, русское правительство в 60-е годы ограничивает подвоз продовольствия на Дон, торговые операции в пограничных районах. В 1666 г. оно настаивает на переписи и возвращении из донских городков беглых крестьян из дворцовых владений самого царя Алексея.

Положение на Дону в 60-е годы становится невыносимым. Нехватка хлеба и других припасов, отчаянное положение бедноты толкает ее на организацию походов за добычей. Обычно они действуют на Волге — громят струги, целые караваны богатых купцов, а по пути туда — дворы богатых донских казаков. Однако наряду с элементами «разбойности» в этих походах явственно проглядывают черты классовых, антифеодальных выступлений донской бедноты.

## НАЧАЛО ДВИЖЕНИЯ

Бурные проявления народного протеста, которые в разных размерах и формах прорывались в 50—60-е годы, явились прямыми предвестниками огромного по своим масштабам народного движения, возглавленного С. Т. Разиным.

Как и другие крестьянские войны, вторую из них нельзя свести только к тем действиям ее участников, когда они организовались в повстанческую армию, вели военные действия широких масштабов, захватили обширные территории и т. д. Вряд ли можно считать крестьянской войной только то, что было на самом деле ее кульминацией. Как всякое историческое событие, ее необходимо изучать в развитии — от зарождения движения (когда еще не было повстанческой армии и т. д.) до его поражения.

Первые искры второй Крестьянской войны вспыхнули в 1666 г. Инициатором движения выступила донская голытьба верховьев Дона (верховские городки), где весной этого года начался голод. Сначала все выглядело безобидно. Несколько отрядов бедных казаков в июне этого года вышли с Дона и направились на Украину и в Москву для предложения своих услуг на «службу» украинскому гетману и самому царю. К гетману Брюховецкому явились атаманы И. Аверкиев и Ф. Горлушков с отрядами по 30—40 человек. Они оказались «пенадобны» и ни с чем кое-как вернулись на Дон, многие из казаков попали в плен к царским воеводам<sup>4</sup>.

Такой же на первый взгляд оказалась и судьба отряда Василия Родионовича Уса, тоже не получившего разрешения поступить на «службу». Однако события, сопровождавшие этот поход и последовавшие за ним, резко отличают его от предприятий, возглавленных Аверкиевым и Горлушковым<sup>5</sup>. «На государеву службу за государевым жалованьем» пошли с Усом к Москве не несколько десятков, а 700 человек. Все они — выходцы из верховской голытьбы, среди них было и немало беглых.

В июне 1666 г. 500 конников-усовцев прибыли в Воронеж, вскоре к ним приплыли на судах еще 200 человек. Отсюда с разрешения местного воеводы Василий Ус и его товарищи отправили в Москву своих представителей — станицу из 6 человек во главе с Е. Якимовым, а сами переместились ближе к столице и вскоре расположились лагерем под Тулой на реке Упе, в тех местах, где более половины столетия назад боролись с феодалами повстанцы Болотникова и «царевича Петра».

Станица Якимова привезла неутешительные вести — казакам отказали в предоставлении «службы» и приказали вернуться к своим очагам. В Уском лагере созвали круг, и его участники решили повторить просьбу. В Москву поехала новая станица из 13 человек, возглавил ее сам атаман В. Ус. Он прибыл в столицу и 9 июля подал просьбу о зачислении на службу.

На этот раз правительство ясно и резко показало свое крайнее недовольство действиями донцов. И вызвано это

<sup>4</sup> И. В. Степанов. Крестьянская война в России в 1670—1671 гг. Восстание Степана Разина, т. I, стр. 304—305.

<sup>5</sup> Там же, стр. 260—274, 305—307; Е. В. Чистякова. Василий Ус — сподвижник Степана Разина. М., 1963.



было в первую очередь не настойчивыми челобитьями казаков, а тем, что их мирный поход к Москве быстро начал превращаться в антифеодальное движение. Решающую роль сыграла здесь позиция «новоприхожих» беглых, которые, находясь в составе отряда Уса, проходили по тем местам, откуда они недавно бежали. Сотни крестьян и холопов Воронежского, Лебедянского, Веневского, Тульского и других уездов присоединялись к отряду. Тем самым крестьяне и холопы освобождались от своего подневольного состояния и превращались в казаков. Они приезжали в помещичьи имения, подговаривали к бегству своих собратьев и, самое главное, выступали против феодалов — их имения подвергали разгрому, имущество конфисковывали, а самих, случалось, убивали. «Подговорщики», уговаривавшие бедных и зависимых людей бежать в усовский отряд, появились даже в Москве.

В него же вступали некоторые солдаты и драгуны, дезертировавшие из царской армии.

Обстановка, сложившаяся в Воронежско-Тульском районе летом 1666 г., хорошо характеризуется в источниках. Местные помещики подавали в Москву челобитные. Они же излагали свои жалобы и устно, например, воеводе Тулы, куда многие из феодалов спасались бегством, избегая расправ усовцев. Так, тульские помещики жалуются, что донские казаки «прибрали на дороге к себе воров, людей наших (холопов.— В. Б.) и крестьян, которых... от нас... збежали, и иных всяких чинов людей. И те воры... приезжают в деревнишка наши и розаряют всяким разареньем, животицу отымают и насилвания чинят. И достольния... наши людишка и крестьянишка от нас... бегут, видев их воровское самовольство». Далее: донские казаки и приставшие к ним люди «похваляютца... на нас... всяким дурным и на дамишка наши разареньем»<sup>6</sup>. По словам тульского воеводы И. Ивашкина, к нему в съезжую избу (центр управления городом и уездом) приходили московские, тульские, веневские, соловские, дедиловские дворяне и говорили: донские казаки в своем Упском лагере «принимают к себе людей их и крестьян. И с теми де... людьми и со крестьяны приезжают в поместье их и в вотчины, и те де их поместья разоряют, людей их и крестьян подговаривают...». Посланным воеводой стрельцам и пушкарям

<sup>6</sup> Крестьянская война под предводительством Степана Разина. Сб. документов, т. I. М., 1954, стр. 36 (далее: Крестьянская война...).

донцы «тех беглых людей их и крестьян не отдают... И ныне... тульские помещики и вотчинники многие, поместье свои и деревни покинув, прибежали на Тулу с женами и с детьми и вдовы, бояся их разоренья и насильства»<sup>7</sup>.

Все эти данные говорят о том, что активную роль в перерастании мирного вначале похода казаков в антифеодальное движение играли не только местные крестьяне и холопы, но и пришедшие с Дона казаки, в первую очередь «новопришлые». Они с момента появления в русских уездах вели себя очень независимо — «самовольно», без разрешения воеводы продвинулись от Воронежа к Туле. К тульскому воеводе они отказались прислать своих представителей для рассмотрения жалоб местных дворян на действия «воров», разорявших их имения.

Дворян этого района охватила паника. Зависимые от них люди — холопы и крестьяне — поднялись против своих угнетателей. Их односельчане, в свое время бежавшие из этих мест на Дон и теперь пришедшие сюда в составе усовского отряда, вели среди них настоящую агитацию. Вот один из примеров: приказчик князя И. Голицына Я. Герасимов жаловался в июле тульскому воеводе, что в вотчину и поместья его господина в Дедюловском уезде приезжали из казачьих таборов «беглой крестьянин государя моего донской казак Игнашка Жариков, а на Дону прозвище Заворуй, с ыными казаками» — крестьянами Воронежского уезда, которые «пристали» к усовцам по пути их следования. Приказчик рассказывает далее о действиях «казаков»: «И подговорили государя моего крестьян Митьку Ермакова, Титка Фролова, Мишка Потапова, Стеньку Тарасова, Кузьку Жарикова». Они взяли в имении 10 лошадей, платье, холсты, «побили государя моего скотины 10 свиней, 20 баранов». Не ограничившись конфискациями, казаки снова приезжают в эти имения, подговаривают к побегу новых крестьян «и вотчину государя моего разоряют и похваляютца почным приездом государя моего вотчину разорить без остатку»<sup>8</sup>.

О событиях в южных уездах скоро узнали в Москве — отписки от местных воевод сильно обеспокоили руководителей московских приказов — Посольского, Разрядного, Тайных дел. К тому же правительство получило известия

<sup>7</sup> Крестьянская война..., т. I, стр. 52.

<sup>8</sup> Там же, стр. 48.

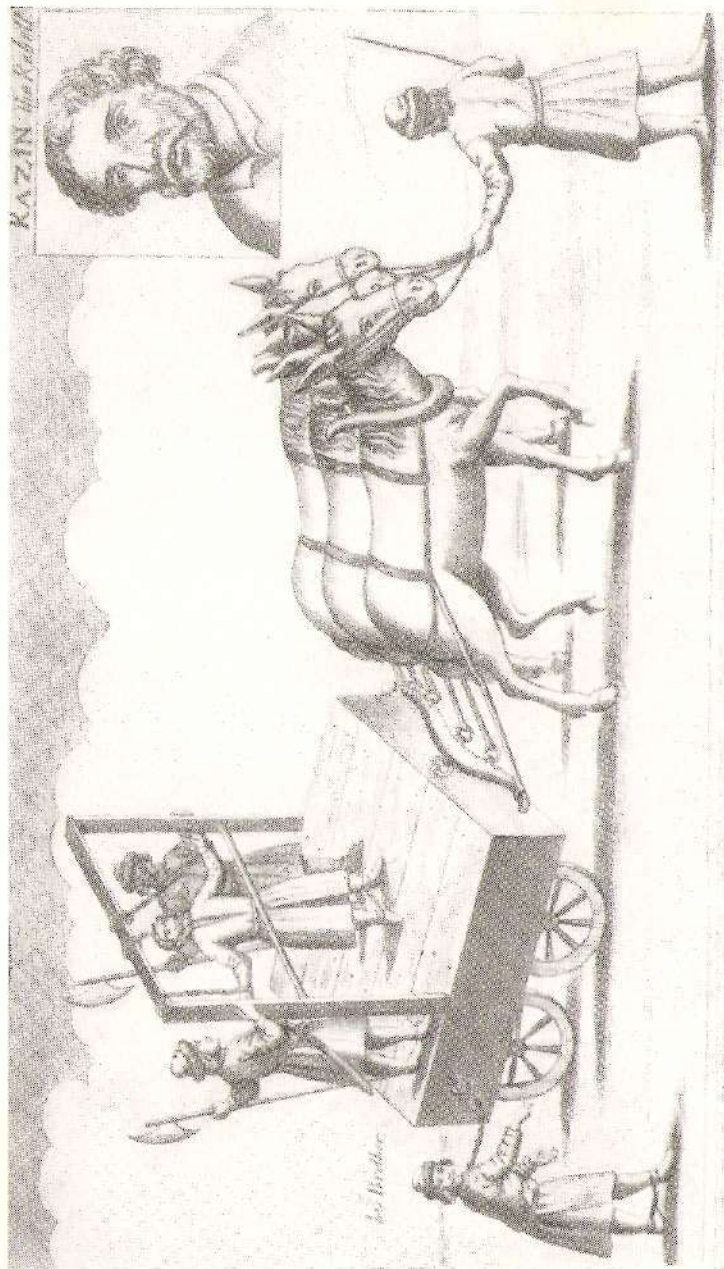




Степан Тимофеевич Разин. Гравюра XVII в.







Привоз Стелана Рязана в Москву на казнь. Англ. гравюра XVII в.

Пробише Пьянкого Гора Торады  
 Стафинномъ и Восподань и Пруна  
 Намь Аюки Овиль и Адрганъ Ва  
 на чинахъ Толета и Аглатинномъ  
 й кси земли и напта Тохой Сами  
 Свои походъ войнамъ Гетько  
 Птою я Буланевомъ Атан. и по  
 ноі алаиною шибъ Сми тмигъ  
 Ходань Да Си А тмигъ Запа  
 бо цетъ Розанъ и хоти мийи  
 Пороной аеме Араной Паша Сто  
 Силою Предизумъ а Смихъ мми  
 Взреть тмигъ а не ратиъ По  
 шихъ на саратъ йна паковъ ани  
 Силъ Сорок тмигъ атамъ нашъ  
 войнатоі атпамаъ Розатте  
 а фона стъ Буланъ Паша По да  
 й по птата а нми шире воронъ  
 и дри тмигъ и Хубащъ и Ва  
 Пароцетъ й наши Розанъ ана  
 Да геи Азла не ттъ Намъ Азла

«Прелестное письмо» атамана Н. Голого (1708 г.)





Емельян Иванович Пугачев. С портр. неизвестного художника, написанного на портрете Екатерины II (1773 г.)

Манифест Е. И. Пугачева от 3 марта 1774 г.,

Багубо милостивую  
 Мы Петру третичи Императору  
 Самодержцу Всероссийски  
 Императору Императрице  
 Объявляем вожделенное известие  
 Монаше мы пиданно введатца в  
 соной власти меду противли Фидели  
 Влажа вилми шудоткам набыи вонди  
 отпеленая свою милосердия ипро  
 нныя окоу велья онавелья жмудя  
 ани отпел отпелител свою сафо  
 педаннхъ забавъ пружити, велава  
 нави онаво вандуноу нави пружано  
 пиданножатца: телнароно. втпанова  
 его трудныи, и нави пружити хад  
 пружитца овсёо обидитца нато  
 голонаш пружитца это. и мити  
 для уинати нави наошежени вонди  
 противли мстпуако лхрбттеродили  
 смртной нави нави смотря нави  
 нелхрбфия это: нади понитца хелвз  
 вонди пружитца жпотплатца  
 нави вадитца вилнаво итупиднаво  
 свою галолюбжава монарха марта  
 3 мая 1774 года / *В. Пугачев*





Е. И. Пугачев. С портр. неизвестного художника  
(Гос. Исторический музей)

о восстании в Переяславле на Украине — крепостническая политика гетмана Брюховецкого, поддерживаемая и поощряемая русским самодержавием, вызвала отпор социальных низов: крестьян, бедных горожан и казаков.

14 июля 1666 г. Боярская дума разрабатывает меры по предотвращению дальнейшего распространения антифеодального движения к югу от столицы. По приговору Думы, в заседании которой участвовал сам царь Алексей Михайлович, казакам строго-настрого указали вернуться на Дон (откуда, кстати говоря, уже шла к Москве новая партия казаков в 500 человек). При этом власти потребовали от них выдачи всех беглых, которые присоединились к ним во время похода, а также, и это было самое опасное, тех, которые бежали на Дон с 1664 г., т. е. за шесть истекших лет! Это было прямое посягательство на старый обычай, гласивший: «С Дону выдачи нет». Правда, понимая, что подобное требование встретит решительное возражение донцов, правительство лавирует, допуская иные сроки: отдавать холопов и крестьян «помещиком их и вотчинником по крепостям по прежнему» не за 6 лет до 1666 г., а за 5, 4, 3, «а по самой последней мере за 2 года»<sup>9</sup>. В случае отказа казаков выполнить эти требования предписывалось жестоко их покарать.

Для исполнения этого приказа власти выслали карательное войско во главе с князем Ю. Н. Борятинским. Ему выделили 1000 солдат выборного полка М. Кривокова, объявили мобилизацию дворян уездов, охваченных антифеодальным движением или расположенных поблизости. Собирались каратели в Туле.

Казаки, узнав о решении правительства, собрались на круг. Они понимали, что противостоять хорошо организованному и вооруженному царскому войску невозможно. Снявшись из лагеря под Тулой, усовцы перебрались в Дедиловский уезд на реку Уперту, а затем, 26 июля, покинули и этот табор, «спешно и бережно», т. е. в полном порядке, быстро и организованно, начали отходить на Дон. Тем самым они сорвали замыслы правительства, не допустили ни выдачи беглых, ни переписи всех казаков (на чем тоже настаивали власти, стремившиеся выявить беглых людей, под предлогом выдачи разового жалованья), ни жестокой расправы, разгрома движения. Усовцы делали

<sup>9</sup> Там же, стр. 41.



по 50 верст в день и, по донесению полковника М. Кривокова, вели себя очень осторожно: «А где... лучитца им на станех стать, и оне лошади кормят в руках, а большая... половина сидят на конях, опасны за собою твоих великого государя людей»<sup>10</sup>.

Усовский отряд, разбившись на части, вернулся на Дон. С ним пришла сюда, вероятно, не одна сотня беглых крестьян и холопов из южных русских уездов. Они влились в массу бедняков, проживавших в донских городках. И без того сильные антифеодальные, антиправительственные настроения, царившие в среде донской бедноты, получили новый импульс. Приход новой партии беглых не мог не возбуждать других зависимых людей к таким же действиям.

Поход Василия Уса 1666 г. стал по существу первой, пусть еще небольшой по размеру, вспышкой того пожара, который охватил несколько лет спустя огромные территории юга и юго-востока Европейской России.

## НАРОДНЫЙ ПРЕДВОДИТЕЛЬ

Если исключить несколько грозных лет Крестьянской войны, когда деятельность Степана Разина отразилась в большом количестве источников, то окажется, что об остальной жизни 40-летнего в ту пору атамана мы знаем очень немного. Свидетельства о более ранних периодах его жизни — это жалкие крохи в сравнении с документами и описаниями современников 1667—1671 гг. и с тем знаменитым песенным циклом, который начал складываться в годы Крестьянской войны.

Степан Разин родился около 1630 г. — по сообщениям современников-иностранцев, в 1670 г. ему было примерно 40 лет.

Батыр-ага, один из приближенных крымского хана, летом 1670 г. в разговоре с русскими послами назвал С. Разина «тумой», т. е. сыном русского и турчанки<sup>11</sup>. Отец Степана — Тимофей Разин, возможно, бежал в свое время из воронежских мест. Его брат Никита Черток, дядя Степана Разина «по отце», был «родом воронежец, а мать и

<sup>10</sup> Крестьянская война..., т. I, стр. 63.

<sup>11</sup> Крестьянская война..., т. III. М., 1962, стр. 54.

жена его на Воронеже, а на Дону жил он 3 год в бурлаках...», на Дон его послали из Воронежа «с хлебными запасами» еще «во 177-м году» (в 1668—1669 г.)<sup>12</sup>, в разгар Каспийского похода, во главе которого стоял его племянник. Неизвестно только, к какому слою принадлежали эти воронежцы — к посадским людям или крестьянам. Разинцы поддерживали тесные связи с воронежцами, которые снабжали их всякими запасами при подготовке похода на Каспийское море. А сам Никита Черток впоследствии возглавил большой отряд повстанцев.

Тимофей Разин умер в 1649 или 1650 г., когда его сыну Степану исполнилось 19—20 лет. Он не успел, как собирался, сходить вместе с «Стенькою помолитися в Соловецком монастыре иреподобным отцем Изосиму и Саватее, соловецким чудотворцем», обращение к которым, как считали в те времена, помогало в исцелении ран. Возможно, Тимофей Разин не раз участвовал в смелых походах, отличился в сражениях, побывал в дальних землях, откуда вывез добычу, в том числе и красивую турчанку, которая стала матерью знаменитого впоследствии донского атамана. О ней ничего неизвестно, вряд ли она прожила в плену долгую жизнь. Источники упоминают также «названную мать» Степана Матрену Говоруху; ее в ноябре 1670 г. или несколько ранее схватили и казнили (отсекли голову) в Цареве-Борисове<sup>13</sup>; до этого она долгое время находилась в повстанческом войске Степана Разина. Вместе с ней погибли ее сын Яков и зять Иван Москаль.

Семья Тимофея Разина принадлежала к домовитому, зажиточному казачеству, пользовалась известностью; его сын Степан был крестником самого Корнилы Яковлева — одного из вождей домовитых, будущего атамана Войска Донского.

Мы ничего не знаем о Степане Разине до начала 50-х годов. Первое документальное известие сообщает, что 5 ноября 1652 г. Степан Разин, молодой человек 20-ти с лишним лет, «в кругу» в Черкасске (казачьей столице) просил отпустить его в Соловецкий монастырь, чтобы выполнить обет, данный его покойным отцом и им самим, «помолитися» соловецким чудотворцам. То же повторилось в 1661 г., хотя на этот раз он, возможно, и не добрался до Соловков. Во время этих путешествий Разин, несо-

<sup>12</sup> Там же, т. III, стр. 13, 39.

<sup>13</sup> Крестьянская война..., т. II, ч. 2, 1959, стр. 87.



мненно, побывал в Москве. Посетил он столицу и по другому случаю — в 1658 г. ездил в составе станицы во главе с донским атаманом Наумом Васильевым, причем заболел в Валуйках и отстал. После того как «тот казак от болезни своей обмогся», валуйский воевода И. Языков отпустил его в Москву. Эти поездки, несомненно, обогатили Степана Разина новыми впечатлениями: недаром он впоследствии много раз вспоминал московских бояр — народных лиходеев.

Включение его в состав донской станицы в Москву нельзя не связать с тем, что он принадлежал к верхушке казачества. Этим же можно объяснить и другие важные поручения, которые ему давались. В 1661 г. его вместе с несколькими донцами и запорожцами и Иваном Исаковым из Москвы отправили для переговоров с калмыцкими тайшами о мире и совместных действиях против крымцев и ногайцев. Он побывал на этот раз в Астрахани. А через два года, весной 1663 г., Степан возглавил отряд донских казаков и вместе с запорожцами и калмыками ходил под Перекоп против крымских татар. Здесь они захватили много пленных (ясырь) и скота, а на обратном пути у Молочных Вод разгромили крымский отряд.

Эти сообщения, довольно краткие и отрывочные, дают все же понять, что Разин к 30 годам начал приобретать определенное влияние на Дону. У него появляются задатки смелого военного предводителя, а включение его в состав посольств свидетельствует об умении обходиться с людьми, вести переговоры. Он, возможно, знал несколько языков (например, калмыцкий, татарский, польский), хотя утверждение Кемпфера, секретаря шведского посольства в Персии, о том, что он говорил на восьми языках, едва ли соответствует действительности. Опыт, который он приобрел, пригодился ему через несколько лет, когда он встал во главе повстанцев.

Как видим, ко времени Крестьянской войны Степан Разин выступает человеком бывалым и опытным, смелым и решительным. Наблюдения во время путешествий по России дали богатую пищу его пытливому и беспокойному уму — тяжелая жизнь простых людей, стонавших от ига бояр и дворян и произвола воевод и приказных, раскрылась ему во всей неприглядности и безысходности. Рассказы беглых, массами оседавших по Дону и его притокам, положение донской гольтыбы, неустроенной и голодной,

эксплуатируемой «значными» казаками, тоже заставляли задумываться. Ко всему этому добавились и личные переживания — в 1665 г. по распоряжению князя Ю. А. Долгорукого, командовавшего русскими войсками в войне против поляков, казнили Ивана Разина, брата Степана. Иван Разин возглавлял полк донских казаков, который осенью того же года просил разрешения вернуться на Дон, но, не получив его, самовольно покинул войско Долгорукого и отправился домой. Современники-иностранцы, сообщаящие об этом факте, говорят, что на смерть брата Степан Разин указал как на причину своего выступления в годы Крестьянской войны во время допросов в Москве (он-де хотел отомстить за брата)<sup>14</sup>. Это известие вполне вероятно, хотя оно и не подтверждается документальными данными; сыскное же дело С. Разина, вероятнее всего, не сохранилось.

В следующем 1666 г. 700 донских казаков, выступивших из верховых городков к Москве, возглавил атаман Василий Ус, ставший несколько лет спустя сподвижником Степана Разина. Последний, несомненно, хорошо знал о походе и его целях, т. к. по возвращении на Дон Василия Уса допрашивали на войсковом кругу в Черкасске, а в числе «станичных молотцов», отправленных в Москву с извинениями, числился и Фрол Разин — брат Степана, впоследствии активнейший участник восстания, один из его предводителей.

К началу Крестьянской войны Степан Разин имел семью — жену, которую он «подсылкою увез из войска» (из Черкаска) в Кагальник в 1669 г. по возвращении с Каспия. В источниках упоминается также его пасынок Афанасий.

Влияние личности Разина наложило отпечаток на большинство событий Крестьянской войны, начиная с похода донской голытьбы и беглых крестьян на Волгу, Яик и Каспий и кончая действиями бесчисленных отрядов повстанцев в Поволжье и других районах страны, хотя они нередко не были прямо связаны с руководителями восстания. В его действиях, как военного руководителя, немало импульсивности, порывистости, мощной и своенравной, силы и энергии, бьющей через край.

<sup>14</sup> Записки иностранцев о восстании Степана Разина. Под ред. А. Г. Мацькова. Л., 1968, стр. 107; Я. Я. Стрейс. Три путешествия. М., 1935, стр. 198.



Его богато одаренной натуре были свойственны не только умение владеть саблей, удаля и отвага, возвращенные в воинственной и вольнолюбивой среде, но и несомненные способности в организации и проведении походов и сражений, сметливость и хитрость, так необходимые в военном деле, целеустремленность в разработке и осуществлении планов, умение направлять действия больших масс людей. Он был настоящим народным предводителем, который поразил воображение современников и потомков титанической силой характера, широтой и удалью натуры, своеобразной и противоречивой. Таков был и народ, который выдвинул из своих рядов этого могучего человека былинного склада.

### ПОХОД НА ВОЛГУ, ЯИК И КАСПИЙ

События лета 1666 г. многому научили бедный люд. Они показали, что надеяться на помощь русских бояр-правителей нельзя. Требования властей о выдаче с Дона беглых возмутили казаков; и войсковая старшина и сам атаман Войска Донского Корнило Яковлев, как бы ни хотели они втайне выполнить этот приказ, не могли это сделать. По распоряжению московского Посольского приказа Василия Уса и его товарищей заставили явиться из верховых городков в Черкасск — столицу донского казачества и подвергли допросу. Они настаивали на том, что пошли к Москве «на... великого государя службу..., а, идучи дарою, разоренья и грабежу никому не чинили». Конечно, на Дону все понимали, что эти утверждения не соответствовали действительности, но делали вид, что все так и было. К. Яковлев в декабре того же 1666 г., сообщая в Москву о допросе, добавил, что усовцы подверглись жестокому наказанию «без пощады» за свой самовольный поход, «чтоб, на то смотря, иным неповадно» было; им не дали царского жалованья<sup>15</sup>. Решительные выражения атаманской отписки должны были создать видимость жестокого наказания, которое обрушилось на усовцев. В Москву с отпиской поехали войсковой атаман М. Самарин и 25 «станичных молотцов».

Московское правительство, недовольное, конечно, таким исходом событий, тем не менее сделало вид, что удов-

<sup>15</sup> Крестьянская война..., т. I, стр. 69.

летворилось объяснениями. Однако положение на Дону становилось все более напряженным. Усиливалось обнищание основной массы голутвенного казачества, росли противоречия между казачеством и русским самодержавием, между бедными и богатыми в самой казачьей среде. Донская беднота искала выход, и он был найден весной 1667 г., когда массы гулятьев объединились вокруг атамана, предложившего организовать новый поход. Речь шла вроде бы о предприятии, давно ставшем обычным для донцов — очередном «разбойном» походе за добычей («за вицунами»). Однако с самого начала все выглядело иначе в сравнении с тем, что происходило до этого.

В 1667 г. на Дон хлынули повые потоки беглых: закончилась война с Польшей (Андрусовское перемирие было заключено как раз в этом году), и многим «даточным людям», служилой мелкоте, обнищавшим и разоренным, не оставалось ничего иного, как искать пристанище и пропитание на Дону, в Поволжье и иных местах. Это знало и московское правительство — в грамоте царя Алексея персидскому шаху от 3 мая 1668 г. имеется такое признание: «...Ведомо нам, великому государю, учинилось, что объявились в понизовых местах воровские люди, беглецы из розных мест после учиненного миру с Польским королевством»<sup>16</sup>. А более чем за год до этого царицынский воевода А. Унковский доносил в Москву: «И во многие де в донские городки пришли с украины беглые боярские люди и крестьяне з женами и з детьми, и от того де ныне на Дону голод большой»<sup>17</sup>.

Уже в конце зимы и начале весны отдельные небольшие отряды казаков вырываются на Волгу и в Каспийское море, грабят торговые суда. «Домовитые» не могли ничего сделать с гольтыбой, оказавшейся в отчаянном положении. Тот же К. Яковлев летом 1668 г., в беседе с царским воеводой И. Хвостовым, присланным еще в 1664 г. на Дон с военным отрядом, признавался: «...У них, казаков, непостоянство стало большое и великого государя указу чинятся непослушны».

Выступления небольших казацких отрядов воеводы Нижнего Поволжья подавили довольно быстро и решительно. Но донская гольтыба не успокаивалась, снова

<sup>16</sup> Крестьянская война..., № 71, стр. 105; № 72, стр. 106.

<sup>17</sup> Там же, стр. 73.



собиралась в отряды в донских городках, у Переволоки — там, где Дон близко подходит к Волге в районе Царицына. Это движение, нараставшее стремительно и неудержимо, вскоре возглавил С. Т. Разин. Причины нового похода он объяснил кратко и выразительно в словах, переданных от его имени царицынскому воеводе А. Унковскому в конце мая 1667 г.: «В войске де (Донском.— В. Б.) им пить и есть стало нечево, а государева денежного и хлебного жалованья присылают им скудно, и они де пошли на Волгу реку покормитца»<sup>18</sup>.

Вокруг Разина объединяются единомышленники. Собираясь в верховых городках ранней весной 1667 г., они обращаются с призывом к донской гольтыбье идти в поход на Волгу и Каспийское море. Как только вскрылся лед на реке, а это случилось в первой половине апреля, Разин и его «удалые» казаки плывут в «больших лотках» вниз по Дону до самого Черкаска. Затем поворачивают обратно и возвращаются к Переволоке. По пути к нему присоединяются сотни бедных казаков. Отряд Разина «с 600 человек и больши» обосновался на окруженных половодьем островах близ Паншинского и Качалинского городков. Места были труднодоступные, и царские лазутчики не могли или не смели до него добраться, чтобы разузнать о намерениях атамана и его «шарпальников»<sup>19</sup>.

К Паншину со всех сторон идут «тайным обычаем» все новые люди. Вскоре отряд насчитывал более тысячи человек. Они тщательно готовятся к походу — запасаются оружием и речными судами, продовольствием и одеждой. С этой целью разинцы еще во время плавания по Дону громят казаков-богатеев и зажиточных торговцев, конфискуют их имущество. То же продолжали они делать и во время пребывания у Переволоки. Кое-что давала торговля. Воронежские посадские люди (из среды которых вышел отец атамана Тимофей Разин) «ссудили» Степана порохом и свинцом. Кроме того, часть донской старшины, надеясь на поживу, тоже снабдила некоторых гультяев ружьем и платьем «исполу», т. е. за половину предполагаемой добычи — «зипунов».

Еще до начала похода Разин организует разведку на Волге. Завязывает он связи и с яицкими казаками. Казак

<sup>18</sup> Крестьянская война..., т. I, стр. 81.

<sup>19</sup> Шарпальник — от слова «шарпать», т. е. нападать, грабить, отнимать.

из Яицкого городка Федор Сукнин писал Разину и призывал его с «большими людьми» взять эту крепость, использовать ее как базу для действий на Волге и Каспийском море: «...Выходя из того городка, на море и на Волге воровать»<sup>20</sup>.

План Разина состоял в том, чтобы выйти на Волгу, прогнаться мимо Астрахани, затем, взяв Яицкий городок, обосноваться в нем и, опираясь на него, действовать на Волге и Каспийском море против торговых судов и шахских владений. Этот план в основных пунктах был осуществлен.

Примерно с середины мая отряд Разина вышел с Дона на Волгу в районе Царицына. У урочища Каравайные горы разинцы напали на большой караван торговых судов, принадлежавших не только купцам (в том числе богатейшему гостю В. Шорину), но и патриарху и царю Алексею. Разинцы расправились с начальниками, купеческими приказчиками, забрали для себя немало товаров и имущества, часть судов, оружие и боеприпасы, много продовольствия. На свободе очутились многие работные люди с судов, а также ссыльные, которых под охраной везли в попизовые волжские города. Несколько сот ссыльных, работных и стрельцов из охраны влились в разинский отряд. И в последующие дни его пополнение и оснащение продолжалось.

Действия разинцев на Дону и Волге весной 1667 г., их расправы с богатыми казаками и купцами, борьба с царскими ратниками, вовлечение в борьбу «сырых» и «обиженных», их планы говорят о том, что, помимо чисто «разбойных» замыслов и действий, отрицать наличие которых было бы неправильно, на этом этапе движения явственно проявляются его антифеодальные, антиправительственные черты. Эти моменты в действиях разинцев замечательно отразились в народной песне:

Ой вы, ребятушки, вы, братцы,  
Голь несчастная,  
Вы поедмете, ребята,  
В синем море гулять,  
Корабли — бусы с товарами  
На море разбивать.  
А купцов да богатеев  
В синем море потоплять.

<sup>20</sup> Крестьянская война..., т. I, стр. 87.



28 мая Разин с отрядом уже в 1,5 тыс. чел. на 35 судах проплывает мимо Царицына. Воевода не решился выступить против него — сил было маловато, но приказал обстрелять восставших из пушек. Стрельцы выполнили приказ — пушки выстрелили... одними пыжами!

Казачи проплыли мимо города и недалеко от него высадились на Сарпинском острове. У них было достаточно сил для взятия города, тем более, что им сочувствовали ратники царицынского гарнизона. Но они вынашивали другие планы — выход на Каспий и Яик. Для этого требовалось дополнительное оснащение, в частности, кузнечный инструмент. Обратились за этим в Царицын, и перенуганный воевода беспрекословно все им разрешил взять, лишь бы они поскорее уходили от города!

Уже 31 мая казаки подплыли к Черному Яру. Здесь, помимо гарнизона, их ожидали два отряда, присланные астраханским воеводой: 500 чел. пехоты на судах во главе со стрелецким головой Б. Северовым и 600 чел. конницы стрелецкого головы В. Лопатина. Разин ввел врага в заблуждение — он высадил казаков с судов, показывая, что якобы собирается идти на приступ к городским стенам. Здесь же, у стен крепости, собрали все свои силы царские воеводы. Но атаман не вступил в сражение, приказал казакам быстро погрузиться на суда и на глазах у растерянных и изумленных воевод отплыл вниз по Волге. С помощью этого маневра Разин, избежав стычки с внушительными силами противника, сумел прорваться вниз по Волге, к Астрахани.

При подходе к Астрахани пришлось принять бой. Здесь Разин направил свою ватагу по протоку Бузан мимо города. Но путь преградил С. Беклемишев с астраханскими стрельцами. Казаки смело напали на них и разгромили. В плен попал и воевода, немало пострадавший от разиццев. Часть его ратников перешла на сторону повстанцев. 2 июня они разгромили стрельцов у Красного Яра и вышли вскоре в Каспийское море. Астраханский воевода князь И. Хилков послал им вдогонку отряды подполковника И. Ружинского (1700 стрельцов и солдат) и Г. Авксентьева. Но те не смогли их догнать.

Между тем, Разин направился, как заранее было условлено с яицкими казаками, к их городку. Незаметно подойдя к нему, отряд укрылся. Разин и 40 человек под видом богомольцев подошли к воротам крепости и попро-

сились в город, чтобы помолиться в церкви. По распоряжению начальника гарнизона стрелецкого головы И. Яцына их впустили. Разинцы тут же открыли ворота, и по их сигналу в город ворвался весь отряд. Гарнизон частично был уничтожен, частично перешел на сторону разинцев. Вскоре в устье Яика был наголову разгромлен отряд И. Ружинского. Он понес большие потери, его остатки рассеялись «врознь» и возвратились в Астрахань.

Действия отряда Разина на Волге и Яике начались, как видим, очень успешно. Он разгромил несколько правительственных отрядов, взял Яицкий городок. Нападения на торговые караваны также сопровождалась борьбой с царскими ратниками, расправами с начальниками. На сторону Разина перешло немало людей военного чина — стрельцов и солдат, недовольных своим положением на царской службе, а также ссыльных, работных, всяких гулящих людей. Разинцы по существу продолжили то дело, которое начал год назад отряд Уса. Усовцы теперь тоже участвовали в движении.

Уже на этом этапе проявился сложный, в значительной степени антифеодальный характер движения. Это выступление донской бедноты вызвало сильное беспокойство царского правительства. Оно было недовольно перестройкой астраханского воеводы и командиров воинских отрядов. Для обсуждения вопроса о борьбе с восставшими, на этот раз с разинцами, 19 июля созывают Боярскую думу. Принимаются энергичные меры. И. Хилкову приказывают сдать дела своим «товарищам» по управлению Астраханью и Нижним Поволжьем — И. Бутурлину и Я. Безобразову. В город назначают новых воевод — боярина князя И. С. Прозоровского, его брата М. С. Прозоровского и князя С. И. Львова. Им выделяют целое карательное войско — четыре полка московских стрельцов (2600 чел.) и «служилых пеших людей» из Симбирска и других городов Симбирской засечной черты, Самары и Саратова «с пушки и з гранаты и со всеми пушечными запасы». Эти силы должны были идти к Яицкому городку. Туда же предписывали направить 1600 астраханских стрельцов и солдат, а также татар и калмыков («сколько человек доведетца»), прельщая их возможностью поживиться «полоном» и «пожитками».

Одновременно правительство через К. Яковлева направляет к Разину царскую «милостивую грамоту». Ра-



зину обещают простить его антиправительственное выступление, если он вернется на Дон, отстанет от «воровства» и возвратит пленных стрельцов и служилых татар. В конце октября 1667 г. он получает эту грамоту. Ее зачитали в кругу, участники которого, как и усовцы год с лишним назад, решительно отказались от царской «милости». Так же они позднее ответили и на предложение И. С. Прозоровского, а приехавшего от него стрелецкого сотника Н. Сивцова убили и бросили в Яик.

Прозоровский плыл в это время в Астрахань. Но зима заставила его остановиться в Саратове. Разин, захвативший в Яицке большое количество оружия, припасов и продовольствия, организовывал набеги на торговые суда по Каспию и готовился к новым походам. Завязывает он переговоры с П. Дорошенко — гетманом Правобережной Украины, убеждает его идти войной на пограничные русские земли против царских воевод.

Поход Разина, его успехи вызвали сильное брожение на Дону и Украине. Казаки собираются в отряды и весной 1668 г. готовятся идти на соединение с Разиным.

На весну же был отложен поход войска Прозоровского к Яицкому городку. Однако до этого в феврале 1668 г. направили туда из Астрахани по берегу моря отряд из 3 тыс. чел. во главе с Я. Безобразовым. Он должен был или уговорить Разина прекратить борьбу, или же принудить к капитуляции. Однако ему не удалось сделать ни то, ни другое. Присланных к ним для уговоров стрелецких голов С. Янова и Н. Нелюбова казаки повесили. Затем разгромили царских ратников и ушли в марте в Каспийское море. Из Яицкого городка они взяли легкие пушки и боеприпасы, а тяжелые пушки бросили в реку.

Разин со своим войском в стругах направился к западному побережью Каспия. Здесь к нему присоединяются казачьи отряды, пробравшиеся с Дона. Почти 700 человек привел атаман Сергей Кривой. По пути, минуя Астрахань, он разгромил отряд головы Г. Авксентьева. По рекам Куме и Тереку вырвались на море отряды Бобы (400 чел.), А. Прокопина и др.

Покинутый Разиным Яицкий городок вскоре занял Я. Безобразов. Оставив здесь стрелецкий полк Б. Сакмышева, он вернулся в Астрахань, где 30 июля вспыхнуло восстание местных казаков и стрельцов, недовольных тяготами службы и недостатком продовольствия. Они убили

своего начальника Сакмышева и выбрали атаманом одного из казаков. Затем они направились на судах вниз по реке на соединение с Разиным. В устье Яика они разбили отряд сотника Д. Тарлыкова, который вез в Яицкий городок припасы, захватили их. Восставшие приплыли на Кулалинский остров. Построив укрепленный городок, они посылают к туркменскому берегу отряд, чтобы найти Разина, ждут от него вестей. А в это время из Астрахани против них высылают 2-тысячный отряд на 40 морских стругах во главе с князем С. И. Львовым. 15 сентября в ожесточенном сражении яицкие повстанцы терпят поражение — многих из них убили, 112 человек взяли в плен, из них 58 повесили, остальных сослали в Холмогоры.

Разин же обосновался в это время на острове Чечень у западного побережья Каспийского моря. Его бесстрашные «шарпальники» нападают на торговые суда, на владения тарковского шамхала и шаха персидского, освобождают русских пленников, обогащаются разным добром. По отзывам современников-иностранцев, разинская флотилия производила внушительное впечатление. Участники похода имели десятки стругов, длинных и широких, с малой осадкой, что давало возможность маневрировать на каспийском мелководье среди скал и подводных камней; они легко держались на волнах и передвигались очень быстро. Каждый струг имел по две пушки, припасы, продовольствие.

Продвигаясь вдоль берега на юг, Разин у города Терки объединился с отрядом С. Кривого. Число «шарпальников» возросло до 2 тыс., у них имелось до 40 стругов. Разинцы совершают нападения на Дербент, окрестности Баку и другие селения. У них скапливается большая добыча. Войдя в устье Куры, удалыцы пробираются в глубь страны, достигают «Грузинского уезда». Затем с переменным успехом действуют у южного побережья Каспия, громят города и селения, сами терпят поражения, несут потери и в боях, и от болезней, и от голода. Так проходят лето и осень, зима и весна 1668—1669 гг. Разин одно время ведет даже переговоры с шахом персидским: предлагает принять его с казаками на службу («быть в холопстве») и за это дать им землю для поселения где-нибудь на реке Куре. Шах колеблется, однако грамота от русского царя (от 3 мая 1668 г.) выводит его из состояния перешительности. Послы, присланные Разиным в Исфгань, персидскую сто-



лицу, были казнены, а против повстанцев послано большое войско. Персы неожиданно напали на казачий отряд под Рештом и нанесли ему большие потери. В отместку разинцы разгромили Ферахабад (Фарабат), Астрабад и другие селения. Затем последовала трудная, холодная и голодная зимовка у Мияп-Кале в юго-восточной части Каспийского моря. Весной разинцы перебираются к западному побережью и два месяца отсиживаются на Свином острове. Именно здесь происходит летом 1669 г. большое морское сражение, в котором Разин и его «детушки» показали не только бесстрашие, но и пезаурядные воинские способности. В распоряжении Мамед-хана, посланного шахом, имелось войско в 3700 чел. на 50 судах, у казаков — намного меньше. Разинцы в начале сражения предприняли обманный маневр — бежали на своих стругах в открытое море. Это ввело в заблуждение Мамед-хана, который начал преследование. По его распоряжению персидские суда соединили цепями, чтобы окружить казачьи струги и как бы захватить в сеть. Разинцы и воспользовались этой оплошностью — быстро приблизились к персидскому флагману и взорвали его (в трюме было много бочек с порохом), он потянул за собой в пучину другие суда. Казаки пошли на абордаж — почти весь персидский флот, за исключением трех судов, был сожжен и потоплен. Победителям досталось большое количество пленных, в их числе сын командующего Шабын-Дебей, много оружия и всякого имущества.

Разинский отряд, понесший большие потери в сражениях, от голода и болезней, нуждался в передышке. Нужно было возвращаться домой. В конце июля разинские струги, перегруженные всяким добром, взяли курс на север к Астрахани. Среди них находилось немало русских пленников, освобожденных разинцами или вымененных на персидский «ясырь» (пленных). Поход, кроме накопления богатств, имел и другой важный результат, поскольку посыл в известной степени и освободительный характер. В разинский отряд вступали даже персы из числа бедных, угнетенных людей.

За каждым шагом разинцев следили шахские и царские лазутчики. На взморье и в устье Волги сторожили «поисковые» отряды на судах. Разин, не надеясь прорваться на Дон через Волгу, намеревается пройти по Тереку и Куме. Однако этого не потребовалось.

В начале августа 22 струга с 1200 разинцами подплыли к устью Волги. Здесь они разгромили учуг (участок для рыбной ловли) астраханского митрополита, захватили необходимые им рыбные и хлебные запасы. Отряд обосновался на Четырех Буграх — острове у входа в Волгу. Около него захватили два судна с товарами персидских купцов и подарками самому царю от шаха. Как видно, казаков не беспокоило то, что эти действия вызовут новый приступ гнева у Алексея Михайловича. Они раздували<sup>21</sup> все имущество с персидских судов, в том числе царские подарки, и отдыхали на скалистом острове.

Астраханские власти, хотя и готовились заранее к возвращению «воровских казаков», все же были застигнуты врасплох. Иначе бы они не допустили нападения на персидские суда и владения митрополита. Получив известие об этом, Прозоровский выслал к Четырем Буграм 3—4 тысячное войско на 50 судах с пушками во главе с С. И. Львовым. Воеводы не очень-то надеялись на стойкость своих ратников: опыт 1667—1668 гг. говорил о другом. Еще больше они боялись астраханской бедноты, которая, прослышав о возвращении разинцев, оваявших славою смелых походов, с нетерпением и воодушевлением ждала с ними встречи.

С. И. Львов вез Разину царскую «милостивую грамоту» — ту, которая была прислана в Астрахань еще в 1667 г. Ее использовали для того, чтобы убедить казаков в мирных намерениях властей. Втайне воеводы надеялись, очевидно, обмануть разинцев и впоследствии расправиться с ними.

Казаки, ничего не знавшие о грамоте, увидели плывущую к ним флотилию и, понимая, что бороться с ней им не под силу, подплыли в открытое море. Их суда были более маневренными, и они не без оснований рассчитывали добраться до Терека и оттуда до своих родных мест. Львов, заключив, что он не догонит Разина, остановил свои корабли и послал ему вдогонку одного сотника Н. Скрипидына в легкой лодке. Узнав от него о «милостивой» грамоте, Разин на этот раз был стоворчивей. После окончания похода и для подготовки нового казаки нуждались в отдыхе на Дону. Разин поцеловал грамоту, положил ее за пазуху, и казаки повернули суда к Волге. Разин прекрас-

<sup>21</sup> Раздуванить — разделить (дуван — дежа; на общей сходке).



но использовал обстановку, понял нежелание воевод воевать с ним. В переговорах со Львовым казаки в обмен на обещание пропустить их на Дон заявили, что готовы верно служить царю, отдать в Астрахани все пушки, отпустить царских служилых людей, а в Царицыне оставить все суда со «струговыми запасами».

22 августа 1669 г. флотилия Львова, а за ней и разинские струги подплыли к Астрахани. Львовские ратники дали торжественный залп из пушек и мушкетов. Их приветствовали залпы пушек корабля «Орел», недавно построенного и пришедшего в Астрахань. К этой пальбе присоединились и разинские казаки. Астраханские жители во все глаза смотрели на процывавшие мимо богато раскрашенные шелками и парчой разинские суда и несколько не усомнились в том, что салют и весь парадный церемониал встречи предназначены народным любимцам — Разину и его легендарным казакам.

Вскоре удалой атаман в окружении есаулов и казаков явился в астраханскую приказную палату — центр воеводского управления. Здесь в присутствии И. С. Прозоровского он сдал бунчук — символ своей власти, 10 знамен. По его приказу казаки отдали властям 21 тяжелую пушку, часть пленных, отпустили желающих покинуть их ряды царских служилых людей. Взамен Разин просил пропустить его на Дон и отправить в Москву станицу к царю. С разрешения воеводы в столицу направилось шесть казаков во главе с Лазарем Тимофеевым — они должны были «бити челом великому государю за вины свои головами своими»<sup>22</sup>.

Однако Прозоровский не скрывал недовольство — казаки были отнюдь не склонны, как показал ход переговоров с Разиным, выполнить все требования властей: тяжелые пушки отдали, а 20 штук легких и не думают: они де нужны в пути для обороны от «воинских людей». То же с пленными: их де они добыли «саблею», они поделены между казаками. Купеческие товары и царские подарки не могут возратить, так как они раздуванены. Кроме того, Разин категорически отказался выполнить воеводское требование переписать всех участников похода — это опять грозило возможными тяжелыми последствиями, т. е. попытками властей вернуть беглых людей из числа донцов.

<sup>22</sup> Крестьянская война..., т. I, стр. 146.

На переговорах Разин вел себя независимо, как равный. Он чувствовал свою силу и, самое главное, поддержку со стороны подавляющей части астраханского населения, в первую очередь ее бедных слоев. Популярность атамана и его казаков была необычайной. Об их походах и кровавых битвах, богатой добыче, взятой за морем, уже ходили легенды. В народе складывали песни, воспевающие удаль разинцев и их любовь к свободе. Такое отношение подогревалось и поведением казаков на городских улицах и площадях, базарах и в царских кабаках-кружалах. Они задешево продавали ценную посуду, парчу и прочее узорочье, одаривали ими простолюдинов, угощали их вином и едой. Приглашали к себе на суда, украшенные коврами, с парусами из ценных тканей, с канатами, свитыми из шелковых питей. Разодетый в пух и прах Разин ходил по Астрахани в сопровождении восторженных толп народа, бросал в них золотые дукаты. Бедные люди становились перед ним на колени, называли его «батюшкой». Популярность его в народе была необычайна.

Подарки от разбогатевших удальцов получили не только бедные люди. Даже знатные и богатые не устояли перед искушением — ценные дары получили, например, И. С. Прозоровский и С. И. Львов. Первый из них, главный астраханский воевода, выпросил у Разина бесценную соболью шубу, крытую атласом, с драгоценными камнями. Атаман, крепя сердце, отдал ее царскому воеводе: «Возьми себе шубу, да не было б шуму!». Этот знаменитый эпизод стал широко известен (сам царь Алексей Михайлович велел задать вопрос об этом С. Разину во время допроса в Москве летом 1671 г.), нашел отражение в фольклоре.

Разин пробыл в Астрахани две недели. Они ушли не только на переговоры и веселые пирушки. Главное, что он достиг в эти дни, — это ознакомление с настроениями астраханской бедноты, ее стремлениями, с положением простого люда. Л. Фабрициус, голландский офицер-артиллерист на русской службе, находившийся в это время в Астрахани в составе войска Прозоровского, верно отмечал: «В это время у Стеньки была прекрасная возможность ознакомиться с состоянием Астрахани и разведать, что думает простонародье». И что еще более важно: «Он сулил вскоре освободить всех от ярма и рабства боярского, к чему простолюдины охотно прислушивались, заверяя



его, что все они не пожалеют сил, чтобы прийти к нему на помощь, лишь бы он начал»<sup>23</sup>.

Все это говорит, во-первых, о том, что на астраханскую бедноту Разин мог опираться и, несомненно, опирался в своих спорах с воеводами. Во-вторых, он убедился в ее готовности присоединиться к новому выступлению, замыслы которого он вынашивал, вероятно, уже давно. На этот раз речь шла об открытом восстании с целью освобождения простых людей «от ярма и рабства боярского», т. е. от крепостнического гнета.

Соотношение сил в Астрахани складывалось явно в пользу Разина, особенно если учесть, что немало местных стрельцов и солдат сочувствовали его делу, завидовали успехам казаков и добытым ими богатствам, жадно слушали их рассказы и удивлялись их щедрости.

Воеводы постарались побыстрее выпроводить казаков. 4 сентября Разин отплыл вверх по Волге в сопровождении небольшого царского отряда, который должен был предупредить возможные «своеволия» его подчиненных, в частности, «подговоры» людей для вступления в отряд. Однако Разин и не думал выполнять указания властей. Он добился своего — сохранил костяк отряда (хотя часть участников похода 1667—1669 гг. разошлась в разные стороны), вооружение, завязал связи с астраханским простонародьем, на поддержку которого рассчитывал в скором будущем. Для исполнения этого замысла необходимо было снова готовиться, прежде всего призывать охочих людей присоединиться к отряду. И он начал это делать сразу после выхода из Астрахани, не обращая внимания на протесты командира отряда дворянина Л. Плохово. По пути на Волге он «подговаривает» встречных стрельцов и других людей. К нему возвращаются некоторые стрельцы, покинувшие отряд в Астрахани. Перебравшись на Дон, казаки наотрез отказались отдать пушки и паруса от стругов (сами струги они отдали царицынским властям). В ответ на требование Л. Плохово о выдаче только что бежавших к ним «подговоренных» людей Разин заявил: «У казаков де того не повелось, что беглых людей отдавать»<sup>24</sup>.

По дороге на Дон Разин не раз показывал свое истинное отношение к власти имущим: феодалам-эксплуатато-

<sup>23</sup> Записки иностранцев о восстании Степана Разина, стр. 48.

<sup>24</sup> Крестьянская война..., т. I, стр. 151.

рам, царским начальникам. Он требовал выдачи колодников, участников восстания в Явке в 1668 г., «бранил и за бороду драл» царицынского воеводу, узнав от местных жителей об его злоупотреблениях. А однажды не побоялся отобрать у сотника Ф. Синцова и бросить в воду царские грамоты, которые тот вез в Астрахань. Казаки Разина нападали на торговые суда, а в Царицыне освободили из тюрьмы всех заключенных.

В начале октября 1669 г. Разин вернулся на Дон, но не для того, чтобы прожидать богатства, накопленные в трехлетнем походе. Закончился определенный этап в развитии народного движения и назревал новый, более высокий. В результате похода казаки собрали большое количество материальных ценностей, которые использовали для подготовки нового выступления. Сложился костяк будущего повстанческого войска. Разинцы приобрели немалый военный опыт. Была проведена первая проба сил в борьбе с правительственным лагерем, разведана обстановка на будущем, так сказать, театре военных действий, выявлены настроения широких масс бедного и угнетенного люда юго-восточных областей России.

## СНОВА НА ВОЛГУ

По-разному встретили жители Дона Разина. Домовитые во главе с войсковым атаманом были настроены враждебно. Ю. Келимбетев, агент астраханского воеводы, доносил, что в Черкасске «Корнило Яковлев и иные старшины и нарочитые казаки его Стенькино воровство не хвалят и к себе его не желают». Беднота же встретила народного предводителя с воодушевлением. Об этом говорили свидетели событий: «На Дону и на Хопре во многих городках казаки, которые одинакие и голутвенные люди, Стеньке с товарищи гораздо ради, что они пришли на Дон»<sup>25</sup>. Казаки Пятиизбянской станицы называли его «отцом».

Разин не распустил отряд, как обычно бывало в таких случаях. На острове между Кагальницким и Ведерниковским городками, в двух днях пути от Черкаска, казаки соорудили Земляной городок и здесь зазимовали.

На Дону установилось своеобразное двоевластие. В Черкасске сидели старшина и войсковой атаман, и они

<sup>25</sup> Там же, стр. 155.



являлись официальными правителями Войска Донского, рассылали по-прежнему распоряжения. Однако их власть существенно ограничил Разин, который, обосновавшись выше по течению Дона, не только не признавал авторитет своего крестного отца и его помощников, но и сам отдавал распоряжения, шедшие вразрез с указаниями старшины. Так, он не пропустил к Черкасску «зимовых казаков» — тех, кто каждую зиму по распоряжению войскового круга собирался в казачьей столице для ее обороны от возможных нападений турок и крымцев из Азова. Разин объявил, что он сам придет на помощь Черкасску, если это понадобится. Вольный атаман по сути дела перекрыл все пути, которые вели в Черкасск, не пропускал туда торговые суда с продовольствием и товарами.

Отношения между голытьбой и зажиточной верхушкой обострялись. Домовитые послали в Москву станицу с донесением о самовольствах разинцев. Московские власти, поначалу не разобравшись в истинном характере событий на Дону, рассердились на старшину за медлительность, приказали арестовать станичных казаков и сослать в Холмогоры. Но в конце концов они поняли, что выполнить их требования — «...над Стенькою Разиным с товарищи за ево многие грубости и к великому государю за ево непослушание учинити промысл, ...чтоб их воровскому заводу не дать распространяйтца»<sup>26</sup> — казачья верхушка попросту не в силах.

Московское правительство быстро меняет курс — с одной стороны, успокаивает донскую старшину, обещает государю жалованье, с другой — принимает меры для того, чтобы не пропускать на Дон беглых, организует разведку. Домовитые посылают к Разину своего представителя, чтобы выведать его планы. Это стало началом переговоров между двумя враждебными сторонами. Богатеи пытались склонить разинцев к верной службе царю, но без всякого успеха.

Между тем Разин развернул бурную деятельность. Уже по прибытии с Волги на Дон в Паншин городок, он, по словам Л. Фабрициуса, «сразу же начал тайком привлекать к себе простых людей, одаривая их деньгами и обещая им большие богатства, если они будут с ним заодно и помогут ему истребить изменников-бояр»<sup>27</sup>. Действи-

<sup>26</sup> Крестьянская война..., т. I, стр. 133.

<sup>27</sup> Записки иностранцев о восстании Степана Разина, стр. 48.

тельно, используя огромные средства, накопленные в походе 1667—1669 гг., Разин собирает в Земляном городке бедных, снаряжает и вооружает их, готовит все необходимое для исполнения своего плана. К нему со всех сторон идут «голутвенные люди» — донские казаки, русские беглые крестьяне и холопы, работные люди с судов и промыслов на Волге и Дону, украинские крестьяне, мещане и казаки. Из них формируются десятки и сотни. Покупаются оружие и продовольствие, всякие припасы и лодки. Всех своих подчиненных Разин держал «в крени», лишь отпуская на несколько дней к родственникам («на срочные дни за крепкими поручками»). Дисциплина была жесткой. Постепенно из донской бедноты и всякого «бездомовного» люда формируется повстанческое войско. При возвращении на Дон разинский отряд насчитывал 1,5 тыс. чел., к концу ноября — 2,7 тыс., а к маю 1670 г. — уже 4 или 5 тыс. человек.

По всему чувствовалось, что гольтыба готовится к большому походу. Его участники не скрывали своей ненависти к эксплуататорам: будь то русский боярин или домовитый казак, воевода или «приказное семя», царский ратник или иноземный наемник, купец или приходский священник. Войсковые и московские власти испытывают явное беспокойство. Позиции старшины за осень—зиму 1669—1670 гг. сильно ослабли. Зимой, вероятно в феврале 1670 г., выгорел весь Черкасск. По грамоте войскового атамана в свою столицу съехались казаки со всех сторон. Прибыл и С. Т. Разин, и не один, а «многолюдно». Он использовал общий сбор для прямой агитации в пользу своего дела.

До сих пор Разин не очень распространялся о своих намерениях и планах. В ноябре 1669 г. царицынский воевода сообщал в Москву: «Какая у него (Разина.— В. Б.) мысль про то (о планах похода.— В. Б.), и ево казаки немногие ведают, и некоторыми де мерами у них, воровских казаков, мысли доведетцы не можно»<sup>28</sup>. Теперь же Разин открыто объявил о своих планах. Пospорил он со старшиной по вопросу о восстановлении сгоревшего собора, высказался при этом довольно пренебрежительно о церковных обрядах в том духе, что можно, мол, обвенчаться и без попа: обошли жених с невестой раз-другой вокруг ракитова куста — вот и весь обряд венчания! Эти разин-

<sup>28</sup> Крестьянская война..., т. I, стр. 155.



ские выпады были потом использованы старшинами и московскими властями — его обвиняли в безбожии, предали анафеме — церковному проклятию. Но не это главное в мартовских событиях, разыгравшихся в Черкасске. Здесь Разин созвал свой круг, на котором обсуждались варианты предстоящего похода. Они предлагались его есаулами. Когда заговаривали о походе на Азов, — «козаки де в кругу про то все умолчали», т. е. не поддерживали этот вариант. Следующий — «на Русь ли им на бояр иттить?» — тоже не вызвал особого энтузиазма: «...Они де (казаки. — В. Б.) «любо» молвили небольшие люди». Наконец, третье предложение — «иттить на Волгу» — встретило восторженный прием: «И они де про Волгу завонили»<sup>29</sup>. Здесь характерно, что, отказываясь от военных действий против турок и крымцев в Азове и высказываясь за волжский вариант, разинцы голосовали за уже испытанный путь, который давал возможность обогатиться за счет богатеев и свести счеты с властью имущими. Очень важно, что хотя поход «на Русь» против бояр как будто и откладывался, тем не менее такой вариант обсуждался. Вспомним, что Разин при возвращении с Каспия не раз давал понять, что скоро начнется борьба именно против ярма боярского, т. е. против феодалов, в пределах собственно России. Примечательно, что во время этого обсуждения на кругу Разин поручил выяснить стремления и желания казаков своим помощникам-есаулам, а сам молчал, наблюдал и взвешивал. Он и сейчас, и позже при решении таких важных вопросов, как определение направления и целей действий вставших, обращался к кругу и подчинялся ему. Решение черкасского круга идти на Волгу отражало стремление повстанцев не только к тому, чтобы поживиться военной добычей, но и выступить против эксплуататоров-феодалов и купцов, воевод и приказных.

Непримиримое отношение Разина к казакам-богатеям (один из них, войсковой атаман М. Самарениц, обвинял его в том, что он «с ножом метался» на другого войскового атамана — К. Яковлева) переполошило старшину. Она поспешила сообщить обо всем в Москву. Оттуда прислали со специальной миссией дворянина Г. Евдокимова с целью разведать все нужное о Разине и его «воровских казаках».

<sup>29</sup> Крестьянская война..., т. I, стр. 162.

Царский агент прибыл в Черкасск 10 апреля. Старшина встретила его с радостью и уверяла представителя московской верхушки в том, что она служила и будет верно служить царю. Но в Черкасск снова прибыл Разин. На кругу он учинил Евдокимову настоящий допрос: «От кого он поехал: от великого государя или от бояр?». Характерно это противопоставление царя, авторитет которого не подвергался сомнению, и бояр, с которыми и связывались все невзгоды простого народа. Было ясно, что истинная цель приезда московского дворянина состояла в том, чтобы наметить план борьбы против местных повстанцев. И Разин без обиняков заявил об этом, назвав Евдокимова боярским «лазутчиком». Участники круга, бедные казаки, расправились с ним, утопив его в реке. То же Разин приказал сделать с теми богатыми казаками, которые защищали царского посла и «говорили ему встрешно»<sup>30</sup>. Далее разинцы расправились с И. Хвостовым — присланным из Москвы царским воеводой. Его избили и посадили в тюрьму, а его имущество раздували; позже он «от тех побой умер».

Разин пробыл в Черкасске 10 дней, и войсковая старшина, уstraшенная расправами, совсем присмирела. Правда, К. Яковлев пытался упрекать своего крестника, но услышал в ответ: «...Ты де владей своим войском, а я де владею своим войском»<sup>31</sup>. В этих словах отразилось состояние дел в управлении Войском Донским — фактическое двоевластие, причем сила и народная поддержка были на стороне Разина, а не войскового атамана.

Разин, чувствуя прочность своего положения, не скрывал того, что он начинает борьбу с сильными и знатными, правящими Россией. Сам поход на Волгу, о чем кричали повстанцы на мартовском кругу, в его представлении и интерпретации (несомненно, близких к взглядам его подчиненных) отнюдь не должен был сводиться к добыче «зипунов». Более того, в апреле он заявил: «...Итить де мне Волгою з бояры повидатца»<sup>32</sup>.

Через неделю-две после черкасских событий Разин в начале мая поднимает свое войско и направляется к Переволоке. 9 мая он прибывает в Паншинский городок и

<sup>30</sup> Там же, т. I, стр. 215; т. II, ч. 2, стр. 38.

<sup>31</sup> Там же, т. I, стр. 165.

<sup>32</sup> Там же, стр. 164.



остается здесь до 14 мая. Из 4—5 тыс. повстанцев насчитывалось до 1,5 тыс. конников; остальные — пехота — располагались на 80 стругах, хорошо оснащенных и снабженных пушками, и лодках. «Со многими казаками и черкасы» прибыл прославленный Василий Ус.

В Паншине Разин снова созывает (вероятно, 13 мая) круг и объявляет о своих широких замыслах борьбы против феодально-крепостнического строя за освобождение угнетенных. Делает он это в форме вопроса к участникам обсуждения плана похода: «Любо ль де им всем итти з Дону на Волгу, а с Волги итти в Русь против государевых неприятелей и изменников, чтоб им из Московского государства вывести изменников бояр и думных людей и в городех воевод и приказных людей?». Правда, Разин и казаки имели в виду не всех бояр и дворян, а «плохих», «недобрых», «изменников». Некоторые из них называются по именам. Это — бояре князь Ю. А. Долгорукий, князь Н. И. Одоевский, думный дьяк Д. М. Башмаков, стрелецкий голова А. С. Матвеев и другие. Их вина в глазах казаков состояла в том, «что де от них к ним на Дон государева жалованья не присылаетца» (т. е. они препятствуют посылке на Дон из Москвы хлеба и всяких припасов). Несомненно, с именами этих же правителей — «изменников» Разин в своей известной речи на паншинском круге связывал неожиданные смерти и царицы Марии Ильиничны, и ее сыновей — царевичей Алексея и Семена. Но не все бояре выглядели в их глазах «плохими», «изменниками». Разин и казаки на том же круге называли имена «добрых» правителей; это — бояре князя И. А. Воротынский и Г. С. Черкасский. Причина такого отношения проста и бесхитростна: «Как де они (донские казаки.—В. Б.) бывають на Москве в станицах, и их де они («добрые» бояре.—В. Б.) кормят и поят»<sup>33</sup>. Все эти рассуждения о «плохих» и «хороших» боярах, наивные и незрелые с точки зрения человека XX или даже XIX столетия, вполне естественны для русских людей XVII в. Нет ничего удивительного в их, так сказать, политической слепоте, которую, кстати говоря, проявляли и люди более образованные гораздо позднее и в иной исторической обстановке. Примечательно другое — политическая наивность и крайняя отсталость переносились в сознании повстанцев и их

<sup>33</sup> Крестьянская война..., т. I, стр. 170.

предводителя с ясным пониманием того, против чего они собираются выступать, за что (в главном) бороться. Сам Разин в той же речи на круге сказал так: «И им бы де всем (повстанцам.— В. Б.) постоять и изменников из Московского государства вывезть и чорным людям дать свободу»<sup>34</sup>. Таким образом, суть взглядов и стремлений восставших, опутанных царистскими представлениями и иллюзиями, политически крайне неразвитых, состояла в стремлении освободить «чорных людей» (т. е. эксплуатируемые слои населения России) от феодально-крепостнического гнета, добиться для них свободы, т. е. уничтожения зависимого, крепостного состояния. А это затрагивало самую сущность феодальной системы и было направлено против нее в целом, хотя восставшие субъективно этого и не сознавали. Более того, они и после получения свободы хотели бы оставить политическую власть в руках царя и «хороших» бояр. Характерно, что после того, как круг вынес решение идти «на Волгу на бояр и воевод», Разин, «взяв саблю наголо, говорил им всем, что он на великого государя итти и руки поднять не хочет, лутче де ево тою саблею голову отсеките или в воду посадите»<sup>35</sup>.

Стараясь предупредить разрастание разинского движения и локализовать его в пределах Дона, московские власти спешно приказывают воеводам пограничных городов усилить оборону, посылают на помощь Царицыну стрелецкий отряд И. Лопатина (1000 чел.). Организуется разведка, упорядочивается ямская гоньба. По пограничной с Доном черте появляются крепкие заставы, начинается настоящая экономическая блокада Войска Донского. Правительство во все стороны рассылает «милостивые грамоты» — в них власти призывают население к верности царю, охаивают Разина и его дело. С восставшими ведут настоящую идеологическую борьбу, в которую включают приказные грамоты и церковные проповедники.

15 мая повстанческое войско (оно выросло до 7 тыс. чел.) вышло на Волгу выше Царицына. Стремительные действия Разина опередили прибытие отряда Лопатина, который еще плыл по реке. Они же предопределили падение Царицына с его относительно небольшим гарнизоном, к тому же в значительной своей части сочувствовавшим,

<sup>34</sup> Там же, т. I, стр. 235—236.

<sup>35</sup> Там же, стр. 253.



Как и царицынские посадские низы, делу повстанцев. Повстанцы осадили город, жители которого подняли восстание, открыли ворота и впустили разинцев. После расправы с воеводой и ненавистными деятелями из числа приказных, торговцев и начальников восставшие поделили между собой их конфискованное имущество. Городские жители избрали представителей власти.

Разин же готовился к продолжению похода. Строились суда. Пополнялось войско — за три недели пребывания здесь оно выросло до 10 тыс. чел. Чтобы предупредить возможные нападения, выставили заставы, по реке и суше выслали станицы для разведки. Укреплялся город, в нем создавались запасы продовольствия — казаки конфисковывали его на торговых судах, плывших по Волге, отгоняли скот у степных кочевников. Снова созывается круг — на нем повстанцы подтверждают свое намерение идти вверх по Волге.

Вскоре Разин получил тревожные известия. С севера к Царицыну подплывал отряд Лопатина, а южнее города у Черного Яра собралось несколько тысяч ратников, которых возглавляли его прошлогодние «знакомцы» — князь С. И. Львов и Л. Плохово. Л. Фабрициус с полным основанием замечает, что воеводы стремились «таким образом зажать Стеньку Разина в тиски»<sup>36</sup>. Но предводитель перехитрил их. Сначала повстанцы, устроив засаду на Волге в 5—7 верстах севернее Царицына, разгромили отряд Лопатина, остатки которого пытались укрыться в городе (они не знали об его захвате восставшими), но попали под губительный огонь крепостных пушек. В панике они высадились на берег, но здесь на них налетели из засады разинские копьяки. Разгром был полным — более половины из 1000 стрельцов Лопатина полегли на поле боя, оставшиеся в живых разбежались или попали в плен. Разин приказал сделать пленных гребцами на судах. Лопатина и других начальников казнили. В руки повстанцев в результате победы попало большое количество оружия и припасов, которые Лопатин вез в Царицын.

На новом круге Разин и повстанцы решили идти сначала на Астрахань, а уже потом — «вверх по Волге под Казань и под ыные государевы городы». Это изменение плана похода не было случайным — с юга приближалось

<sup>36</sup> Записки иностранцев о восстании Степана Разина, стр. 49.

большое войско; если бы повстанцы от Царицына сразу повернули на север, то с тыла им, кроме того, грозили бы и другие военные силы понизовых городов, прежде всего Астрахани. Немаловажно и то, что повстанцы понимали нецелесообразность спешки в походе на север «в русские городы» до тех пор, пока в тех местах «хлеб с поля не спрячут». К тому же Разин не мог игнорировать ожидания астраханской черни, так открыто выражавшей свои симпатии ему и делу борьбы за свободу «от ярма и рабства боярского». Наконец, можно было погромить местных богатеев, поживиться за их счет; на новом круге в Царицыне Разин так и сказал: «Не дороги де им бояря, дороги де им купчин и торговых людей животы», т. е. имущество богатых торговцев <sup>37</sup>.

5 июля, оставив для охраны Царицына «человек с 1000 и больше» (по человеку с десятка), Разин направился к югу в сторону Черного Яра. Л. Фабрициус, находившийся в качестве офицера-артиллериста в войске С. И. Львова, подробно и живо описал события, которые произошли под его стенами. Оба войска выстроились друг перед другом для сражения, причем повстанческое «имело необычайно парадный вид». Разин построил своих повстанцев широко развернутым фронтом. Те из них, кто не имел огнестрельное оружие, держали в руках длинные палки, обожженные с одного конца; к ним прикрепили лоскуты или небольшие флажки. «Простые воины» из войска Львова «вообразили, что там, где много флажков и штандартов, должно быть и много людей». Они с развернутыми знаменами и барабанным боем перешли на сторону восставших. Фабрициус, с ненавистью относящийся к разинцам, замечает при этом, что царские ратники «стакнулись» и решили, «что им представляется возможность, по которой они так давно вздыхали» — с разинцами «они стали целоваться и обниматься и договорились стоять друг за друга душой и телом, чтобы, истребив изменников-бояр и сбросив с себя ярмо рабства, стать вольными людьми» <sup>38</sup>.

Сражение попросту не состоялось. Правда, в повстанцев стреляли из пушек — с крепостных стен Черного Яра и с судов. Но это длилось недолго. Черноярский гарнизон восстал, арестовал своего воеводу. Когда же к городу приблизились бежавшие с поля боя офицеры во главе с

<sup>37</sup> Крестьянская война..., т. I, стр. 196, 224, 231, 237.

<sup>38</sup> Записки иностранцев о восстании Степана Разина, стр. 50.



командующим Львовым, стрельцы открыли по ним огонь из пушек. По решению круга рядовые стрельцы и солдаты казнили многих своих бывших командиров, виновных в жестокостях и притеснениях с выплатой жалованья и т. д. По просьбе Разина оставили в живых только князя С. И. Львова и Л. Фабрициуса.

Повстанческое войско пополнило свои ряды большим количеством военных людей, которые заранее договорились о переходе на сторону Разина, чтобы вместе с его повстанцами идти в Астрахань и расправиться с Прозоровскими и прочими притеснителями, богатеями. Трофеи были настолько большими, что часть пушек, ружей и пороха Разин отослал в Царицын.

Путь на Астрахань был открыт. Повстанцы контролировали путь к Волге, которая, по их горделивым словам, «стала ныне их, казачья». Через несколько дней разинское войско, еще более внушительное, чем до победы под Черным Яром, направилось к сильнейшей по тем временам крепости в устье Волги. В Астрахани располагался сильный гарнизон, имелось около 500 пушек. Правда, часть войск, посланных под Черный Яр, перешла на сторону повстанцев. Но, тем не менее, Прозоровский имел в своем распоряжении около 6 тыс. воинов, укрывавшихся за мощными крепостными стенами.

Однако подавляющая часть астраханских стрельцов и солдат и многочисленная городская чернь (посадские люди, работные люди-наймиты и пр.) сочувствовали восставшим. К тому же среди разинцев находилось немало астраханских ратников, недавно ушедших для борьбы против Разина, а теперь агитировавших горожан открыть ему ворота и перебить воевод. Своим братьям по службе, стоявшим на крепостных стенах, они кричали: «К чему нам служить без жалованья и идти на смерть?! Деньги и припасы истрачены. Мы не получили платы за год, мы проданы и преданы!». Массы работных людей, влачивших жалкое существование, посадская мелкота ждали Разина, как избавителя от невыносимых страданий, произносили «бранные слова и безрассудные речи» по адресу воеводы<sup>39</sup>. Еще до прихода разинцев «астраханцы служилые и жилецкие люди меж себя говаривали, хотели боярина и воевод и начальных людей побить»<sup>40</sup>.

<sup>39</sup> Я. Я. Стрейс. Три путешествия, М., 1935, стр. 204, 207.

<sup>40</sup> Крестьянская война..., т. II, ч. 2. М., 1959, стр. 96.

Астраханское население раскололось — большинство, состоявшее из городской бедноты и рядовых стрельцов и солдат, стояло за Разина; меньшинство, группировавшееся вокруг воеводы Прозоровского и митрополита Иосифа (дворяне, приказные, служилая, посадская и церковная верхушка), выступало против восставших.

Известие о чернойярской победе Разина привело «простой народ в... неистовство, ...он без всякого страха открыто проклинал, поносил и оскорблял» Прозоровского, «Пусть только все повернется, и мы начнем!» — кричали на улицах<sup>41</sup>. Разин прислал к воеводе своих представителей с требованием о сдаче города. Но Прозоровский приказал их казнить; «это вызвало большое ожесточение среди астраханских каналей (так Фабрициус называет простолюдинов. — В. Б.), они сразу начали роптать и открыто говорить, что власти бояр скоро наступит конец, и тогда уж они сумеют отомстить за невинно пролитую кровь»<sup>42</sup>.

Разин подошел к Астрахани 19 июня. Так как воевода отказался сдать город, началась деятельная подготовка к штурму. Войско Разин разделил на восемь отрядов, всем указали их места. Приготовили штурмовые лестницы. Проводилась разведка.

Части Прозоровского засели в Кремле и Белом городе. В ночь с 21 на 22 июня начался штурм. Натиск с восточной стороны Белого города у Вознесенских ворот был отбит, повстанцы понесли немалые потери. Но в это время в городе началось антифеодалное восстание — жители, по словам П. Золотарева, очевидца событий, «дворян и сотников, и боярских людей, и пушкарей пачаша рубить в городе преже казаков (разинцев. — В. Б.) сами»<sup>43</sup>. В восстание включаются стрельцы и солдаты гарнизона. Они расправляются со своими начальниками; Прозоровского, бросившегося их уговаривать, ранили из пистолета и прокололи копьем. В городе начались погромы домов дворян и приказных, купцов и офицеров. Вскоре осаждающие и бывшие осажденные совместными усилиями овладели крепостью. Сразу же после взятия Кремля во второй половине дня 22 июня здесь же состоялся круг с участием всех восставших-разинцев и астраханцев. По его решению каз-

<sup>41</sup> Я. Я. Стрейс. Три путешествия, стр. 208.

<sup>42</sup> Записки иностранцев о восстании Степана Разина, стр. 52.

<sup>43</sup> ПСРЛ, т. 31, стр. 214.



нили воевод (правда, не всех), дворян, офицеров и т. д. Всего во время штурма и расправ погибло до 500 врагов, оказавших сопротивление повстанцам.

Как и в других местах, Разин организовал раздел конфискованных богатств. За время месячного пребывания Разина в городе установились порядки демократического народного самоуправления — действовали круги, выборные атаманы, главным из которых стал Василий Ус. Налаживался новый правопорядок, направленный на защиту народных интересов.

Строгий порядок и дисциплину соблюдал Разин в своем войске, которое готовилось к продолжению борьбы — походу вверх по Волге «На Русь», где он и его товарищи мечтали расквитаться с народными притеснителями — «с боярами повидатца». Как в Астрахани были освобождены подневольные люди, уничтожены «многие кабалы и крепости», т. е. документы, оформлявшие закрепощенное состояние, а из тюрем выпущены все «сидельцы», так и по всей России повстанцы мечтали сделать то же самое. Один из астраханских стрельцов выразил это очень ясно: «Батько де их... Стенька Разин не токмо в Астрахани в приказной полате дела велел драть, и вверху де у государя (т. е. в Москве, в царских приказах. — В. Б.) дела все передерет»<sup>44</sup>.

## ОТ АСТРАХАНИ ДО СИМБИРСКА

В Астрахани в войске Разина насчитывалось до 13 тыс. повстанцев. Оно делилось на тысячи, сотни, десятки, которые носили имена своих военачальников: тысячника, сотника, десятника. В десятках, которые имели прежде всего чисто военное значение, организовывалось артельное питание, содержались военнопленные; на них выдавалась определенная часть дувана. В целом же организация войска, так же как и способы ведения военных действий, напоминала правительственную. Войско делилось на пехоту и конницу, имело артиллерию, суда и снасти. Оружия огнестрельного и холодного (пищали, мушкеты, сабли, пики, бердыши и т. д.) не хватало. Вооружены были прежде всего казаки, стрельцы и солдаты, они же обла-

<sup>44</sup> Крестьянская война..., т. III. М., 1962, стр. 264.

дали военной выучкой. Значительная часть повстанцев не владела военными навыками, была плохо вооружена (дубины, вилы, топоры и т. д.). Но их сильной стороной была убежденность в правоте своего дела, храбрость. Важным было и то, что в войске господствовали демократические порядки.

20 июля Разин вышел из Астрахани примерно с 11 тыс. повстанцев. 2 тыс. во главе с Василием Усом остались в городе, где после ухода разинцев продолжалась классовая борьба между основной массой населения и богатой его частью (представители администрации, дворяне, священники, богатые торговцы и промышленники). Продолжались конфискации имущества богачей в пользу бедняков.

Покидая город, Разин в ответ на просьбы представителей бедноты разрешил ей расправиться с теми, кто продолжал проявлять враждебность к повстанцам. 3 августа в городе вспыхивает восстание; в этот день, по Золотареву, «учинили астраханские жители другой бунт»<sup>45</sup>. Его жертвой стало до полутора сотен противников восстания; их дворы разгромили, имущество конфисковали. Арестовали и идейного вдохновителя враждебного лагеря — митрополита Иосифа. Сторонники правительственного лагеря лишались, таким образом, возможности хоть как-то противодействовать повстанцам, позиции которых в Астрахани еще больше укрепились.

Тем временем разинские струги плыли к Царицыну. 4 августа, на следующий день после астраханского выступления, на виду Царицына показались разинцы, о которых народ складывал поэтические легенды и песни:

Ты взойди, взойди, красно солнышко,  
Обогрей ты нас, людей бедных,  
Добрых молодцев, людей беглых.  
Мы не воры, не разбойнички,  
Стеньки Разина мы работнички.

Разинцы, плывшие по волжским стремнинам, распространяли слух, что вместе с ними находится царевич Алексей Алексеевич, хотя сами же упоминали его, как одного из усопших членов царского семейства, месяца два-три тому назад, и патриарх (вернее — бывший патриарх) Никон. Роль первого исполнял молодой пятигорский князь Андрей Капбулатович Черкасский, взятый в свое время в

<sup>45</sup> ПСРЛ, т. 31, стр. 218.



плен. Ему отвели отдельный струг, обитый красным бархатом. Имя «царевича», которого разинцы хотели бы посадить на трон в качестве «хорошего царя», служило на этом этапе как бы знаменем, символом движения. Когда впоследствии повстанцы бросались в бой с царскими карателями и кричали «Нечай!», они имели в виду именно «царевича», якобы печально-негаданно пришедшего к ним, чтобы поддержать их святое дело. На втором струге, обитом черным бархатом, будто бы плыл Никон, «обиженный» царем и боярами, которые свергли его с патриаршего престола и сослали в Кирилло-Белозерский монастырь. Следует сказать, что в ответ на предложение посланцев Разина присоединиться к их выступлению против «плохих» и бояр и царя экс-патриарх ответил отказом. Но это тоже не смущало повстанцев.

В Царицыне у восставших снова собирались круги для обсуждения дальнейших планов («дума и круг не по одно время»). Предлагались для похода на Москву пути через Дон — мимо Тамбова и Козлова или степью. Однако с этим не согласились — повстанцев пугали «многолюдство» гарнизонов окраинных русских городов, трудности передвижения по степи (отсутствие продовольствия, запасов). Снова решили идти Волгой с тем, чтобы выйти в центр страны, к ее столице. Тем не менее Разин, присоединившийся к этому решению (хотя как будто и склонявшийся к походу через юго-восточные уезды России), послал большой отряд во главе с братом Фролом вверх по Дону с целью поднять восстание в пограничных русских уездах. Позднее с той же целью по Северскому Донцу, притоку Дона, в сторону Украины двинулся отряд Алексея (Леско) Черкашенина. Для нейтрализации донской казачьей верхушки, враждебно-выжидательно относившейся к действиям восставших, Разин выслал в Черкасск отряд в 2 тыс. чел. во главе с атаманом Я. Гавриловым. Эта цель была на время достигнута.

На этом этапе движения несколько меняется состав повстанческого войска и его боеспособность.

Несмотря на уход части повстанцев на Дон, в войске Разина, вышедшем 7 августа из Царицына, насчитывалось примерно 10 тыс. чел. В нем уже не было многих казаков и других боеспособных людей. Чем дальше, тем больше увеличивался удельный вес крестьян, посадских и работных людей, плохо вооруженных, «безружейных»

и непривычных к военному делу. Усиливался антифео-  
дальный заряд в повстанческих силах и одновременно  
снижались их боевые качества. Повстанческое войско бы-  
стро продвигалось вперед. Вскоре в его руки без всякого  
сопротивления перешли города Саратов и Самара. В пер-  
вом из них произошло восстание, и 15 августа городские  
жители торжественно встретили Разина с хлебом и солью.

Выше Самары разинцы вступили в места с большим  
крестьянским населением и феодальными владениями. Это  
создало для правительства грозную опасность быстрого  
расширения Крестьянской войны, распространения ее на  
основные земледельческие уезды юго-востока, юга и цент-  
ра Европейской России. Власти мобилизуют большие си-  
лы. Дворянские, стрелецкие и солдатские полки концен-  
трируются в районе Тамбова (командующий — воевода  
Я. Т. Хитрово), Казани (П. С. Урусов), Саранска  
(Ю. Н. Борятинский). Однако сбор их происходит медлен-  
но, многие дворяне, как обычно, уклоняются от службы,  
специально посланные люди («выбойщики») высылают  
(«выбивают») их из насиженных и теплых гнезд-имений.  
В ход идут угрозы и наказания.

Разин спешит. Он стремится захватить Симбирск —  
сильную крепость, центр Симбирской засечной укреплен-  
ной линии, важнейший стратегический пункт. Его гарни-  
зон (3—4 тыс. чел.) возглавлял родственник царя воевода  
И. Б. Милославский. 31 августа на помощь к нему прибыл  
Ю. Н. Борятинский с двумя рейтарскими полками и не-  
сколькими сотнями дворян.

Разин подошел к городу 4 сентября. Не доходя до него  
три версты, он остановился у Чувичинского острова. Про-  
веденная разведка прояснила обстановку, и ночью пред-  
водитель переправил свое войско вверх по течению и вы-  
садился на полверсты выше города. Взять его приступом  
не удалось — помешали каратели Борятинского и симбир-  
ский гарнизон, с которыми весь день 5 сентября продол-  
жалось сражение. Оно возобновилось на следующий день.  
Разин обрушился на острог, располагавшийся на скатах  
симбирской горы — «венца», на вершине которой стоял  
кремль. Острог заполнили оборонявшие его люди. Это бы-  
ли местные стрельцы, а также симбирские посадские люди  
и дворянские холопы. В ходе штурма началось восстание  
стрельцов и посадских; они расправились с головой Г. Жу-  
ковым и многими холопами, преданными своим господам.



Началась паника. Воспользовавшись этим, Разин и его повстанцы разгромили полки Боротинского и на их плечах ворвались в город. Милославский отступил в симбирский кремль, а Боротинский, потеряв обоз, с жалкими остатками своего войска бежал к Тетюшам. В ходе боя повстанцы убили многих царских ратников, 300 человек попали к ним в плен. Погибло и немало разинцев.

Разин приступил к осаде кремля, которая продолжалась месяц. Выход его сил в Среднее Поволжье, во внутренние районы страны, всколыхнул огромные массы крепостного крестьянства, оно становится основной движущей силой Крестьянской войны, распространяющейся, словно пожар, на огромные пространства Поволжья, южных, юго-восточных, центральных уездов, Лесного Заволжья, Слободской Украины. В движении активное участие приняли городские низы, служилая мелкота (городовые казаки, стрельцы, солдаты и др.), работные люди, бурлаки, сельские священники, всякий «гулящий», «бездомовный» люд. Наконец, важной составной частью повстанцев явилось нерусское население Поволжья — чуваш и марийцы, мордва и татары.

В правительственном лагере, помимо феодалов, находились «лучшие люди» из посадской и служило-приборной, монастырской и церковной верхушки, зажиточного крестьянства. Размежевание классовых сил в годы разинского движения приобрело более отчетливый характер в сравнении с началом XVII в. В войске Разина не имелось ни дворянских отрядов, ни командующих-дворян, хотя в отдельных случаях он и пытался в агитационных целях привлечь на свою сторону некоторых лиц из правящей верхушки.

С выходом главного повстанческого войска в Среднее Поволжье определились с наибольшей отчетливостью планы восставших, организационные принципы войскового устройства и управления на захваченной территории, идеология, наконец, самый характер и особенности движения, как именно Крестьянской войны. Планы похода, развертывания восстания, вопросы их, так сказать, детализации и конкретизации обсуждались в Паншине городке, Царицыне, у Черного Яра. Кроме выдвижения планов походов к отдельным городам, ставились более общие цели стратегического порядка. В конечном счете они сводились к походу на Москву, из трех вариантов (по Дону,

степью, по Волге) был избран волжский. Он более всего отвечал стремлениям повстанцев — там располагались большие города и селения, которые могли дать пополнения в повстанческое войско, река с ее караванами судов обещала богатую добычу, в том числе хлеб, рыбу и т. д.

В ходе Крестьянской войны, уже после неудачи под Симбирском, выдвигаются планы похода на Москву через село Конобеево Шацкого уезда, через южные города на Тулу, Белгород, на малороссийские города. А. Г. Маньков не без оснований полагает, что в то время Степан Разин намечал повести с Дона повстанцев на Москву через Белгородскую черту и Слободскую Украину<sup>46</sup>.

Во время Волжско-Каспийского похода Степан Разин одержал немало военных побед (разгром царских отрядов на Волге и Яике, взятие Яицкого городка и др.). Наиболее значительными военными успехами 1670 г. были осада и взятие Астрахани, разгром войска князя Ю. Борятинского в начале сентября под стенами Симбирска, овладение его посадом в ходе ожесточенного сражения. Успехами в борьбе с царскими войсками отмечены действия посланных им в разные стороны атаманов (в Поволжье, Слободской Украине).

Плая Разина и повстанцев (выход на Волгу, овладение Астраханью, продвижение вверх по реке, развертывание восстания в Поволжье и других районах после уборки крестьянами хлебов с полей и, наконец, поход на Москву) начал осуществляться. Успехи главного войска Разина, его летучие отряды, эмиссары и прелестные грамоты всколыхнули большие массы обездоленных людей. Пламя восстания охватило огромную территорию. По сообщению анонимного автора, в нем приняло участие до 200 тыс. человек<sup>47</sup>. Пылали помещичьи имения, а их владельцев истребляли восставшие крестьяне, многие дворяне спасались бегством в Москву и другие города «от войны тех же воровских людей»<sup>48</sup>. Простой народ гордился успехами повстанцев, своего вождя. Как можно понять из слов Стрейса, слух о победе Разина над войском Львова по пути из Царицына в Астрахань привел в воодушевление

<sup>46</sup> И. И. Смирнов, А. Г. Маньков, Е. Ш. Подъяпольская, В. В. Мавродин. Крестьянские войны в России XVII—XVIII вв. М.—Л., 1966, стр. 157.

<sup>47</sup> Записки иностранцев о восстании Степана Разина, стр. 112.

<sup>48</sup> Крестьянская война..., т. II, ч. 1, стр. 186.



простой народ, который не боялся теперь оскорблять тех, кто раньше издевался над ним и его эксплуатировал; «и я видел многих высоких господ, которые прежде не замечали этих людей, а теперь испуганно уходили со слезами на глазах»<sup>49</sup>.

Простые люди жадно ловили слухи о Разине и повстанцах, радовались при известии об их успехах и мрачнели, узнав об их неудачах. Пронский крестьянин С. К. Бессопов не хотел верить солдату, который рассказывал о поражении Разина: «Где де вам Стеньку Разина разбить»<sup>50</sup>. А один пожилой москвич на вопрос о том, как поступить, если Степан Разин подступит к стенам столицы, ответил, что повстанцев нужно встретить с хлебом-солью; его тут же схватили и повесили<sup>51</sup>. Народ считал дело Степана Разина своим делом.

Разин ввел элементы организации, порядка в повстанческой армии, важнейшие вопросы решались на кругах. Во все стороны рассылались отряды, эмиссары, поднимающие на восстание народ, лазутчики добывали разведывательные данные. Разин организовал переписку между отдельными отрядами, городами и т. д., его прелестные письма копировали на местах, распространяли в самых отдаленных районах. Посылая своих представителей, Разин пытался найти союзников в борьбе с боярской Москвой.

На территории, охваченной восстанием, объявлялась мобилизация людей, сбор лошадей. Разин принимал меры по обеспечению своей армии оружием (изготовление бердышей перед боем в Симбирске и т. д.). Повстанцы устраивали засеки на пути царских войск, возводили и ремонтировали укрепления в захваченных городах, устраивали рвы и шанцы, строили мосты, сооружали баррикады из телег и бревен, охраняли дороги и переправы, выставляли заградительные отряды и заставы. В войске Разина употребляли обозы в качестве прикрытия, применяли различные хитрые приемы во время сражений.

В захваченных городах и селениях разинцы расправлялись с воеводами и приказными, дворянами и купцами, вводили казацкую систему управления с кругами и атаманами. Из тюрем освобождали арестованных, уничтожали

<sup>49</sup> Я. Я. Стрейс. Три путешествия, стр. 208.

<sup>50</sup> Крестьянская война..., т. II, ч. 2, стр. 196.

<sup>51</sup> Записки иностранцев о восстании Степана Разина, стр. 110.

правительственные документы. Население переставало платить налоги, но его обязывали поставлять воинов в войско Разина и, очевидно, давать ему припасы<sup>52</sup>.

Ряд побед повстанцев, личное мужество и бесстрашие Разина, в частности во время ожесточенного сражения с войском Ю. Борятинского у Симбирска, когда атаман был сильно ранен, достаточно ясно говорят о нем как о незаурядном воине, предводителе.

Но при всем том повстанческое войско страдало органическими пороками, которые, несмотря на весь героизм и самоотверженность участников восстания, не могли не привести их к поражению. Плохое вооружение подавляющей части повстанческого войска, их плохая организация и дисциплина, отсутствие тесной взаимосвязи между отрядами, местная ограниченность, разногласия между отдельными слоями повстанцев и их руководителями — все это не могло не отразиться на действиях разинских войск и отрядов, которым противостояли гораздо лучше организованные и вооруженные правительственные силы. В действиях повстанческих атаманов немало импульсивного, случайного и хаотичного. Сам Разин допустил ряд серьезных просчетов; так, отправившись на Волгу и считая Дон своей главной базой, он оставил нетронутой большую часть домовитого казачества во главе со своим крестным отцом атаманом К. Яковлевым, а оно было опорой ненавистных Разину московских бояр. После поражения под Симбирском Разин, возвратившись на Дон, попытался наверстать упущенное, исправить ошибку, но было уже поздно. Столь же непростительным было месячное пребывание главных сил повстанцев у стен симбирского кремля, давшее время царским воеводам для сбора сил и перехода в наступление. Таких ошибок Разин и повстанцы допустили немало. Но главным являлся просчет не военно-стратегический, а политический, идеологический.

Дело в том, что у Разина и повстанцев не было ясности и четкости во взглядах, представлениях о существе устройства современного им общества, взаимоотношениях составлявших его групп, классов и особенно о путях решения тех больших вопросов, которые затрагивали низшие слои народа самым непосредственным образом. Резче

<sup>52</sup> С. Г. Томский. Разинщина. — В кн.: Очерки истории феодально-крепостной России, ч. 1. М.—Л., 1934, стр. 173—182.



всего проявлялась, конечно, классовая ненависть к угнетателям-боярам и дворянам, ко всякому богатому человеку. В речах Разина, упоминаемых в документах или описаниях иностранцев, главный мотив — это выступление против бояр, дворян, всех «мирских кровопивцев». На кругах в Черкасске, Папшине городке, Царицыне Разин говорит о необходимости борьбы против бояр-«изменников», но «за государя». Цель состояла в том, чтобы «изменников из Московского государства вывести и черным людям дать свободу»<sup>53</sup>. В разговорах, если верить показаниям одного из московских стрельцов, Разин, называя их «мясниками» (за расправы с повстанцами), заявлял: «Вы де... слушаете бояр, а я де вам чем не боярин? А то де он, Стенька, и говорит, что ему, Стеньке, идти к Москве и побить на Москве бояр и всяких начальных людей». Московских стрельцов Разин не любил за то, что они «стоят за бояр и думают заодно»<sup>54</sup>. В то же время он как будто не исключал и того, что московские стрельцы вместе с чернью «потянут с ним..., и они де бояр побьют заодно»<sup>55</sup>.

Разин и его товарищи постоянно отделяют бояр от царя. О стрельцах Ивана Лопатина, которых они разгромили на Волге под Царицыном, они рассуждали, что «протех... великий государь не ведает, а отпускали их на пиз с Москвы бояря без ево государева ведома и дали им своей казны по 5 рублей да их же поили вином, чтоб они за них стояли»<sup>56</sup>.

Но не ко всем боярам и прочим господам Разин и повстанцы относились одинаково. Известно немало случаев, когда наряду с убийствами ненавистных народу людей оставляли в живых дворян и офицеров, которых «одобряли» участники суда над ними. Разинцы наивно подходили к оценке достоинств и недостатков бояр и дворян — своих классовых врагов. Одних они считали «плохими», других — «добрыми», «хорошими» (см. выше).

Разин был непрочь привлечь на сторону своего дела некоторых знатных бояр, офицеров. В литературе не раз описывались его отношения с князем Львовым — одним из помощников астраханского воеводы Прозоровского. При возвращении из персидского похода он одарил его богаты-

<sup>53</sup> Крестьянская война..., т. I, стр. 183, 212, 235.

<sup>54</sup> Крестьянская война..., т. II, ч. 1, стр. 20—21, 31.

<sup>55</sup> Там же, стр. 44, см. также стр. 214.

<sup>56</sup> Там же, стр. 51.

ми вещами, а Львов отдал Разину иконой, что означало установление своего рода отношений отца и сына. В следующую встречу, весной 1670 г., Разин сохранил Львову жизнь под Черным Яром. Более того, атаман пытался с помощью своих посланцев создать в Астрахани впечатление, что князь перешел на его сторону. Известно также, что после взятия Астрахани Разин вместе с воеводой Прозоровским поднялся на высокую башню и прежде чем сбросить его вниз «прошентал ему какие-то слова на ухо, в ответ на что князь покачал головой. И так, будучи, несомненно, прельщаем изменником передаться на его сторону и ответствовав на то отказом, князь принужден был совершить с вышины свой роковой прыжок»<sup>57</sup>. Сохранились известия о попытке разинцев склонить на свою сторону бывшего патриарха Никона. Трудно сказать, соответствуют ли истине эти сообщения, скорее всего они говорят об одном из агитационных приемов Разина, подобном тем слухам и разговорам о царевиче Алексее Алексеевиче и том же Никоне, которые будто бы плыли по Волге в двух стругах вместе с войском Разина. В его глазах Никон — человек, пострадавший от московских бояр, — мог стать союзником в борьбе с ними, хотя, будучи патриархом, он не только лично выступал в роли угнетателя в патриарших владениях, но и освящал и укреплял своим авторитетом всю систему гнета и произвола ненавистных разинцам бояр и дворян.

Наиболее рельефно цели восстания отразились в знаменитых прелестных грамотах Разина и его атаманов. О них источники упоминают довольно часто и пересказывают их содержание; в дни восстания они распространялись во всех концах европейской части страны. Главкомандующий карательными войсками князь Ю. А. Долгорукий отсылал их в Москву в мешке после сражений с повстанцами, у которых прелестные грамоты отбирались после пленения. Одна из правительственных грамот отмечает, что Степан Разин разослал их «в розные места на соблазн незнающим бездомным людям»<sup>58</sup>.

В единственной известной сейчас прелестной грамоте, написанной от имени Разина, он обращается к народу: «Пишет вам Степан Тимофеевич всей черни. Кто хочет

<sup>57</sup> Записки иностранцев о восстании Степана Разина, стр. 109.

<sup>58</sup> Крестьянская война..., т. II, ч. 1, стр. 341, 407, 62, 91, 106.



богу да государю послужить, да и великому войску, да и Степану Тимофеевичю, и я выслал казаков, и вам бы заодно изменников вывадить и мирских краванивцев вывадить». В заключение предводитель повстанцев призывает всех «кабальных и апальных» присоединиться к его казакам<sup>59</sup>. Эта знаменитая прокламация в концентрированном виде выразила представления мятежников XVII в. о целях борьбы «черни», т. е. народных низов, с их угнетателями — «мирскими кровопивцами».

Во взглядах Разина наиболее ясный характер носят именно лозунги расправы с классовым врагом. Гораздо менее отчетливо представлял он себе общественное устройство, которое могло бы явиться результатом победы восстания. Разин и его казаки хотели, очевидно, ввести в России порядки казачьей вольницы — круги, выбор атаманов, что они и делали в захваченных городах, деревнях и селах. При этом не исключалось существование царя, «хороших» бояр и, вероятно, других правящих лиц, добрых по отношению к простым людям. Иностранцы наблюдали передали некоторые высказывания Разина, из которых видно, что он не претендовал на то, чтобы быть правителем, заявляя, что он хочет жить так, как и другие. Согласно Стрейсу, в обращении к стрельцам войска Львова, перешедшим на его сторону накануне взятия Астрахани, Разин заявил: «За дело, братцы! Ныне отомстите тиранам, которые до сих пор держали вас в неволе хуже, чем турки или язычники. Я припел дать всем вам свободу и избавление, вы будете моими братьями и детьми, и вам будет так хорошо, как и мне, будьте только мужественны и оставайтесь верны». Автор добавляет, что «после этих слов каждый готов был идти за него на смерть, и все крикнули в один голос: «Многая лета нашему батьке (Batske или отцу)! Пусть он победит всех бояр, князей и все подневольные страны!»<sup>60</sup>.

В отношении к царю, царскому титулу у Разина трудно выявить четкую линию. На кругах он не раз говорил о своем почтении к царю. В захваченной Астрахани Разин с толпой казаков ходил в гости к митрополиту Иосифу, чтобы отметить день тезоименитства царевича Федора Алексеича, хотя это послужило, вероятно, только пред-

<sup>59</sup> Крестьянская война..., т. II, ч. 1, стр. 65.

<sup>60</sup> Я. Я. Стрейс. Три путешествия, стр. 204.

логом для того, чтобы получить угощение. Повстанцы заявляли, что они выступают за бога, государя (или: царевича) и Степана Тимофеевича, тем самым выделяя своего атамана, не без его согласия, конечно, среди прочих смертных. Разин, согласно тому же Стрейсу, приглашая офицеров-иностранцев в гости после персидского предприятия, пил за здоровье царя, но через несколько дней в цитированной уже речи к Видеросу бросил фразу: «Я не считаюсь ни с ним (Прозоровским.— В. Б.), ни с царем». В отношениях с персидским шахом он держался «с таким высокомерием, как будто сам был царем», в письме к нему называл его «своим братом», как было принято между царствующими особами. «Когда дела Стеньки достигли такой высоты, он решил, что теперь ему море по колено, и возомнил, что он стал царем всей России и Татарии, хотя и не хотел носить титула, говоря, что он не пришел властвовать, но со всеми жить, как брат»<sup>61</sup>.

В ходе восстания имя царя Алексея, у которого Разин угрожал «передрать все дела» в Москве, постепенно уступало место имени царевича Алексея Алексеевича. В местностях, охваченных восстанием, переприсягали царевичу. Однако тот факт, что царь Алексей Михайлович был жив и правил, не мог, вероятно, не смущать повстанцев и самого Разина. Когда его скованного везли в Москву на смертную муку, он, согласно любопытному сообщению англичанина-апопима, надеялся многое сказать и объяснить царю Алексею: «Весь долгий путь он был обольщаем надеждой, что будет говорить с самим великим государем и перед ним изустно защитит дело свое. Стеньке всегда казалось, что ему многое что надобно сказать государю, а тому важно сие знать»<sup>62</sup>.

Во всех этих сообщениях, очень, как видим, противоречивых, трудно отделить зерно от плевелов. Конечно, показания источников, русских и иностранных, враждебных по отношению к Разину, не во всем надежны. Запись показаний самого Разина о его связях с Никоном на допросе в Москве тоже ведь сохранилась в составе правительственного документа. Тем не менее изучение всех этих данных, их сопоставление позволяет представить в общих чертах взгляды Разина и тех, кто шел за ним. Они выступали

<sup>61</sup> Там же, стр. 200, 203, 205.

<sup>62</sup> Записки иностранцев о восстании Степана Разина, стр. 113.



против гнета и несправедливостей существующего строя, мечтали о свободе и воле, устройстве жизни на манер казачьих порядков или, по Марксу, «христианской казачьей республики». Возможно, сам Разин, уже фактически стоявший во главе подобной «республики» в освобожденных от бояр и дворян районах, и в дальнейшем мыслил себя чем-то вроде атамана большой казачьей республики, но об этом трудно сказать что-либо определенное. Еще труднее представить себе, как он мыслил совместить порядки такой республики, установленные им, например, в Астрахани, с наличием царя и его слуг.

Разин, «шарная» персидское взморье Каспия, просил однажды шаха выделить казакам место для поселения на реке Куре, обещая быть в подданстве у него. Это напоминает положение Войска Донского по отношению к русскому царю, хотя казаки, пускаясь на переговоры (если они не были простой уловкой), рассчитывали, возможно, на получение более вольготных условий, той вольной земли, о которой исстари мечтали все угнетенные и оскорбленные люди. Казаки вернулись на родину, чтобы у себя дома попытаться устроить такие порядки, но, начав осуществлять свои замыслы, очень неясные, расплывчатые и наивные, подняв огромные массы простых людей против бояр и дворян, они в своих стремлениях, сами, вероятно, того не замечая, впадали в трагическое противоречие с действительностью. Уничтожая многих конкретных носителей зла и беззакония, они не хотели, да и не могли, сломать весь эксплуататорский строй сверху донизу. В этом Разин и повстанцы были сынами своего времени — те же самые представления, те же ошибки мы видим у Болотникова и его товарищей в начале века, у участников восстаний 40—60-х и 80—90-х годов, несмотря на специфику всех этих движений. С теми или иными вариациями и изменениями они будут еще долгое время составлять характернейшую черту народных, в частности крестьянских, движений в России. Повстанцы 1682 г., участники знаменитой «Хованщины», среди которых имелись и разинцы (астраханские стрельцы, высланные в Москву после подавления Крестьянской войны), в известной степени добились того, к чему стремился Степан Разин, — овладели Москвой, поставили у власти «хороших» царя и других правителей, собирались на круги и т. д., по хорошо известно, чем все это кончилось.

Весь сентябрь Разин осаждал симбирский кремль. Отсюда, из-под Симбирска, он рассылал во все стороны атаманов с отрядами для расширения борьбы, вовлечения в нее новых участников. При главном войске, в его штабе составлялись прокламации («прелестные грамоты», «листы») с призывами к «кабальным и опальным» присоединяться к восстанию, расправляться с дворянами и тем самым получить свободу от крепостничества. Эти действия имели огромный успех. Народные низы с энтузиазмом откликнулись на призывы Разина и его атаманов. Во многих местах создавались повстанческие отряды, превращавшиеся в многотысячные войска. Крестьяне расправлялись с помещиками, а те из них, кому удавалось спастись, бежали из районов восстания под прикрытие городов и царских войск. По их собственному признанию, они спасались от «войны» собственных крепостных людей. Восставшие крестьяне громили дворянские имения, конфисковывали имущество их владельцев и делили его между собой.

Крестьяне на мирских сходках-кругах решают интересующие их вопросы. Они выделяют с каждого двора по человеку в отряды восставших, а иногда уходят в них целыми деревнями. Крепостные документы летят в огонь, работы на феодалов и выплаты платежей прекращаются.

Горожане поднимают восстания, расправляются с воеводами, приказными и богатыми купцами, открывают ворота разинским отрядам. А они действуют во многих местах, вплоть до верховьев Волги и за Волгой, захватывают Пензу и Саранск, Верхний и Нижний Ломовы, Алатырь и Курмыш и другие. Максим Осипов, один из выдающихся разинских сподвижников, ведет бои в Нижегородском уезде.

Почти все нерусское население Козьмодемьянского и Курмышского, Цивильского и Чебоксарского уездов ведет борьбу против феодалов. Так, чуваша, татары и другие повстанцы во главе с русским предводителем Михаилом Бородиным осаждают Цивильск. А в осаде Симбирска, помимо большого количества русских повстанцев, принимают участие несколько тысяч чувашей, мари, мордвы и татар.

В верховьях Дона и его притоков и в Слободской Украине переходит на сторону восстания ряд городов — Остро-



гожск со своим гарнизоном во главе с полковником И. Дзизьковским, Ольшанск, Чугуев, Змиев, Царев-Борисов и другие.

Правящие круги, перепуганные размахом Крестьянской войны, принимают экстренные меры. Спешно собирают войско и высыпают его в район военных действий. Сам царь Алексей лично проводит смотр войскам. Их главнокомандующим он назначает боярина князя Ю. А. Долгорукого, человека энергичного и жестокого, уже снискавшего известность в качестве полководца в недавно закончившейся войне с Польшей. Правительственные силы сосредоточиваются в Казани, Шацке и Арзамасе, который стал опорным пунктом Долгорукого. Сначала отдельные царские войска вели борьбу с многочисленными повстанческими отрядами и были по существу изолированы друг от друга.

Но в октябре каратели переходят в решительное наступление. К Симбирску, который продолжает осаждать 20-тысячное войско повстанцев, подходит войско Ю. Н. Борятинского, жаждущего взять реванш за свое сентябрьское поражение. Под стенами города закипела ожесточенная битва. Повстанцы бились, как львы. Разин сражался в гуще боя, был ранен; истекающего кровью и потерявшего сознание атамана вынесли с поля боя его помощники. Повстанцы потерпели поражение, и Борятинский соединился с Милославским, осаждавшим в кремле. Восставшие целую ночь штурмовали его укрепления. Воеводы послали полк ратников им в обход к берегу Волги, и среди повстанцев началась паника. Каратели воспользовались этим и довершили разгром разинского войска. Самого предводителя его казаки унесли в лодку, и рано утром 4 октября в сопровождении небольшого отряда преданных людей лодка с раненым Разиным отплыла вниз по Волге.

Катастрофа под Симбирском предопределила окончание деятельности Разина. В связи с поражением под Симбирском некоторые исследователи считают возможным писать о недостойном поведении Разина, чуть ли не его эгоизме и предательстве, так как он бросил-де на произвол судьбы свое войско и бежал с поля боя, спасая свою жизнь. Но при этом в должной степени не учитывается тяжелое состояние атамана, та атмосфера отчаяния и паники, которая царила среди повстанцев. Подобное поведе-

ние отличало их отряды, плохо организованные и вооруженные, и во время многих других поражений в схватках с войсками Долгорукого, Борятинского и других царских воевод.

Нельзя согласиться также с утверждением некоторых ученых, которые пишут, что после поражения под Симбирском Разина, плившего вниз по Волге, даже не пустили к себе в город жители Самары и Саратова, что якобы свидетельствует о разногласиях в рядах повстанцев, которые и сыграли роковую роль в октябрьской катастрофе<sup>63</sup>. Конечно, разногласия в среде повстанцев имелись — в этом и заключалась трагедия обездоленных и темных людей, которых не спасли ни отчаянное мужество, ни огромный размах восстания. Что же касается того, что самарские и саратовские жители Разина «в города не пустили», то об этом говорится в официальной грамоте Приказа Казанского дворца<sup>64</sup>, а, как известно, правительственные акты из всех сил старались очернить Разина и его дело, не брезгуя никакими вымыслами и фальсификациями. В то же время из другого документа — записи допроса крестьянина И. Яковлева в стане главнокомандующего Ю. А. Долгорукого под Арзамасом — видно, что Разин в Самаре был, разговаривал там с «жилиетскими людьми», конфисковал вино у одного кабацкого откупщика<sup>65</sup>. Это лишний раз свидетельствует о том, с какой осторожностью следует относиться к официальным версиям, излагавшим те или иные события восстания в угодном правительству духе.

Но симбирское поражение и ранение главного предводителя не привели к окончанию Крестьянской войны. Восстание продолжало бушевать на огромной территории. Действовали старые повстанческие отряды и войска, создавались в ряде мест новые. Восставшие вели ожесточенные бои с карательными армиями, пытались наступать на войско Долгорукого в его ставке — Арзамасе. Царским воеводам с большим трудом удавалось продвигаться вперед, ведя непрерывные сражения с повстанческими отрядами, которые, рассеявшись после неудачи, снова и снова собирали силы и продолжали борьбу.

<sup>63</sup> См. например, *Н. И. Ульянов. Разинщина*. Харьков, 1931, стр. 48—50, 54.

<sup>64</sup> Крестьянская война..., т. II, ч. 1, стр. 227.

<sup>65</sup> Там же, стр. 233.



В это время, осенью и зимой 1670 г., в движении участвовало до 200 тыс. повстанцев.

В Нижегородском уезде в результате решительных действий повстанцев М. Осипова в руки восставших перешли богатые села Лысково и Мурашкино, затем, после осады (с 1 по 17 октября), — Макарьевский Желтоводский монастырь. В Арзамасском уезде воевал с карателями 7-тысячный отряд «старицы» Алены из местных крестьянок. Ее схватили и сожгли на костре. Перед смертью эта мужественная воительница бросила в лицо палачам гордые и смелые слова: если бы побольше людей дрались так же храбро, как она, Долгорукий поворотил бы вспять. На Унже и Ветлуге, в Лесном Заволжье, действовали отряды И. Пономарева и М. Ф. Мумарина, в Мордовии — мурзы Акая, в Слободской Украине — Алексея Хромого и т. д. Восставшие появлялись в центральных уездах и даже поблизости от Москвы.

Однако в конце года повстанцы терпят ряд новых крупных поражений: в октябре под городом Шацком и селом Мурашкиным, в ноябре — в Слободской Украине, в декабре — в Мордовии и Заволжье. Каратели один за другим отбивают у повстанцев захваченные ими города и селения. Огнем и мечом проходят они по местам народной борьбы. По свидетельствам современников, в ходе подавления восстания от их рук погибло до 100 тыс. повстанцев. В одном Арзамасе за три месяца по приказам Долгорукого палачи казнили 11 тыс. пленных участников движения. По свидетельству современника, «место сие являло зрелище ужасное и напоминало собой преддверие ада. Вокруг были возведены виселицы, и на каждой висело человек 40, а то и 50. В другом месте валялись в крови обезглавленные тела. Тут и там торчали колы с посаженными на них мятежниками, из которых немалое число было живо и на третий день, и еще слышны были их стоны»<sup>66</sup>.

Карательные войска довершили дело в начале 1671 г. — основные очаги Крестьянской войны были подавлены. Но Астрахань продолжала борьбу в течение всего этого года. Весной войско астраханских повстанцев совершило поход к Симбирску, осаждало его, но не добилося успеха и возвратилось назад. Пала Астрахань 27 ноября.

---

<sup>66</sup> Записки иностранцев о восстании Степана Разина, стр. 112.

Задолго до этого, 14 апреля, на Дону, в Кагальницком городке богатые казаки во главе с войсковым атаманом К. Яковлевым схватили Разина.

Мятежного атамана привезли в Москву на телеге в оковах и в рубище. Начались допросы и жестокие пытки. Следственное дело Разина, скорее всего, безвозвратно погибло. Ныне известно только о трех его показаниях — о казни брата Ивана в 1665 г., как причине его выступления, о попытках наладить связи с бывшим патриархом Никоном (см. выше) и, наконец, о вожде восставших татар кадомском «служилом человеке» Асае Карачурипе.

На пути в столицу Разин утешал своего не столь стойкого, как он сам, брата Фрола, «говоря, что когда привезут их в город Москву, будет оказана им великая честь, тысячи людей, и самые знатные тоже, выйдут им навстречу, потому что ждут не дождутся их увидеть». Анонимный автор — англичанин, сообщая эти сведения, пишет далее, что «предсказание» Разина сбылось: по прибытии в столицу «ожидало его великое множество народа высокого и низкого звания». Во время пыток он опять уговаривал Фрола, «дабы укрепить его», «сказал, что должно помнить ему, сколь многим пользовался он в жизни, что долго жил он среди друзей в чести и славе и имел под началом тысячи и тысячи, а потому надлежит ему нынче принять тяжелую долю свою с терпением».

На эшафоте у Лобного места, перекрестившись и сказав последнее «прости» окружающему месту казни народу, предводитель восставших столь же стойко перенес последнее испытание. Правительство, опасаясь волнений, окружило место казни плотными рядами войск. Разину «с превеликой поспешностью» отрубили правую руку, левую ногу и голову, он при этом «ни единым вздохом не обнаружил слабости духа»<sup>67</sup>.

Боярская Москва ликовала, церковь служила благодарственные молебны и предавала анафеме Степана Разина. Слухи о восстании распространялись по окрестным странам, а их владетели поздравляли царя Алексея Михайловича с победой. В Западной Европе по свежим следам издают первые сочинения о «бунте» российской черни. Простой же народ России оплакивал смерть своего атамана

<sup>67</sup> Там же, стр. 114—115, 125, 130.



на, складывал о нем бесчисленные песни и легенды, дожившие до нашего времени:

Помутился славный тихий Дон  
От Черкаска до Черного моря!  
Помешался весь казачий круг!  
Атамана боле нет у нас,  
Нет Степана Тимофеевича,  
По прозванию Стеньки Разина.  
Поймали добра молодца,  
Завязали руки белые,  
Повезли во каменну Москву  
И на славной Красной площади  
Отрубили буйну голову!

Короткая и бурная жизнь Степана Разина, поразившего современников и потомков, была отдана пароду, делу борьбы за лучшую долю для всех угнетенных и униженных. Он принял эстафету борьбы с народными притеснителями (в его войске сражались, например, участники «Медного бунта» 1662 г.) и передал ее следующим поколениям. Сподвижники казненного атамана не раз поднимались на борьбу в 70-е годы на Дону, у некоторых из них сохранились даже знамя и «прапорец» Степана Разина. Разинцы-астраханцы участвовали в Московском восстании 1682 г. В 1688 г. донские казаки-раскольники «хотели... воровать, как Стенька Разин»<sup>68</sup>. В Крестьянской войне начала XVIII в. тоже участвовали разинцы, в том числе и булавинский полковник И. Лоскут, «про которого сказывают, что он был при Стеньке Разине лет с 7».

Вторая Крестьянская война закончилась, но разинские традиции продолжали долго жить среди угнетенных, поднимавшихся на борьбу против феодалов в конце XVII в. и позднее.

<sup>68</sup> Крестьянская война..., т. II, ч. 1, стр. 386.

## ТРЕТЬЯ КРЕСТЬЯНСКАЯ ВОЙНА

### НА РУБЕЖЕ ДВУХ СТОЛЕТИЙ

Подходил к концу XVII век. Новый 1700 год русские люди встретили не 1 сентября, как столетиями до этого, а 1 января, к тому же по новому, григорианскому, летосчислению; по принятому до этого времени византийскому счету («от сотворения мира») это был бы 7208 год. Начиналась знаменитая эпоха реформ, «петровских преобразований», «европеизации» страны. Страна, как, не без преувеличения, напишет столетие с лишним спустя великий поэт, «мужала с гением Петра».

Подготовленные и начатые еще во второй половине предыдущего столетия реформы выводили Россию на новые рубежи, превращали ее в одну из ведущих мировых держав. Но все эти успехи достигались очень дорогой ценой: крайним истощением народных сил, возрастанием до невиданных размеров эксплуатации. Методы, которыми проводились реформы, направленные на укрепление государства и его социальной опоры в лице дворянства и купечества, дали основание В. И. Ленину сказать, что Петр I «ускорял перенимание западничества варварской Русью, не останавливаясь перед варварскими средствами борьбы против варварства»<sup>1</sup>.

Не удивительно, что правление Петра сопровождалось непрерывными классовыми выступлениями народных масс.

В июне 1671 г. на помосте около Лобного места под топором палача скатилась голова Степана Разина, а около полугода спустя закончилось сопротивление Астрахани — последнего оплота второй Крестьянской войны. Несмотря на разгул мести карателей и палачей, народное движение на Дону, где началась разинская эпопея, не стихает на протяжении последних 30 лет XVII в. В 70 — начале 80-х

<sup>1</sup> В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 301.



годов оно приобретает такие формы, что угрожает вылиться в новое восстание. Его участники, среди которых имелись и повстанцы 60 — начала 70-х годов, сохранившие даже знамя («прапорец») Разина, мечтали в начале 80-х годов соединиться с московскими стрельцами. Правда, это не удалось сделать. Но в Москве в 1682 г. стрельцы и солдаты с их союзниками так «тряхнули царством», что заколебалось здание формирующейся абсолютистской монархии. Они сменили правительство, контролировали его и заставили пойти на уступки. Среди участников Московского восстания 1682 г. имелись и разинцы, переведенные после 1671 г. в Москву из Астрахани. Герои 1666—1671 гг., эти «возмутители спокойствия», тревожили покой власть имущих и позже, вплоть до событий классовой борьбы начала XVIII в., в которых они участвовали.

В начале XVII в. Крестьянская война, сопровождавшаяся борьбой народных масс против иностранной интервенции, продолжалась полтора десятилетия. Огромные усилия, затраченные ими, истощение и разорение страны делают понятным тот факт, что в течение нескольких десятилетий социальные низы не могли подняться на классовую борьбу такого масштаба. Правда, в 40—60-е годы в стране произошел ряд восстаний и выступлений, однако новая Крестьянская война падает на вторую половину 60 — начала 70-х годов. Кроме того, нужно иметь в виду, что первая Крестьянская война сдержала на время окончательное закрепощение крестьян.

После второй Крестьянской войны беспощадно проводятся в жизнь нормы Соборного уложения 1649 г. Крепостнический «устав» ужесточается, распространяясь на новые районы страны. В эпоху разинского движения и после него крепостническое государство, несравненно более мощное, чем в начале XVII в., гораздо быстрее справляется с народными движениями, обильными в это «бунташное» время. Сословно-представительная монархия превращается в абсолютную, и это сопровождается, с одной стороны, возрастанием роли дворянства, усилением его экономической мощи и политического влияния, с другой — ухудшением материального положения и ростом политического бесправия народных масс.

В последней трети XVII — начале XVIII в. продолжается рост землевладения дворян, уменьшается крестьянская запашка, усиливается феодально-крепостнический

гнет. Раздачи земель правительством идут непрерывно и в больших размерах. За разгром разинского восстания огромные владения получают Ю. А. Долгорукий и другие каратели. То же происходит по случаю подавления восстания в Москве 1682 г., победы Петра в борьбе за власть с Софьей в 1689 г., за чигиринские походы в 70-е, за крымские в 80-е годы и т. д. Помещики получали земли из дворцового ведомства, черносошные, пустые земли «Дикого поля» в южных уездах. Феодалы, не ограничиваясь пожалованиями правительства, самовольно захватывают земли на юге и юго-востоке; их владения приближаются к донским пределам, вклиниваются в земли нерусских народов Поволжья, Приуралья, распространяются в пределах Украины. Наиболее знатные феодалы, царские родственники и фавориты сказочно обогащаются за счет ограбления и эксплуатации крепостных. Нарышкины, родственники Петра I по матери, в 80—90-е годы получают 6,5 тыс. крестьянских дворов из дворцовых владений. К началу третьей Крестьянской войны фельдмаршал Б. П. Шереметев имел в своих 19 вотчинах 6282 двора с более чем 40 тыс. жителей. В начале же столетия некоторые дворянские семейства (Лопухины, Нарышкины, Черкасские) владели примерно по 10 тыс. крестьянских дворов, 15 дворян — по 1—2 тыс., 50 дворян — по 500—1000, 400 дворян — по 100—500 дворов. В целом при Петре I в раздачу попали сотни тысяч крестьян.

Положение крестьян ухудшилось после подавления разинского движения. Власти усиливают сыск беглых, ужесточают репрессии против них<sup>2</sup>. В результате законодательной деятельности правительства (особенно важны в этом плане наказ сыщикам 2 марта 1683 г. и указ 23 марта 1698 г.) вырабатывается своеобразный кодекс сыска беглых крестьян и холопов. Сыск принял постоянный государственно-организованный и массовый характер; он продолжался в течение всей последней трети XVII в.; особенно большие размеры характерны для сыска 90-х годов, когда его масштабы «ни в какой мере не уступали масштабам сыска в 60-е годы»<sup>3</sup>. Правительство во второй половине XVII в. постепенно распространяет нормы сыска беглых на окраины страны. В обстановке массового бегст-

<sup>2</sup> А. Г. Маньков. Развитие крепостного права в России во второй половине XVII в. М.—Л., 1962, стр. 53.

<sup>3</sup> Там же, стр. 82—83.



ва на юг в 70—80-е годы эти меры к концу столетия начинают применяться властями и на территории Дона, что, естественно, вызывало крайнее недовольство донского казачества.

О тяжком положении крестьян петровского времени сохранилось немало сведений. Барщинные работы, различные взносы и повинности разоряли их хозяйство. И. Т. Посошков сообщает, что помещики накладывают на своих крестьян «бремена неудобноносимая»; есть такие «бесчеловечные дворяня», которые в пахотную и сенокосную пору не оставляют своим крестьянам ни одного дня для работы на себя или, забрав положенные оброк и столовые запасы, «еще требуют с них излишнего побору и тем излишеством крестьянство в нищету пригоняют». По его же словам, «многие дворяне говорят: «Крестьянину де не давай обрости, но стриги ево, яко овцу, догола». И, тако творя, царство пустошат, понеже так их обируют, что у иного и козы не оставляют, и от таковыя пужды дома свои оставляют и бегут»<sup>4</sup>. В одном из подметных писем, адресованных Петру I (1700 г.), группа крестьян жалуется, что дворяне, «яко львы зубы, челюстями своими пожирают и яко же змии ехидные, расสวิрепя, напрасно пожирают» то, что создается трудом их подданных<sup>5</sup>.

Значительно увеличивается налоговое бремя. Помимо внесения подворной подати, уплаты косвенных налогов (таможенные, кабацкие и др.), с начала XVIII в. вводится много новых: деньги корабельные, рекрутские, драгунские и многие другие. Войны (особенно Северная, начавшаяся в 1700 г.), создание армии и флота, постройки заводов и каналов — все это требовало колоссальных средств. Налоги брались со всего: с бань и постоянных дворов, перевозов и мельниц, с лавок и шалашей — со всего, что продавалось и покупалось.

Особенно тяжелым было положение крестьян. В среднем на один крестьянский двор падало до 10—15 руб. и более различных платежей. Для сравнения можно привести такие данные (за 1706 г.): для выплаты двухгодичного оброка по 1 руб. 69 коп. со двора крестьянам имения И. Квашнина-Самарина в Калужском уезде требовалось

<sup>4</sup> И. Т. Посошков. Книга о скудности и богатстве и другие сочинения. М., 1951, стр. 177.

<sup>5</sup> Н. В. Голикова. Политические процессы при Петре I. М., 1957, стр. 166.

продать около 7 пудов свинины, или 11 баранов, или 85 кур<sup>6</sup>.

Нещадная эксплуатация крестьян и посадских людей феодалами и государством имела своим следствием массовое их разорение, обнищание. Перепись 1710 г. показала сокращение количества крестьянских и посадских дворов. Большие размеры приняла недоимка при сборе налогов и платежей. Они выколачивались властями с применением самых жестоких мер, сопровождалась страшными злоупотреблениями и насилиями представителей местной администрации. Характерной чертой жизни и быта многих городов, сел и деревень является массовое нищенство. Так, по данным за 1709 г. в Бежецком уезде на 25 тыс. населения насчитывалось около 1,6 тыс. нищих. Тысячи, десятки и сотни тысяч крестьян и горожан отрывались от своих занятий на строительство городов и каналов, обслуживание мануфактур, устройство засек и подводную службу и многое другое. Так, на воронежских судоверфях с 1698 по 1701 г. работало до 15 тыс. работных людей из различных уездов; десятки тысяч людей строили в тяжелейших условиях Петербург, Азов, Таганрог и другие города. В рекруты в годы Северной войны брали по 1 человеку с 20 дворов; за первые 10 лет мобилизовали 200 тыс. человек<sup>7</sup>. Тысячи людей погибали от голода и холода, болезней и побоев.

Исключительно тяжелым было положение десятков тысяч работных людей на мануфактурах и приписных крестьян, обслуживавших те же фабрики и заводы. Долгий рабочий день, низкая зарплата, которой хватало лишь на пропитание самого работника, притеснения и издевательства — таков был их удел. Многие из них бежали с предприятий, власти же принимали строгие меры к их отысканию и возвращению на старые места.

На народных страданиях строилось и крепло государство, усиливались позиции и увеличивались богатства российского дворянства и купечества. Наступление на жизненные интересы широких народных масс затрагивало те районы, которые истари сохраняли автономию в пределах России. Это, прежде всего, юго-восточные окраины, куда

---

<sup>6</sup> В. И. Лебедев. Булавинское восстание (1707—1708). М., 1967, стр. 13, 15.

<sup>7</sup> Там же, стр. 15—16.



в течение второй половины XVII — начале XVIII в., но ослабевающая, тянулись потоки беглых.

На Дону в начале XVIII в. насчитывалось около 130 городков-станций с несколькими десятками тысяч населения, возможно до 60 тыс. чел. Среди них по-прежнему насчитывалось немало беглых крестьян и посадских, стрельцов и солдат. Многие голутвенные люди работали на богатых казаках, попадая к ним в экономическую зависимость, другие становились бурлаками, третьи, люди бездомовные и бродячие, кормились случайной работой. На Дону постоянно не хватало хлеба, прокормиться было трудно. Положение осложнялось частыми набегами воинственных соседей; они убивали и уводили в плен сотни людей, разоряли дома, захватывали имущество<sup>8</sup>.

Еще большую опасность представляло появление на Дону русских и украинских помещиков, монастырей, дворянского ведомства, которые с конца XVII в. начинают захваты земель и угодий. Казаки сопротивляются наступлению дворянского и монастырского землевладения, выгоняют новых владельцев и их приказчиков, разоряют их имения. Но остановить натиск феодалов они не могут, так как власти и сам царь весьма заинтересованы в получении владений на Дону. Так, борьба донских казаков за владение Бахмутскими соляными промыслами, которые еще в конце XVII в. были переданы Изюмскому полку и его полковнику В. Ф. Шидловскому, после ряда столкновений завершилась в 1706 г. их отпиской «на государя». Они поступили в ведение Семеновской канцелярии. Интересно, что в 1705 г. Бахмутский соляной завод был разорен и сожжен соляными добытчиками и голытьбой, которых возглавил бахмутский казачий атаман Кондратий Афанасьевич Булавин. После решения судьбы промыслов туда приехал воронежский дьяк Алексей Горчаков, чтобы описать земли и угодья, выяснить убытки от пожара. Но донцы не допустили его к проведению описи, Булавин приказал посадить дьяка под арест<sup>9</sup>.

Правительство переселяет новопришлых казаков из верховых городков в районе рек Хопер, Медведица, Бузу-

<sup>8</sup> Е. П. Подъяпольская. Восстание Булавина. 1707—1709. М., 1962, стр. 56—57.

<sup>9</sup> Там же, стр. 60—63; А. П. Прохштейн. Земля Донская в XVIII в. Ростов на-Дону, 1961, стр. 256—257.

лук в другие места — на азовские дороги. Власти запрещают донцам ловить рыбу на Дону в районе Азова, «сечь лес и пустошить леса». В некоторых местах воеводы по личному указу Петра I пытаются провести перепись казаков. Досаждали казакам и стеснения в торговых делах. Массовые побег крестьян и дворовых с 80-х годов XVII в. вызывают появление серии правительственных указов, запрещающих принимать на Дону беглых, которых предпринималось возвращать владельцам.

Наступление правительства на жизненные интересы жителей Дона (казаков, беглых крестьян и холопов, рабочих людей с различных предприятий и промыслов) вызывало их недовольство. Эти все более углублявшиеся классовые противоречия дополнялись разрывом в среде самого донского казачества между его богатой частью, старшинной, превращавшейся постепенно в помещиков, торговцев и предпринимателей, и основной массой «голутвенных», бедных людей, подвергавшихся беспощадной эксплуатации со стороны домовитых. В руках старшины сосредоточивается вся власть — из их среды прежде всего выбираются войсковые атаманы и их помощники, они командуют полками, предводительствуют во время походов и набегов, определяют внутреннюю и внешнюю политику Войска Донского. Несмотря на то, что продолжает действовать круг, обладавший высшей административной и судебной властью, старшина все больше игнорирует его, предпочитая решать дела на узком совете из представителей казачьей верхушки. Домовитые присваивают себе львиную долю жалованья, которое присылается из Москвы, и различных денежных поступлений в войсковую казну. Несение же различных тяжелых повинностей перекладывается на плечи бедняков.

Правительство, стараясь привлечь на свою сторону домовитых, самым откровенным образом их подкупает — в ход идут и жалованье, и всякие подарки, и предоставление привилегий. Особенно щедро оплачивают московские бояре предательство, помощь в подавлении народных восстаний. Так было, например, в 1671 г. при поимке Степана Разина. А за участие в подавлении Астраханского восстания 1705—1706 гг. Войско Донское получило 20 тыс. руб. Войсковому атаману Лукьяну Максиму за борьбу с Булавиным в конце 1707 г. пожаловали для него и его сторонников 7 тыс. руб. Им было также разрешено за-



хватывать в частную собственность земли, на которых домовитые заставляли работать на себя беглых; здесь появляются их хутора<sup>10</sup>. В одном из царских указов (1689 г.) говорилось, что до этого времени «по реке Хопру и Медведице отнюдь пашни не пахивали и никакого хлеба не севали, а важивали хлеб из русских городов и кормились зверьми и рыбами; а ныне де в тех городках казаки завели пашню»<sup>11</sup>.

Беглые люди и «природные» казаки все больше начинают заниматься земледелием для собственного прокормления. На Дону скапливается все больше беглых. После семи лет проживания они становились полноправными казаками. Русские дворяне разных уездов, центральных и южных, жалуются правительству на бегство своих подданных, которое разоряет помещичьи хозяйства. Так, в одной коллективной челобитной 1690 г. феодалы сообщают властям: «Бегают от нас люди и крестьяне с женами и детьми на Дон, на Хопер и на Медведицу беспрестанно, многие села и деревни запустошили. Теперь мы от этого побегу разорены без остатку».

На Дон, помимо крестьян, посадских, бегут многие стрельцы, солдаты и драгуны. Особенно усиливается их бегство после подавления восстаний в Москве в 1682 г. и под Москвой в 1698 г., с началом Северной войны. Спасаются от преследователей и раскольники. Они основывают свои скиты в глухих местах по Хопру и Медведице. Скрываются от гнета своих феодалов — гетманов и старшины — украинцы.

В ответ на присылаемые из Москвы грамоты с требованиями о выдаче беглых Войско или сообщало, что их на Дону нет, или попросту отмалчивалось. В начале XVIII в. правительство переходит к более активным действиям. В 1703 г. на Дон посылают стольников М. Кологривова и М. Пушкина с поручением выявить новооснованные городки в верховьях Дона, по Хопру и Медведице, Бузулуку и Северному Донцу. Беглых предписывалось отослать на прежние места жительства или на каторжные работы в Азов. Стольники опросили население ряда городков. Но высылка, которую начали проводить царские отряды, встретила сопротивление казаков. Миссия Кологривова и

<sup>10</sup> В. И. Лебедев. Булавинское восстание (1707—1708), стр. 30.

<sup>11</sup> Булавинское восстание. Сб. документов. М., 1935, стр. 460.

Пушкина потерпела неудачу. Но власти неоднократно возобновляли усилия, направленные на то, чтобы воспрепятствовать заселению беглыми русскими людьми верховых донских городков, перевести их на новые поселения в районе «шляхов», которые вели к Азову, с целью освоения новоприсоединенного края.

Правительство все более стесняет политические права Войска Донского: запрещает предпринимать казакам военные походы, посылать послов без разрешения азовского губернатора; вмешивается в хозяйственную жизнь казачества.

К началу XVIII в. классовые антагонизмы в стране обостряются до крайности. Они выливаются в цепь народных движений, более или менее крупных, принимающих различные формы — от массового бегства в 80—90-е годы XVII в. и большого количества выступлений, восстаний различных категорий угнетенного населения до крупных движений, таких, как, например, Астраханское восстание 1705—1706 гг., Башкирское восстание 1704—1711 гг. и, наконец, самого мощного из них — Крестьянской войны начала XVIII в.

### ПЕРЕПИСЬ БЕГЛЫХ И НАЧАЛО ВОССТАНИЯ

Область Войска Донского становится исходной базой и основным очагом восстания, вспыхнувшего осенью — зимой 1707 г. в связи с новой попыткой правительства организовать перепись беглых на Дону и вернуть их владельцам. Царский указ от 6 июля 1707 г. предписывал полковнику князю Ю. В. Долгорукому учсть беглецов «во всех казачьих городках» и выслать их с семьями «в те же города и места, откуда кто пришел»<sup>12</sup>. Он же должен был провести следствие по делу дьяка Горчакова.

2 сентября Долгорукий с отрядом примерно в 200 чел. прибыл в Черкасск. Предъявив указ, он потребовал у войскового атамана помощи для проведения сыска, который он собирался начать прямо в Черкасске. Атаман и старшина выделили ему в помощь до 140 чел., в том числе «знатных старшин», однако отговорились от сыска в самом Черкасске, так как в нем «чинить розыск с пришлых людях

<sup>12</sup> Булавинское восстание, стр. 113; Письма и бумаги Петра Великого, т. VI. Пг., 1918, стр. 9—10.



невозможно, потому что до сего времени великого государя указу такова не бывало, чтобы пришлых с Руси людей не принимать, и заказу о том не бывало»<sup>13</sup>.

Беглые в Черкасске были, и насчитывалось их, очевидно, много; но они работали у тех же богатых старшин, и домовитые поспешили направить Долгорукого вверх по Дону. Уже 6 сентября начался жестокий розыск. Он коснулся Мелехова и нескольких других станиц недалеко от столицы Войска Донского. Несколько десятков новопришлых было переписано и выслано с Дона. Затем Долгорукий направляет 4 небольших отряда, сформированных в Мелеховом городке, в разные стороны: отряд А. В. Плохова должен был действовать по Дону от Черкаска до Пашина, капитана П. И. Киреева — от Пашина до Донецкого городка, капитана Н. С. Тенебекова — по Хопру, капитана С. С. Хворова (Форова) — по Бузулуку и Медведице. Отряд самого Долгорукого (до 140 чел.) продвигался по Северскому Донцу; но и он был разделен на две части.

Переписчики составляли в каждой станице два списка: в один вносили имена старожилов, в другой — новоприхожих. Последних тут же под конвоем станичных казаков направляли с семьями туда, откуда они появились в свое время в этих местах. Сыщики вели себя в городках очень жестоко. Об этом говорит К. Булавин в письме к казакам-кубанцам: «И они, князь с старшинами, будучи в городках, многия станицы огнем выжгли и многих старожилых казаков кнутом били, губы и носы резали и младенцев по деревьям вешали». Во многих казацких семьях все мужчины находились на военной службе (шла Северная война со Швецией), но это не помешало карателям заносить их жен и детей в списки новопришлых. В ряде случаев новопришлые разбегались по лесам и оврагам, их сыскивали и наказывали. То же делали со старожилами, которые помогали укрываться новоприхожим. Так, в Обливенском городке атаман сказал Долгорукому, что у них только 20 пришлых, которые к тому же разбегались; он подал полковнику «сказку» о том и собственноручно подписал ее. Однако среди казаков нашелся доносчик — по его словам, в Обливенске имелось только 6 старожилов и 10 черкас (украинцев), остальные же жители — 200 человек! — но-

<sup>13</sup> Булавинское восстание, стр. 116, 119.

вопришлые. Оказывается, атаман и казаки-обливенцы до прихода Долгорукого клялись на евангелии не выдавать своих товарищей-пришлых. Долгорукий после получения доноса приказал всех переписать, а трех «лутчих людей» бить кнутом. То же повторялось в других городках и станицах, в которых подчас жили одни только пришлые.

Перенись и высылка вольных людей, превращавшихся снова в подневольных, расправы, доносы чрезвычайно накалили обстановку на Дону и его притоках. Около двух тысяч человек были отправлены на свои прежние места. Однако беглецов выявлено так много, что их невозможно было отправить сразу. Их оставляли «до указа».

На Дону все кинелo и бурлило. Атмосфера народного возмущения и нарастающего протеста хорошо передается в народных песнях:

Как приехали к нам на тихий Дон все рассыльщики,  
Без указа-то они государева нас разоряют  
И они старых стариков всех ссылают,  
Молодых же малолеток берут во солдаты.  
Оттого-то наш славный тихий Дон возмутился,  
Возмутился славный тихий Дон вплоть до устьяца,  
Как до славного до города Черкасского.

Возмущенные и озлобленные казаки, готовясь к отпору царским карателям Долгорукого, собираются в Ореховом Буераке в трех верстах от Новоайдарского городка на реке Айдар — левом притоке Северского Донца. Помимо собственно казаков, сюда же сбегаются беглые, крестьяне, батраки, бурлаки, «гулящие русские люди». К 1 октября их скопилось здесь до 250 чел. Во главе их встал К. А. Булавин — казак Трехизбянского городка, располагавшегося недалеко от впадения Айдара в Северский Донец. Именно его Долгорукий в свое время требовал арестовать за антиправительственные действия на Бахмутских соляных промыслах (см. выше).

В Ореховый Буерак по призыву Булавина ехали из разных городков казаки. Здесь состоялся круг, и, по словам Булавина, «с общего нашего со всех рек войскового совету» на нем решили убить Ю. В. Долгорукого и старшину Ефрема Петрова «за их неправду и за напрасное разорение»<sup>14</sup>. Повстанцев возглавили Булавин и его ближайшие помощники — бывший разинец Иван Лоскут, ка-

<sup>14</sup> Там же, стр. 453.



заки Григорий Банников, С. А. Драный («пущий заводчик»), Ф. Н. Явланов (есаул Булавина), Никита Голый («Микитка Голодай») и др. Лоскут и Банников стали полковниками походного атамана Булавина, избрали также 8 есаулов, 12 сотников, 12 «объезчиков» (курьеров).

8 октября отряд Долгорукого прибыл в Шульгин городок на той же реке Айдар. Местный атаман предупредил его о готовящемся нападении, однако князь не обратил внимание на донос. В ночь на 9 октября около станичной избы ночную тишину разорвали ружейные выстрелы и крики. Отряд повстанцев ворвался в городок. Под их ударами пали Долгорукий и его солдаты (около 20 чел.), войсковые же старшины сумели в одних рубахах ускакать в степь на неоседланных конях.

Оставшиеся в живых офицеры и старшины сообщили о начавшемся восстании в Азов губернатору И. А. Толстому и в Черкасск войсковому атаману Л. Максиму. Из верных властям казаков они собрали отряд в 200 чел., во главе которого встал старшина Ефрем Петров и Н. А. Саламата. Верстах в 15 от Староайдарского городка они столкнулись с войском Булавина, вдвое большим по численности. Булавицы шли к Старому Айдару с намерением схватить офицеров Долгорукого, Е. Петрова и других ненавистных им старшин. Последние в панике бежали к Черкаску, около которого встретили выступившее против Булавина походное войско Л. Максимова.

Между тем события в Шульгине городке не были изолированным эпизодом. И в других местах поднимаются восстания против карателей Долгорукого — его отряды, действовавшие по Дону и Хопру, Медведице и Бузулуку, тоже были почти поголовно перебиты. Отряд Хворова закончил перепись по Бузулуку и Медведице, но 6 октября по распоряжению Долгорукого начал повторный сыск — до полковника дошли известия, что многие приплье сумели скрыться. 30 октября в Акишевской станице казаки убили капитана Хворова, войскового старшину Василия Иванова, а поручика Беднякова «посадили в воду» в Алексеевской станице. Вскоре в хоперском Федосеевском городке казаки убили командира другой партии капитана Н. С. Тенебекова и его двух подчиненных, а также федосеевского станичного атамана Ф. Дмитриева с сыном. Та же участь постигла представителей казацкой верхушки и в других городках и станицах.

С самого начала восстания в нем приняла некоторое участие и часть представителей войсковой верхушки (те, которые, примкнув к нему в качестве временных попутчиков и пытаясь его возглавить, стремились сохранить и увеличить свои старые привилегии, вернуть былую «независимость Дона»). Основная же масса повстанцев, выходцев из социальных низов, выступала не только против правительственных сил, но и против своих притеснителей, эксплуататоров из числа домовитых.

Булавин рассылает по всем городкам Дона и его притоков свои прокламации — «прелестные грамоты». В них предводитель народного восстания призывает казаков, всякий бедный люд, пришлых собираться под свои знамена, расправляться с карателями. «Много казаков и всяких людей» откликаются на его призывы и вливаются в войско повстанцев. На помощь Булавину собрались 500 жителей Закотенского городка, но скоро среди них начались разногласия. Ряд других городков присоединяется к восстанию. В Староборовском городке, куда Булавин пришел 12 октября, у него уже насчитывалось до 2 тыс. повстанцев. Жители городка встретили Булавина с хлебом-солью. В станичной избе состоялась беседа. Местный атаман предостерегал его и трех повстанческих полковников (в числе которых находился старик-разинец И. Лоскут): «Заполыхали всем государством, что вам делать, естли придут войска из Руси, тогда и сами пропадете и им (остальным повстанцам.— В. Б.) пропасть же будет». Но это не испугало Булавина, он предложил план развертывания борьбы на Дону, похода на Азов и Таганрог, где «освободят ссылочных и каторжных, которые им будут верные товарищи. И на весну, собрався, пойдут на Воронеж и до Москвы»<sup>15</sup>.

Между тем против восставших двигалось войско Л. Максимова, «чтоб их... до пущего злого намерения не допустить и злой их совет нечестивый разорить». Толстой по просьбе атамана посылает из Азова в верховые городки войско из конных казаков и калмыков.

18 октября около Закотенского (Закотного) городка на реке Айдар происходит бой между булавинцами и войском Максимова. Восставшие потерпели поражение. Булавин и его сподвижники бежали сначала на Хопер, потом в За-

<sup>15</sup> Булавинское восстание, стр. 130.



порожскую Сечь. Старшины, одержавшие верх, теперь жестоко мстили повстанцам — 8 человек, «пущих заводчиков», повесили за ноги по деревьям, по десятку послали в Черкасск («для казни») и в Москву («для розыску»); у 130 повстанцев «носы резали», многих били плетью, ссылали «в русские городы». Затем покарали жителей городков, поддержавших Булавина. Шульгин городок, в котором погиб Долгорукий и его отряд, каратели сравнивали с землей.

Правительство принимает меры к недопущению дальнейшего расширения восстания. Киевский губернатор Д. М. Голицын получил указание мобилизовать казаков Харьковского и других полков для его подавления. Петр I распорядился, чтобы Меншиков на фронте строго следил за донскими казаками, находившимися в составе русской армии: «...Не худо, чтоб у них у всех, которые у вас, лошадей обобрать до времени для того, чтобы не ушли туда же», т. е. на Дон, чтобы присоединиться к булавицам.

Максимов рассылал по городкам письма — за поимку Булавина он обещал ни много ни мало 200 тыс. руб.! В Москву же атаман и старшина сообщили, что «воровство Кондрата Булавина они искоренили, и почело быть во всех казачьих городках смирно».

Однако классовая борьба продолжалась. Атаманы повстанцев рассылали «письма», звали казаков в Алексеевский городок. В конце 1707 г. отряд восставших К. Акимова (К. А. Табунщикова) осадил Провоторовский городок на Хопре. Но домовитые разбили их, затем казнили (утопили в воде) 26 человек; 4 человека привезли в Черкасск, а оттуда послали «к розыску» в московский Преображенский приказ. Отряд Драного осаждал Новоайдарский городок.

Правительство и местные власти, войсковая старшина испытывали сильное беспокойство. Сам Петр I 16 декабря 1707 г. распорядился выделить 300 дворян-карателей, конный и пехотный полки. Войско по его указанию возглавил стольник С. П. Бахметев. Но до апреля 1708 г. оно находилось в Острогожске. Донские старшины присылали в Москву пленных повстанцев, приводили ко кресту жителей верховых городков. Все как будто наладилось, и центральные и местные власти успокоились, но ненадолго.

Царское правительство высказывало недовольство тем, что атаман Максимов упустил Булавина: «Где он, проклятый, укрываясь, живет, о том... неведома и нигде не явился». Между тем мятежный атаман после поражения под Шулгиным городком скрывался в лесах на Хопре и Бузулуке, Медведице и Терсе. В ноябре он появился в Запорожской Сечи, затем в Кодаке. Снова приезжая в Сечь, он на раде, трижды созываемой по этому случаю, подал письмо с предложением о совместном восстании запорожских и донских казаков против царского самодержавия. На обсуждениях разгорелась борьба между зажиточной запорожской верхушкой и рядовыми казаками. Гетман Левобережной Украины И. Мазепа, будущий предатель, потребовал выдачи Булавина, но запорожцы отказались это сделать, «бросили и изодрали» гетманскую грамоту, ругали его самого и говорили: «В Войску Запорожском пизовом никогда того не бывало», чтобы выдавать «бунтовщиков»<sup>16</sup>. Участники очередной рады «скинули» с атаманства Т. Финенко и провозгласили кошевым атаманом К. Гордеенко, который разрешил набирать «охотников» для присоединения к Булавину.

Запорожцы, собравшись в отряд, в начале 1708 г. переправляются через Днепр и начинают продвижение в сторону Дона. С верховьев Дона к Булавину в Кодак прибыли 40 представителей казаков. Они призывают его снова в родные места, чтобы возглавить восстание. Булавин рассылает во все стороны «прелестные грамоты», созывает сторонников для предстоящей борьбы. Его письма-призывы появляются не только на Дону, но и на Украине, Волге и Яике. В письмах предводитель в агитационных целях преувеличивает свои силы. Воеводы и губернаторы на Украине и в Поволжье сообщают правительству о нарастающей активности казаков, беспокоятся по поводу обороноспособности подчиненных им городов.

Запорожцы во главе с атаманом Щукой и Булавин некоторое время стоят на реке Вороной у Новобогородицка. Здесь они устраивают лагерь — «крепостцу». Повстанческое войско все время увеличивается.

Между тем на Дону и в Придонуе ширится восстание. Его центром становится Пристанский городок в среднем

<sup>16</sup> Булавинское восстание, стр. 364.

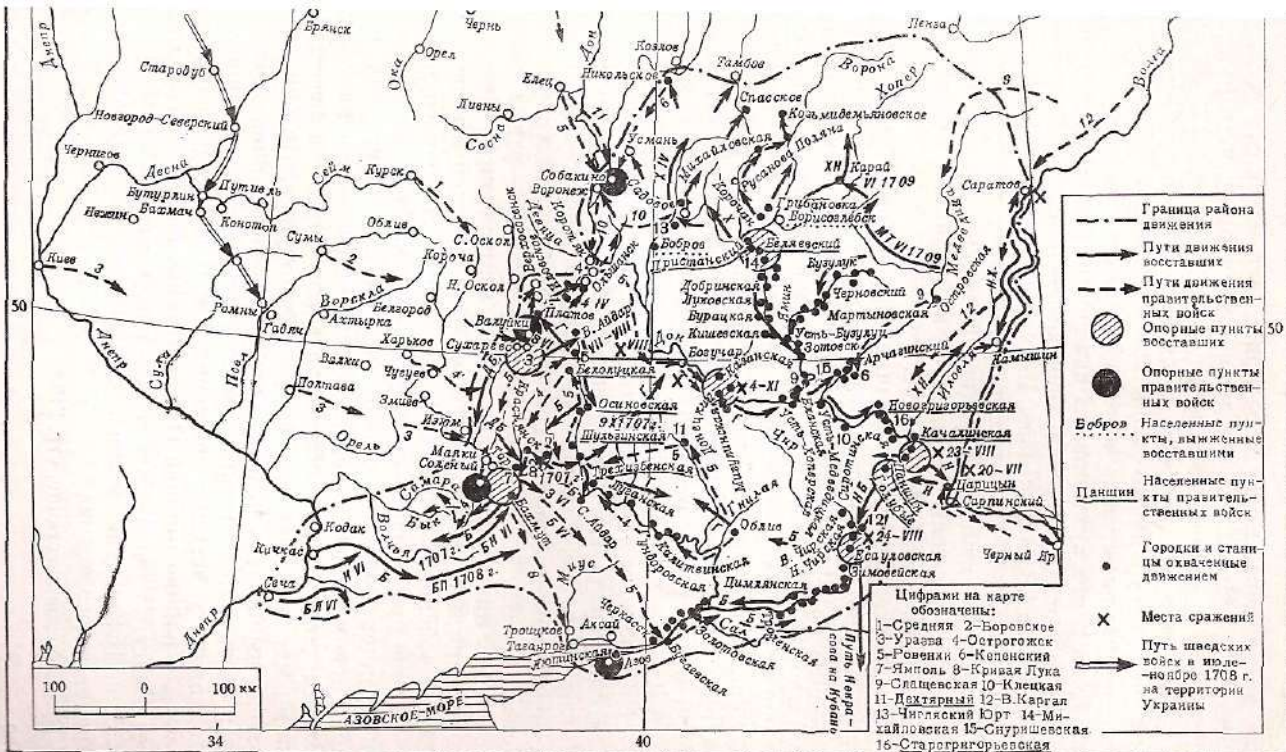


течении Хопра. Здесь к началу марта собралось до 1000 повстанцев—казаки во главе с Л. М. Хохлачом, большое количество «великорусских» беглецов. Крестьянские волнения охватывают русские уезды, расположенные к северу и северо-западу: Козловский, Воронежский, Тамбовский, а также Слободскую Украину и Поволжье. Продолжалось восстание в Башкирии.

Повстанцы из Пристанского городка давали присягу быть верными своему делу, вступили в переписку с саратовцами. Их агитаторы действовали в русских и украинских уездах и Поволжье. Хохлач переписывался с Булавиным, который направился на соединение с повстанцами. Попытка атамана И. Зерщикова помешать этому соединению успеха не имела, и в конце марта Булавин с товарищами прибыли в Пристанский городок, где их с воодушевлением встретили восставшие.

Еще до прибытия Булавина пристанские повстанцы намеревались идти в Черкасск, «чтоб атамана убить за то, что он с азовскими боярами знает. И идти им под Азов, нужны им бояре». Булавин по прибытии сюда заявил на круге, что он хочет «идти в Черкасск и побить старшин, из Черкасска до Азова в Троицкий, а от тех городков и в иные города побить же бояр, прибыльщиков и немцев». Вынув саблю, он говорил, что если не исполнит свое обещание, то пусть ему отсекут ею голову. В прелестных письмах Булавин и его сподвижники призывали «черных людей», посадских, торговцев к совместной борьбе против князей и бояр, прибыльщиков и немцев, истреблять их «за злое дело».

Предводители восстания звали в свое войско добровольцев («а неволею никого не брали»), обещая выдать каждому по 10 руб. Закупались и конфисковывались продовольствие, кони, оружие. Снова и снова горячо спорили о главном: куда идти? Одни предлагали на Черкасск и Азов, другие — на север, к русским городам, чтобы выйти в конце концов к Москве. Победило большинство, настаивавшее на походе в Черкасск. Еще в 1707 г. ряд повстанцев, и в их числе старый разинец Лоскут, говорили, что нужно учесть печальный опыт Степана Тимофеевича и не повторять его ошибки, не оставлять в своем тылу старшину. Повстанцы решили: «А взять де Черкасский, идти им... разорять в Озов, а потом до Москвы, а в Озове и на Москве во всех городах вывести им бояр да прибыльщи-



Восстание на Дону в 1707 — 1708 гг.



ков, да немцев». Булавинцы призывали казаков, русских крестьян расправляться с дворянами и приказными или присылать их в повстанческий центр.

Восстание расширяется и охватывает донские степи, южные и центральные уезды России. Весной 1708 г. повстанцы-казаки прежде всего действуют в северных городках Дона и его притоков. В движение включаются крестьяне и посадские люди Борисоглебского, Тамбовского, Козловского, Воронежского, Верхнеломовского, Нижнеломовского уездов. Они громят помещичьи имения, бегут в восставшие донские городки. В русские уезды приезжают представители Булавина. Так, посланный им атаман Скрылев действовал в Козлове.

В Пристанский городок шли крестьяне Козловского уезда и работные люди с Хопра. Так, к повстанцам присоединилось 10 тыс. работных людей, занимавшихся сгонкой плотов. Козловский воевода, характеризуя состав восставших, писал о них, что это были «наброд беглых, служилых из городов всяких чинов люди, укрываясь от службы и податей, волостные монастырские и помещичьи люди и крестьяне, отбывая тягла и платежей у помещиков»<sup>17</sup>.

Крестьяне и городские низы Воронежского уезда захватили города Борисоглебск и Бобров, села Боровское, Чиглы и другие. Восставшие расправлялись с воеводами и подьячими, избирали из местных людей представителей новой власти, казачьего самоуправления — атаманов и есаулов. Уничтожались документы, выпускались из тюрем колодники, объявлялась мобилизация жителей в повстанческое войско. Высшим органом власти становился круг.

То же происходило и в других уездах. Отряд из тысячи повстанцев появился около Тамбова и конфисковал на драгунском дворе лошадей, у повстанцев их не хватало. Власти попытались мобилизовать для борьбы с восставшими местных жителей, им раздали оружие. Но они «из города вышли», т. е. отказались исполнить приказ воеводы; часть их, возможно, присоединилась к восставшим. Подходили участники движения и к Козлову, появлялись также в районе нижней Оки, пытались переправиться через Волгу. В июле 1708 г. они разорили Чембар и Мокшанск. Везде, где можно, конфисковали лошадей для предстоящего похода.

<sup>17</sup> Булавинское восстание, стр. 213.

Помимо русских, предполагалось привлечь к движению татар, мордву, башкир. Отряд в 1700 чел. был отправлен в Саратов по просьбе его жителей. В Слободской Украине отряд С. Беспалого (1000 чел.) вошел в Бахмут. Здесь он соединился с прибывшими сюда запорожскими казаками и направился в Ямполь; с Беспалым ушли 500 бахмутских бурлаков. Восставшие боролись в Валуйском, Полтавском, Усердском уездах, в районе Харькова.

Действовавшие в разных местах атаманы собирают в свои отряды новых охотников. Если до восстания с беглецов, появлявшихся на Дону, брали по обычаю взносы деньгами, вином и имуществом, то теперь от этого отказываются, чтобы привлечь как можно больше желающих в повстанческую армию Булавина.

В конце марта на большом съезде в Пристанском городке повстанцы принимают решение о походе на Черкасский городок по Дону через Паншин «сухим и водным путем». Избрали старшину, полковников, есаулов, знаменщиков.

Правительство Петра I активизирует свои усилия. С. П. Бахметев получил указ от 27 марта идти в Тамбов из Острогояска, где «для сторожки» стоял И. И. Тевяшов со своим полком. А уже 12 апреля Петр I вызвал из действующей армии гвардии майора князя В. В. Долгорукого, родного брата убитого Ю. В. Долгорукого, и назначил его командующим карательными войсками. Ему выделили крупные военные силы — 2 полка из Москвы, 400 драгун из Воронежа; бригаду прислал А. М. Меньшиков, два полка — гетман Мазепа, по половине Ахтырского и Сумского полков — киевский воевода Д. М. Голицын и т. д. Было создано ополчение из дворян-царедворцев, о которых новый командующий говорил, что на них «можно надеется». На шведов они плохи, а на этот народ (против казаков-повстанцев. — В. Б.) zelo способны». В целом В. В. Долгорукий в ходе подавления восстания имел в своем распоряжении 32 тыс. чел. (русская армия под Нарвой в начале Северной войны насчитывала 40 тыс. чел.)<sup>18</sup>. Правда, их сбор происходил не сразу.

Воеводы украинских и южнорусских городов сообщали о ненадежности местных жителей и гарнизонов, о бегстве простолюдинов, стрельцов, солдат и драгун к донским и

<sup>18</sup> Е. П. Подъяпольская. Восстание Булавина. 1707—1709, стр. 141.



запорожским казакам. Они просят помощи для защиты от восставших, сила которых, по верному замечанию киевского воеводы, состояла в том, что они «свое дело починают для льготы маломощных людей».

Правительство и черкасская старшина спешат. Царь Петр I, несмотря на лихорадку, уложившую его в постель, пристально следил за приготовлениями В. В. Долгорукого, писал ему, торопил: пусть его полки, хотя бы в половинном или даже меньшем составе, идут «быстрым маршем»! Петр опасается, что булавишцы захватят Азов и Таганрог, а в этих городах и в их окрестностях к восстанию могут примкнуть местные жители и многочисленные стрельцы, матросы и крестьяне, которых собрали из разных мест для строительных работ. Долгорукий получает подробные инструкции о методах борьбы с восстанием: тех, кто в нем не участвует или принесет повинную, не трогать и поступать с ними «зело ласково»; с повстанцами же, «чтобы сей огонь потушить», необходимо поступать иначе: «Ходить по... городкам и деревням..., которые пристают к воровству, и оные жечь без остатку, а людей рубить...».

В. В. Долгорукий, 28 апреля приехавший в Москву из армии, спешно собирает полки, быстро идет к Воронежу. Исполняя приказ Петра «пустить эхо», он 13 мая пишет в Черкасск войсковому атаману Л. Максимову о продвижении царского войска на Дон, просит сообщить об этом во все городки.

Однако каратели не успевают оказать помощь Максимову, который еще до этого мобилизовал домовитых казаков в походное войско. Вместе с конным отрядом из Азова и калмыцкой конницей он 28 марта выступил навстречу Булавишину. Лукьянов имел 8 тыс. чел. В Черкасске осталось 4 тыс. казаков и ратных людей из Азова.

Булавин выступил из Пристанского городка с 5-тысячным войском; часть его сил осталась в Северном Придонуе и Поволжье.

8 апреля оба войска встретились выше Панина городка на речке Лисковатке у Красной Дубравы. Во время сражения на сторону восставших перешли верховые казаки и часть пизовых из черкасского войска. Многие представители войсковой старшины, зажиточного казачества были убиты. Повстанцы одержали блестящую победу, а Максимов и Васильев (командир азовского отряда) после поражения отступили соответственно в Черкасск и Азов.

После этой победы к восстанию присоединяются десятки донских городков. Для повстанческого войска был открыт путь на Черкасск. Оно быстро увеличивало свои ряды. Получив известия об этих событиях, явное беспокойство испытывают местные воеводы и сам Петр I. Царь, чтобы поддержать их, приказывает Долгорукому распустить слух о своем личном прибытии в Азов. Эта мера, как и рассылка правительственных призывов против «воров», хорошо характеризует методы идеологического воздействия правящих кругов на население страны, прежде всего в районе Крестьянской войны, идеологической борьбы с ее участниками, которые противопоставили им свои «преlestные грамоты», «листы».

26 апреля к Черкасску, в котором сели в осаду домовитые, подошли передовые части Булавина. Через два дня появились его основные силы. Осада города и шести станиц, располагавшихся на острове посредине Дона, могла бы затянуться — Черкасск был хорошо укреплен, имел более четырех десятков пушек. Однако судьбу столицы Войска Донского решили ее жители — казаки. На сторону восстания перешли пять из шести станиц; их атаманы писали Булавину: «Милости просим. Когда ты изволишь к Черкасскому приступать, и ты пожалуй, на наши станицы не наступай. А хотя пойдешь мимо нашей станицы, и мы по тебе будем бить пыжами из мелкова ружья. А ты также вели своему войску на нас бить пыжами. И буде ты скоро управишься, и ты скоро приступай к Черкасскому, потому что на наши станицы будут ис Черкасского мозжерами (мортирами.— В. Б.) палить»<sup>19</sup>.

В Черкасске началось восстание. Правда, часть казаков пыталась оказать сопротивление булавицам. Однако другие не захотели это сделать и пустили Булавина в город. Они выдали ему войскового атамана Л. Максимова и пятых старшин-участников карательной экспедиции Ю. В. Долгорукого в 1707 г. (Е. Петрова, А. Савельева, И. И. Мышлаченка, Н. А. Саламату, Н. Иванова). Всех 6 мая по решению круга казнили. Многих старшин арестовали и сослали. Имущество казненных было конфисковано. Затем повстанцы поделили между собой 200 тыс. рублей из церковной казны. Понизили цену на хлеб.

9 мая круг избрал войсковым атаманом предводителя восставших К. А. Булавина. Большую роль в его избрании

<sup>19</sup> Булавинское восстание, стр. 227.



сыграли И. Некрасов и С. Драный, агитировавшие в пользу отважного руководителя. Но тут же помощники Булавина избрали представителей старшины, в том числе И. Зерщикова и Т. Соколова, сразу же вступивших на путь предательства. Обо всем, что делалось в Черкасске, они сообщали азовскому губернатору Толстому, командующему карательными войсками В. В. Долгорукому. Зажиточное казачество, принимая сторону восставших, делало это вынужденно, не по своей воле; тайне часть его надеялась, опираясь на движение гольтыбы, вернуть старые права и привилегии Войска Донского, утерянные или сильно стесненные к началу XVIII в. Инстинкт самосохранения подсказывал этим временным попутчикам их поведение — видимость поддержки Булавина и его дела и тайные или явные козни против него. Около середины мая враждебная старшина подбила против Булавина около 500 казаков, но их организация недели через две распалась. Одновременно казачья гольтыба выступала на кругах за то, чтобы «черкасских природных казаков всех побить и пожитки их разграбить»<sup>20</sup>.

Между тем весть о победах Булавина, захвате им Черкаска быстро распространилась во все стороны. К нему и его атаманам усиливается приток желающих принять участие в борьбе. Так, отряд Л. Хоклача со времени сражения на р. Битюг 16 апреля до боя на р. Курлаке 27 апреля вырос втрое — с 500 до 1500 чел.! По словам козловского воеводы, «здесьшний народ по нынешним известиям zelo стал быть под сомнением». А английский посол Ч. Витворт писал на свою родину в начале мая, что «мятежные казаки и беглые люди на украине крепнут»<sup>21</sup>.

Усиливалось восстание в Слободской Украине. Отряд Семена Драного, атамана из Старо-Айдарского городка, храбро воевал в Валуйском, Палатовском, Усердском уездах. 8 апреля он без боя вступил в Луганский городок. Месяц спустя Драный действует в окрестностях Ямполя.

Борьба повстанцев в этом районе создала благоприятные условия для присоединения к Булавину новых отрядов запорожцев, казаков Левобережной Украины. Крестьянская война усиливалась, и это вызывало страх у дворян, властей. Воеводы опасаются за судьбы вверенных им городов, расположенных поблизости от района восстания.

<sup>20</sup> Булавинское восстание, стр. 239.

<sup>21</sup> В. И. Лебедев. Булавинское восстание (1707—1708), стр. 68.

А казанский воевода, занятый борьбой с восставшими башкирами, тем не менее счел возможным послать к Пензе отряд почти из 1000 чел., чтобы воспрепятствовать возможным попыткам их соединения с булавинцами.

Новый войсковой атаман рассылает по всему Дону грамоты, объявляет причины казни старшин. О том же пишет Петру I и его «полководцам», идущим с карательными полками на Дон. В том случае, если царские войска будут разорять донские городки, казаки будут им «противитца всеми реками» или уйдут с Дона «на иную реку», т. е. примут другое подданство (так вскоре поступят повстанцы И. Некрасова). Булавин стремится выиграть время, ищет помощи у запорожских и кубанских казаков, у турецкого султана. Истинное же и главное его намерение состоит в том, чтобы поднять новые массы людей на «возмущение» против «старшин, которые... всякие налоги чинят», против начальных людей, всех богатых и знатных.

Булавин пишет письма к азовскому и киевскому губернаторам, белгородскому воеводе. Он требует имущества казенных черкасских старшин (хранившееся в Азове), освобождения его жены и сына, арестованных в Белгороде. Однако все его обращения и к ним, и к Петру, его «полководцам» остаются, естественно, без ответа — на него смотрят, как на «бунтовщика» и «вора». Приближались войска карателей. Известия о разорении ими городков по Хонру и Донцу пришли в Черкасск накануне избрания Булавина атаманом Войска Донского. Обстановка осложнилась. К тому же в самом Черкасске враги Булавина, тайные и явные, готовились к тому, чтобы нанести ему удар в спину. Домовитые, недовольные распоряжением Булавина снизить цены на хлеб в интересах голытьбы, припрятавали его, чтобы вызвать голод и недовольство новой властью. Но атаман приказал конфисковать «государев хлебный запас» в Паншине, а также переправить в Черкасск будары с хлебом из Донского городка. Однажды заговорщики попытались схватить Булавина, но охрана вовремя их заметила и схватила. Наконец, домовитые организовали отгон конских табунов из-под Черкаска в Азов; это поставило повстанцев в очень трудное положение.

12 или 13 мая во все городки и станицы Булавин рассылает «указ великого Войска Донского» — новая власть распоряжается «выступить против идущих на нас для ра-



зорения наших казачьих городков московских полков»<sup>22</sup>. Из Черкаска 13 мая выступило три походных войска. Одно из них во главе с С. Драным пошло на Изюм по Северскому Донцу, два других во главе с И. Некрасовым и Н. Голым — на Хопер и Волгу. План действий, разработанный Булавиным и его помощниками, состоял в том, чтобы разгромить в этих районах царских карателей, а затем идти на Азов и Троицкое. Обеспечив таким образом свой тыл, повстанцы могли бы после этого направиться «в Русь по городам до Москвы». В том случае, если повстанцы потерпят поражение, руководители планировали сбор сил на Дону в Цимле (станция Цимлянская), с тем, чтобы уйти на Кубань. Переход от посылки «примирительных» писем Петру I и властям к решительной борьбе с ними вызван серьезными причинами. Повстанцы и Булавин, пытаясь наладить переговоры с ними (не без натиска со стороны домовитых в Черкасске и с намерением выиграть время для организации сил восставших), быстро убедились сами и, как они надеялись, убедили других в том, что царю верить нельзя, поскольку на Дон выступило карательное войско Долгорукого. На одном из кругов Булавин предупредил о том, чтобы «никто про именованье великого государя не воспоминал», не думал о том, «чтоб принесть... повинную» Петру I.

Конечно, то, что повстанческая армия разделилась на несколько войск, ослабляло силы Булавина, с которым в Черкасске осталось (вместе с жителями) около 2 тыс. чел. Но это диктовалось необходимостью — со всех сторон на повстанцев наступали карательные отряды, и с ними нужно было бороться. Скоро начались сражения.

Походное войско Драного состояло примерно из 11 тыс. чел. — донских и запорожских казаков, русских крестьян и рабочих людей, бурлаков из России и Слободской Украины. У Голого, по его словам, имелось 8 тыс. повстанцев. Войска делились на полки, конные и пешие, имели пушки и немало огнестрельного оружия.

Рано утром 8 июня 1708 г. повстанцы Драного, Голого и других атаманов напали под Валуйками у р. Уразовой на Сумской полк (до 1200 чел.). Сломив сопротивление охраны, они ворвались в лагерь, убили полковника А. Г. Кондратьева, многих других начальников, захватили весь обоз, 4 пушки, много ружей и коней. Сведения о<sup>22</sup> Булавиинское восстание, стр. 459.

поражении части его сил испугали В. В. Долгорукого, находившегося в Валуйках. Он не торопился с походом на Черкасск.

Между тем повстанцы передвинулись в район городов Изюм, Бахмут и др. Они рассылали «прелестные грамоты», агитировали население, сообщая, что «стали они за правду и идут в Москву... для ускорения боя». Их действия в этом районе продолжались весь июнь. Они осаждали Тор, но взять его им не удалось. Подошли царские полки, и Драный отвел свое войско к Донцу. Здесь, у урочища Красная Лука, 1 июля состоялся ожесточенный бой. Из имевшихся у Драного в тот момент 6,5 тыс. повстанцев погибло до 1,5 тыс. чел., в том числе и сам предводитель. Восставшие потерпели полное поражение, остатки их войска рассеялись по окрестным лесам, бежали за Донец.

2-тысячное войско И. Некрасова, посланное на Хопер, туда не дошло. Дело в том, что в связи с раскрытием заговора домовитых Булавин отозвал своего помощника. А потом он посылает И. Некрасова с 5-тысячным войском на Волгу против калмыков хана Аюки. Еще до этого там разворачиваются важные события: 13 мая войско Л. М. Хохлача взяло г. Дмитриевск на Волге. Булавин послал другое войско (3 тыс. чел.) на Хвалынское (Каспийское) море; оно захватило старый город в Царицыне, воевода которого отсиживался в «малой крепости». Осада длилась до 17 июля.

Соединившиеся силы Некрасова и Хохлача (у него было 4 тыс. чел.) 26 мая подошли к Саратову и осадили его. В ночь на 27 мая они пошли на приступ, который саратовский воевода Н. П. Беклемишев назвал «жестоким». Во время второго штурма, 29 мая, на повстанцев неожиданно налетел калмыцкий отряд из тысячи человек. Восставшие отступили вниз по Волге.

Сам Булавин решил идти на Азов, где располагался сильный гарнизон из 5 тыс. чел., а сам город имел укрепления и более 180 пушек и дробовиков. Но поход организовать не удалось — в Черкасске было мало сил, старшины и их прихвостни перебежали в Азов; к тому же они и азовцы отогнали конские табуны и лишили повстанцев средств передвижения. В начале июня Булавин послал своих представителей на Кубань с просьбой о помощи. Атаман пишет в верховые донские городки, требует присылки казаков, чтобы «итить к Азову войною».



5 июля начали переправляться через один из притоков Дона речку Каланчу передовые части повстанцев во главе с Л. М. Хохлачом и И. Гайкиным. Попытка полковника Н. В. Васильева с отрядом воспрепятствовать им успеха не имела. Потом подошли основные силы восставших, и 6 мая началось сражение у степ Азова. Сильный бой разгорелся у Делового двора, где засели повстанцы, укрывавшиеся за бревнами и брусьями, которые здесь хранились. Он длился несколько часов и сопровождался пущечной и ружейной стрельбой. В конце концов сражение закончилось. Восставшие потерпели поражение. Во время ожесточенной артиллерийской бомбардировки с крепостных укреплений Азова и морских кораблей, бегства повстанцев и их переправы через реку немалое их число погибло.

Поражения под Тором и Азовом сильно ухудшили положение булавинцев. Воспрянули духом домовитые, многие из которых боролись против восставших во время азовского сражения 6 июля. А черкасские старшины, воспользовавшись благоприятной для себя обстановкой, открыто выступили против Булавина. 7 июля они с оружием в руках осадили его дом. Атаман долго отстреливался, убил двух или трех домовитых. Курень начали обстреливать из пушек. В конце концов старшины ворвались в избу, и предводитель восстания был убит. Убил Булавина его бывший есаул С. Ананьин. Труп Булавина заговорщики отослали в Азов, а его губернатору один из организаторов заговора И. Зерщиков (которого тут же избрали войсковым атаманом) сообщил, что Булавин якобы покончил самоубийством. Эту версию подхватили современники и очевидцы событий: властям было выгодно изображать отважного предводителя восстания трусом и самоубийцей; к тому же самоубийц по обычаю не хоронили по православному обряду, а бросали в ямы на свалках и отхожих местах. Все это нужно было для дискредитации народного движения и оправдания предателей-старшин<sup>23</sup>.

[События 1707—1708 гг., неразрывно связанные с именем Булавина, своим размахом показали, на что способен восставший народ, поднявшийся против угнетения и насилий феодалов. Под знаменем Булавина боролась массы подневольного и бедного люда. Сами каратели не раз при-

<sup>23</sup> Е. П. Подъяпольская. Восстание Булавина. 1707—1709, стр. 157—178.

знавали, что участниками борьбы были прежде всего бедные, «гулящие» люди, беглые, во множестве собравшиеся на окраинах России. Отправляя своих представителей на Дон сыскивать и возвращать беглых, Петр I писал: «Известно нам учинилось, что из русских порубежных и из иных розных наших городов, как с посадов, так и из уездов, посадские люди и мужики розных помещиков и вотчинников, не хотя платить обыкновенных денежных податей и оставя прежние свои промыслы, бегут в розные донские городки, а паче ис тех городков, ис которых работные люди бывают на очереди на Воронеже и в иных местах, ...и укрываютца на Дону з женами и з детьми в розных городках, ...тех беглецов донские казаки из городков не высылают и держат в домах своих»<sup>24</sup>.

[Основными движущими силами Крестьянской войны, развернувшейся на Дону и в прилегающих к нему русских уездах, в Нижнем Поволжье и Слободской Украине, являлись различные категории крепостных крестьян, казаки, посадские и работные люди, русские и перусские (украинцы, отчасти калмыки и др.). Ведущее место занимало среди них крепостное крестьянство; к тому же известно, что подавляющая часть донских казаков, этих застрельщиков и организаторов движения, игравших очень большую роль на всем его протяжении, являлась выходцами из крепостных крестьян русских уездов.

Все эти люди выступали против гнета феодалов, владельческих работ и повинностей, против налогов и принудительных работ, рекрутских наборов и притеснений всякого начальства.

Особенно активную роль играли в восстании беглые крестьяне, «новопришлые» казаки (из беглых, не проживших на Дону положенных лет). Московское правительство распорядилось считать новопришлыми всех, кто появился на Дону после 1695 г. Естественно, что это вызвало ненависть большой массы пришельцев на Дон — крестьян (помещичьих, дворцовых, монастырских и др.), работных людей (бурлаки и т. д.), посадских и служилых людей по прибору (стрельцы, городовые казаки и др.), солдат.

В восстании активное участие приняли социальные низы Войска Донского. Старшина, отдельные представители

<sup>24</sup> Письма и бумаги Петра Великого, т. VI, стр. 9—10.



которой по тем или иным причинам примыкают к ним в качестве временных попутчиков, в целом выступает на стороне правительственного лагеря. Они помогали Ю. В. Долгорукому переписывать беглых на Дону (недаром в ходе расправы с ним повстанцы кричали: «Черкасских старшин бить до смерти!»). Такое же классовое деление по отношению к восстанию характерно для украинского, запорожского казачества, прижавшего активное участие в третьей Крестьянской войне.

Весьма решительно вели себя во время Крестьянской войны работные люди с лесных пристаней и торговых судов (бурлаки), рыбных и соляных промыслов, корабельных верфей и железодельных заводов.

Немалую роль играли в движении и раскольники, проживавшие по Хопру, Медведице и другим рекам; из их числа вышли выдающиеся предводители восставших — И. Некрасов, Н. Гольый, возможно, Л. М. Хохлач и, наконец, сам К. А. Булавин. Этот немаловажный факт нашел отражение в содержании прелестных писем повстанцев, в их идеологии. Нередко булавинские прокламации говорят о борьбе восставших «за истинную веру христианскую» и т. д. А в одном из воззваний Никиты Голого говорится: «А мы стали за старую веру и за дом пресвятыя богородицы и за вас, за всю чернь...»; «...за бога и за великого государя и за дом пресвятыя богородицы, и за крест животворящий, и за истинную веру»<sup>25</sup>.

Идеология участников третьей Крестьянской войны сходна с идеологией их предшественников.

Главный лозунг повстанцев — бить, уничтожать, «сажать в воду» князей, бояр и дворян, помещиков и вотчинников, панов и арендаторов («рацдарей»), богатеев и начальников, казацких старшин и подьячих, прибыльщиков и судей неправедных — всех эксплуататоров, «обидчиков», «злых людей», кто причиняет обиды и разорение бедным, «худым людям». К «злым» причисляются и «немцы», т. е. иностранцы, находившиеся в это время в России и верой и правдой служившие царю, русским феодалам.

Повстанцы начала XVIII в., как и в XVII в., делили своих классовых врагов на «добрых» и «злых», «худых», «супостатов». Отсюда их вера в «доброе царя», обращения с «примирительными» письмами к Петру I и его «пол-

<sup>25</sup> Булавинское восстание, стр. 230, 457, 466.

ководцам». Они соглашались служить ему по-прежнему и готовы просить о «милосердом» прощении, если царь позволит жить им «по казачьей обыклости», т. е. с учетом их старых прав и обычаев, в том числе права принимать на Дону беглых людей. Исключительно важно, что Булавицы и его повстанцы, вначале рассчитывавшие на милость Петра I, быстро отказались от своих надежд. В конце мая Булавицы под угрозой смертной казни запретил говорить о царе, о принесении ему повинной. Один из черкасских старшин-предателей В. Фролов так сообщил об этом в Азов: «Да он же, Булавицы, учинил в Черкасском заповедь под смертной казнию, чтоб никто про именованье великого государя не вспоминал; а буде кто станет говорить, чтоб принесть великому государю повинную, и тех людей похваляетца казнить смертию»<sup>26</sup>.

Повстанцы выступали с антифеодальных, антикрепостнических позиций. Их воззвания обращены к населению Войска Донского и Запорожья, южных и центральных уездов Европейской России — к крестьянам и казакам, работным людям и посадским, к торговцам и «начальным добрым людям». Они призывают «не молчать и не спущать» всем народным притеснителям, которые «неправду делают». Восставшие, по словам прокламации Н. Голого, «стали... за всю чернь».

В идеологии восставших, их планах и намерениях было много неясного, незрелого. Их лозунги, как можно было убедиться выше, страдают расплывчатостью и ограниченностью. Выступая против феодально-крепостнических порядков и уничтожая его посителей, восставшие не представляли себе тот политический строй, который мог бы прийти на смену существующему. Среди них не было единства. Одни из них, выступая за казачьи вольности, не хотели появления помещиков и, стало быть, крепостничества на Дону. Другие резонно считали, что нужно уничтожить крепостнические отношения по всей стране, для этого они и замыслили поход на Москву. На сторону своего правого дела повстанцы и их предводители не прочь были, особенно в начале движения, привлечь «добрых» начальных людей, бояр и немцев.

Но репрессии карателей, предательство «домовитых» обусловили радикализацию лозунгов повстанцев. Это от-

<sup>26</sup> Е. П. Подъяпольская. Восстание Булавицы, 1707—1709, стр. 109—110.



разилось на содержании прелестных писем Некрасова и Голого с их более четким и ясным противопоставлением «черни» и «бояр» и «немцев», которые «неправду делают», с их обвинениями в адрес черкасской старшины в убийстве Булавина.

## ПОСЛЕ ГИБЕЛИ БУЛАВИНА

Петр I испытывал чувство неподдельной радости, получив известие о гибели Булавина. 23 июля в Горках Могилевской губернии, где он находился, по этому случаю устроили молебен и салют. Правительство попыталось изобразить это событие как конец восстания. Так сообщали сам Петр и его Ближняя канцелярия в письмах губернаторам и воеводам. Об этом же писали своим правительствам иностранные послы, находившиеся в Москве.

Подобное письмо от царя получил и В. В. Долгорукий, которому царь велел даже идти «назад», так как «сие дело, слава богу, счастливо окончилось». Однако командующий карательными войсками отнюдь не считал, что с восстанием уже покончено. Не говоря уже о том, что оно продолжалось по Дону и Поволжью, на Украине и в центре России, даже в самом Черкасске не все было спокойно. Долгорукому стало известно, что во время обсуждения на круге вопроса о выдаче булавишцев казаки разделились: одни высказывались за выдачу, другие возражали.

Домовитые не без оснований полагали, что полностью свою власть на Дону они могут восстановить только с помощью полков Долгорукого. Так и заявил майору представитель черкасской старшины В. Поздеев, когда приехал к нему с повинной от Войска Донского.

26 июля Долгорукий с войском подошел к Аксаю под Черкасском «и полки поставил все во фронт». Сюда же прибыли и оставшиеся в живых черкасские старшины во главе с Зерщиковым. Они молили о прощении, всячески отрекиваясь от единомыслия с Булавиным и его сторонниками. В ответ на требование Долгорукого о выдаче «воров и бунтовщиков» старшины привели сына и брата Булавина, сына Драного и других, всего 26 человек, и добавили, что казаки «все сплошь равны в воровстве».

На следующий день войско Долгорукого вошло в Черкасск. 28 июля жителей города и близлежащих станц

(всего до 1,5 тыс. чел.) привели к присяге в верности. А еще через несколько дней, 3 августа, каратели повесили около 50 булави́нцев.

Однако репрессии не привели к прекращению Крестьянской войны. Летом 1708 г. продолжалось восстание крестьян и других обездоленных в Тамбовском, Борисоглебском и соседних уездах. Восставшие действовали около Тамбова, а также Острогжска, Ольшанска, по реке Ви́тюг. «Неспокойцо» было на Украине, в Запорожье.

Крупные военные действия развернулись на Нижней Волге. Здесь казаки, беглые стрельцы и солдаты захватили Дмитриевск (Камышин). А отряды Игната Некрасова, казака Голубинской станицы (у него было 2 тыс. конницы), и Ивана Павлова (1,5 тыс. «гулящих людей» и др.) «жестоко... приступали» к Царицыну. Им помогали камышинцы, работные люди с волжских судов. Повстанцы разбили у урочища Сарпинский остров присланный из Астрахани солдатский полк Бернера, хотя и сами потеряли до 800 чел. Затем возобновился штурм царицынских укреплений. Они засыпали землей ров, набросали дров и бересты и зажгли, «с великой силой приступили и тем огнем осадной городок взяли». Затем казнили царицынского воеводу и нескольких его помощников. В городе, как и в других местах, повую власть организовали на началах казачьего самоуправления<sup>27</sup>.

Одновременно с движением на юге и юго-востоке продолжалась классовая борьба и в других районах страны. В Башкирии и соседних местах бушевало восстание перусских народностей; к западу от Москвы крестьяне Вяземского, Дорогобужского и Смоленского уездов бежали от своих помещиков, громили их имения, оказывали вооруженное сопротивление солдатским командам. «Воровские отряды» из крестьян действовали в районе Волжско-Окского междуречья, в Лесном Заволжье, появлялись около Нижнего Новгорода. Отряд Г. Старченка и Ефремова разорил вотчину Ф. А. Лопухина в Ветлужской волости. 21 июля восставшие захватили Унжу, разгромили здесь приказную избу и воеводский двор, «многие дела... подрали и денежной казны взяли, из тюрьмы колодников ропустили»<sup>28</sup>.

<sup>27</sup> Булави́нское восстание, стр. 436—439.

<sup>28</sup> В. И. Лебедев. Булави́нское восстание (1707—1708), стр. 86.



Для правительства существовала опасность объединения разных очагов движения, и оно принимает энергичные меры. Воеводы шлют войска в район восстания на Дону и Волге, чтобы воспрепятствовать продвижению его участников на север. Однако противоречия и разногласия в среде повстанцев ослабляли их силы. Так, на круге в Царицыне 19 июля возник ожесточенный спор между сторонниками И. Некрасова, который предлагал взять из города артиллерию и идти на Черкасск, и И. Павлова, выступившего за поход на Волгу и Каспийское море. В результате Некрасов, соблюдавший интересы своего «тихого Дона», направился к родным станицам. А Павлова, оставшегося с небольшим войском (1 тыс. чел.) в Царицыне, разгромили 20 июля астраханские полки Бернера и Левингстона. Последние взяли Царицын. Павлов же со своим отрядом, который по пути увеличился до 3 тыс. чел., пришел в донской Паншин городок. Каратели жестоко расправились в Царицыне с пленными повстанцами.

В начале августа отряды казанского и саратовского воевод вошли в Камышин, из которого повстанцы ушли незадолго до этого. Здесь тоже начался розыск.

Вскоре в Голубинской станице, родине И. Некрасова, снова объединились его отряд и отряд И. Павлова. Некрасов, который в это время фактически становится во главе движения, продолжающегося на Дону, рассылает по всем городкам и станицам прелестные грамоты — он призывает казаков прислать своих представителей в Паншин для обсуждения плана дальнейших действий. Сюда собираются со всех сторон казаки. На совещании у Некрасова было выработано обращение («отписка») к атаманам донских городков. Посланная во все места, она была получена 8 августа и в Черкасске. В ней ставился вопрос к войсковому атаману И. Г. Зерцикову и его сторонникам: «За какую вину вы убили Булавина?». Более того, «атаманы-молотцы», участники августовского совещания в Паншине, сообщали о своем решении: «...У нас по рекам и по городкам... положили итить к Черкасскому», «мы всеми реками и собранным войском будем немедленно... в Черкасской ради оговорки и подлинного розыску: и за что вы бес съезду реки так учинили?»<sup>29</sup>.

Некрасовцы недаром выступают как представители подавляющего большинства населения Войска Донского; оно

<sup>29</sup> Булавинское восстание, стр. 467.

их действительно поддерживало — в Паншин собирались казаки из всех городков, даже из тех, которые подчинил Долгорукий. Именно это давало основание Некрасову и его товарищам обвинять Зерщикова и старшину в заговоре, который вызывал ненависть донской гольтыбы. Это понимал и Долгорукий. «И не токмо, государь, — писал он Петру, — что по Дону и по Донцу и по другим рекам, и в Черкасском трети нет, на ково б было надеетца, а то все сплошь воры и готовы к бунту всегда; что час от часу, то бедство от воров прибавляетца»<sup>30</sup>.

План повстанцев состоял в том, чтобы совместными усилиями разгромить части Долгорукого и Зерщикова в Черкасске. Они решительно и смело заявили себя продолжателями дела Булавина, о чем поется в одной из песен некрасовцев:

А привыкать вам, донским казакам, к бою-подвигу,  
Ой да, привыкать вам нападать на царевы полчища,  
Да мы царю же не сдадим вольной вольницы,  
Ой да, за Булавина отдадим свои буйные головы.  
Да не убить-то царю да славный род людской,  
Ой да, постоим же за правду грудью-кровью мы.

Повстанцы хотели захватить Черкасск, расправиться с карателями и избрать в войсковые атаманы И. Некрасова. Долгорукий же, получая известия о сборе сил вокруг Некрасова, с беспокойством писал в одном из писем: «А на Дону Некрасов збирает великие войска воровские. Боже сохрани от него, ежели зберетца не плоше Булавина»<sup>31</sup>.

У Некрасова собралось до 10 тыс. повстанцев. Но он их разделил — одна часть расположилась в Паншине, другая — южнее, в хорошо укрепленном и расположенном (с трех сторон окружен водой) Есаулове городке. На соединение с Некрасовым двигалось по Северскому Донцу войско Н. Голого (более 3 тыс. чел.). Часть его во главе с С. Ф. Беспалым и И. Лоскутом переправилась через Дон и присоединилась к Некрасову, который с 2 тыс. повстанцев шел к Есаулову городку, где находилось до 3 тыс. чел. К нему же шли еще 4 тыс. повстанцев из Паншина. Таким образом, силы восставших опять расплылись.

На Паншин и Есаулов с трех сторон надвигались каратели: с юга по Дону войско В. В. Долгорукого, с Волги —

<sup>30</sup> В. И. Лебедев. Булавинское восстание (1707—1708), стр. 91.

<sup>31</sup> Там же, стр. 92.



казанского воеводы П. И. Хованского (в его распоряжении были и калмыки хана Аюки, подкупленного властями), с севера — регулярные полки, подчинявшиеся тому же Долгорукому. Им удалось предотвратить соединение основных сил повстанцев Дона и Северного Дона.

Еще 26 июля острогожские полковник И. И. Тевянов и подполковник В. Рыкмап под Ровенками разгромили полутысячный отряд повстанцев Е. Ларионова. Затем каратели Долгорукого преградили путь основной части войска Голого, который не смог соединиться с Некрасовым. С отборной конницей Долгорукий спешно прибыл к Есаулову, чтобы не дать соединиться его защитникам и повстанцам Некрасова. И это ему удалось.

В Есаулове находилось 3 тыс. восставших. С Долгоруким же пришло 7,5 тыс. ратников (2,5 тыс. драгун, 4 тыс. конных казаков Шидловского, 1 тыс. допских казаков И. Зерщикова). Каратели 22 августа пошли на приступ, но отступили, так как защитники городка «учинили... жестокий бой» из пушек и ружей. Но, поняв, «что им в том городе не отсидеться», а Некрасов не сумеет им помочь, есауловцы на следующий день сдались. По приказу Долгорукого четвертовали есауловского походного атамана Василия Тельного и повесили каждого десятого из повстанцев, виселицы с телами казненных расставили вокруг Есаулова городка и на плотках, которые пустили вниз по Дону. Всего было казнено более 200 чел.

23 же августа под Паншином потерпело поражение от П. И. Хованского 4-тысячное войско повстанцев. Они сражались упорно и мужественно, что засвидетельствовал даже Хованский: «И никогда я не помню, чтоб так казаки крепко стояли, а больше того разумею, что крепко стояли беглые драгуны и из полков солдаты». Каратели разбили повстанческий обоз, перебили многих повстанцев, других взяли в плен. В их руки попали трофеи — 1,5 тыс. телег, 8 пушек, знамена повстанцев.

Сам Некрасов, его сподвижники Беспалый, Лоскут, Павлов и другие, всего до 2 тыс., понимая безнадежность дальнейшей борьбы, ушли на Кубань.

«Замирив» восстание на Дону, каратели взялись за его участников, действовавших по Северскому Донцу. Здесь повстанцев возглавлял Н. Гольный, который продолжал борьбу за правду и волю. В своих призывах он адресовался к бедноте: «А нам до черни дела нет. Нам дело до бояр и

которые неправду делают. А вы, голотьва вся, идите из всех городов конные и пешие, нагие и босые, идите, не опасайтесь; будут вам кони и ружье, и платье, и денежное жалованье... А вы, стольники и воеводы, и всякие приказные люди, и заказные головы, не держите черни и по дорогам не хватайте, и пропускайте вы их к нам в донецкие города. А кто будет держать чернь и не будут пропускать, и тем людям будет смертная казнь»<sup>32</sup>.

Повстанцы Голого, местом сбора которых стал Донецкий городок, хотели выступить против Долгорукого. Потом, «как его, князя Долгорукова, с полками разобьют, то де чернь к ним, собрався, пристанет от многих песносных податей и от тягости, и от прибыльщиков к ним, ворах. И, поймав города, пойдут до Москвы побить бояр и немцев и прибыльщиков»<sup>33</sup>.

Во время сражений у Есаулова и Паншина войско Н. Голого и И. Рысколова (более 3 тыс. чел.) находилось в Обливенском городке. Затем повстанцы отступили. Долгорукий, преследуя их, расправлялся с непокорными, жег городки, приводил население к присяге. Повстанцы довольно долго ускользали от карателей, намного превосходивших их в численности и вооружении. Восставшие пришли в конце концов к Донецкому городку и недалеко от него в конце сентября сумели хитростью захватить караван из 170 будар с хлебом и припасами, пленить 1,5-тысячный отряд и его полковника И. Бильса.

1 октября Голый переправился через Дон и направился к Айдару «под укрепленные города». По пути он разбил у Мигулинской станицы отряд из 400 чел. во главе с С. Изваловым.

К Донецкому городку, где находилось до тысячи повстанцев, 26 октября подошел Долгорукий. После штурма правительственные войска взяли городок. Многие восставшие погибли, а из более чем 300 пленных каратели повесили 150 человек; городок они выжгли «без остатку». 4 ноября Долгорукий нагнал 7,5-тысячное войско Голого у Решетовской станицы. В ходе ожесточенного сражения повстанцы были полностью разгромлены, более 3 тыс. из них «положили» на поле боя «трупом»; других расстреливали, когда они плыли в ледяной донской воде. Потом казнили 120 пленных повстанцев, разорили городок. Голый

<sup>32</sup> Булавинское восстание, стр. 466—467.

<sup>33</sup> В. И. Лебедев. Булавинское восстание (1707—1708), стр. 99.



«сам-третей» сумел бежать. Начались преследования и расправы: за укрывательство отважного предводителя казнили и «сажали в воду» (так поступили с женой и матерью Голого), выжигали станицы. Атамана и его помощников схватили 1 февраля 1709 г.

Войска Долгорукого и Хованского, продвигаясь по Дону, Донцу и их притокам, жгли и казнили без милости и пощады. Тысячи убитых, казненных и пленных, выгоревшие дотла станицы — так каратели мстили повстанцам, поднявшимся в защиту своих попранных прав. Калмыцкий хан Аюка, выделивший для борьбы с восставшими более 10 тыс. чел., которые помогали Хованскому в верховьях Дона, говорил, что там «казаков никого не осталось». Каратели уничтожали все новоприхожие городки. К указу Петра I от 28 июня 1708 г. о борьбе с восставшими была приложена роспись тех городков, которые указывалось смести с лица земли: «По Хопру сверху Пристанной по Бузулук. По Донцу сверху по Лугань. По Медведице — по Усть-Медведицкой, что на Дону. По Бузулуку — все. По Айдару — все. По Деркуле — все. По Калитвам и по другим запольным речкам — все. По Илавле — по Илавлинской. По Дону до Донецкого надлежат быть, как было»<sup>34</sup>. Каратели действовали точно по инструкции Петра.

Жестокое репрессии привели к обезлюдению многих донских городков, в которых уничтожались все или почти все повстанцы. Оставшиеся в живых разбежались по лесам, переправлялись на Кубань.

Несмотря на разгром движения на Дону, борьба продолжалась в других местах — в Поволжье и особенно в Придонуе. Зимой, весной и летом 1709 г. восставшие действовали у саратовского города Петровска, по Хопру и Медведице. Они захватывали селения, казачьи городки, снова планировали, «собрался, итти на Русь». Власти высылали против них военные отряды, калмыцких тайшей.

С Кубани Некрасов засылал на Дон агитаторов. Так, в марте 1709 г. они появились около Курманьяра, позднее — в других местах. А в мае следующего года сам Некрасов с 3 тыс. казаков, калмыков и кубанских татар появился на реке Берде. Однако поднять новое восстание на Дону ему не удалось.

<sup>34</sup> Письма и бумаги Петра Великого, т. VII, вып. 1. Пг., 1918, стр. 224.

Вплоть до 1709 г., начиная с 1707 г., совместно с булавщиками боролись крестьяне ряда уездов к северу от Войска Донского: Воронежского, Борисоглебского, Козловского, Тамбовского, Верхне- и Нижнеломовского, Усманского, Усердского, Белгородского, Пензенского, Шацкого, Симбирского и др. В одном 1708 г. крестьянские восстания происходили в 43 уездах Европейской России; правда, отнюдь не все они были связаны с тем, что происходило на Дону и в соседних областях.

Бели борьбу с феодалами и царским самодержавием народные низы Украины и Башкирии. В верховьях Волги и по Оке продолжали действия «разбойные» отряды крестьян, расправлявшиеся с помещиками, воеводами и купцами, нападавшие также на монастыри и на сельских богатеев. Район, охваченный их действиями, включал Костромской, Ярославский, Кинешемский, Муромский, Нижегородский, Лухский, Суздальский, Галицкий, Юрьевецкий, Московский, Тверской, Старицкий, Каширский и другие уезды. В целом народное движение охватило в 1709—1710 гг. примерно 60 уездов. В этих местах крестьяне в ряде случаев освобождались, хотя бы на время, от эксплуататоров, не работали на них, не платили подати. В народной борьбе в центральных уездах страны, в Поволжье и Запорожье активное участие приняли многие повстанцы, бежавшие с Дона в ходе кровавого подавления здесь карателями народного движения. Их брали в плен каратели в Среднем Поволжье и в других местах.

Некрасов с отрядами повстанцев и позднее, в 1713 г. и в 1717 г., действовал в Харьковской губернии, по Волге, Медведице и Хопру, громил воевод, помещиков и домовитых казаков. Даже в 1727—1728 гг. некрасовцы появлялись в русских уездах и подговаривали крестьян к бегству на Кубань. Однако в целом окончание народной борьбы во время третьей Крестьянской войны относится к 1710 г.

Третья Крестьянская война, продолжавшаяся несколько лет и охватившая большую территорию, закончилась. Ее отзвуки еще долгое время внушали беспокойство российским феодалам и властям, не останавливавшимся ни перед чем, чтобы подавить сопротивление «подлого» люда. Однако борьба эксплуатируемых продолжалась в течение всего XVIII столетия.



## ЧЕТВЕРТАЯ КРЕСТЬЯНСКАЯ ВОЙНА

### НА ПУТИ К ПОСЛЕДНЕЙ КРЕСТЬЯНСКОЙ ВОЙНЕ

XVIII столетие — важнейший этап в истории России периода феодализма. Это относится к ее экономическому развитию, для которого характерно нарастание элементов капиталистических отношений, сложившихся в определенный уклад, к политической эволюции Российского государства в эпоху «просвещенного абсолютизма». Страна, переживавшая один из переломных моментов своей истории, оставалась феодально-крепостническим государством, в котором основой производства было сельское хозяйство, а главным непосредственным производителем — крестьянство (96 % всего населения России). Крепостное право, достигшее высшей ступени своего развития именно в это время, «на практике... ничем не отличалось, — по словам В. И. Ленина, — от рабства»<sup>1</sup>.

Исследователи, изучавшие развитие сельского хозяйства России XVIII в., отмечают его очень замедленные темпы. Так, в области сельскохозяйственной техники внедрение плуга шло медленно, основными орудиями труда, как и столетия до этого, оставались различные типы сох — от сравнительно совершенных до примитивных. В крестьянских хозяйствах не хватало лошадей, к тому же у бедняков они были слабосильными; отсюда — пехватка павоза, плохая удобряемость полей. Неурожаи (а в XVIII в. более 30 лет отмечены ими) приводили к дороговизне хлеба.

Русский крестьянин производил основную массу товарного хлеба. Его производством на продажу занимались и помещики, которые для увеличения доходности своих хозяйств увеличивают эксплуатацию крестьян. В XVIII в. сильно возрастает размер денежного оброка, который получает еще большее распространение. Помещичье предпринимательство преследует те же цели. Дворяне заводят

<sup>1</sup> В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 70.

винокуренные, полотняные, суконные, парусинные и другие предприятия. Например, в 1767 г. в Пензенской провинции насчитывалось 16 помещичьих винокуренных заводов, в Казанской — 5 и т. д.<sup>2</sup> Они были основаны на подневольном, т. е. бесплатном труде крепостных крестьян, не заинтересованных в его результатах, и это тоже толкало дворян к усилению режима эксплуатации.

В XVIII в. продолжается стремительный рост землевладения дворян. Только за 1762—1796 гг., т. е. время правления Екатерины II, они получили 800 тыс. крестьян с землями — в центре страны и особенно на Украине, в Поволжье, Приуралье. Закрепощаются все новые массы людей. Например, в Среднем Поволжье в 40 — 60-е годы число крепостных крестьян возросло в два раза, помещиков — в полтора. К началу 70-х годов крепостные составляли 46% сельского населения. Крепостными становились русские крестьяне, бежавшие в свое время из центра на окраины, и местные нерусские жители. В этих местах увеличивалось число помещиков, русских и нерусских, — в их ряды вступали представители местной нерусской знати. Права и привилегии русских дворян получают те, кто раньше их не имел, например, украинская и донская казачья старшина.

Роскошь и мотовство дворян, неудачи в предпринимательских делах сопровождалась ростом их задолженности, в том числе от своих же крепостных крестьян из числа «прожиточных», «капиталистских». Последние все больше занимаются предпринимательством, покупают и арендуют землю. Эти новые явления, наряду с другими, свидетельствовали о начале формирования буржуазной земельной собственности. Старая же феодальная форма собственности все больше становилась тормозом на пути новых отношений.

Дальнейшее развитие во второй половине XVIII в. получает промышленность. К 1767 г. в России действовало 663 промышленных предприятия, в том числе 182 железоделательных и металлургических заводов и 481 мануфактура — суконные, хлопчатобумажные, полотняные и др. Большое число заводов (84) по выплавке и обработке металлов имелось на Урале. Россия в это время занимала

<sup>2</sup> В. В. Маевский. Крестьянская война в России в 1773—1775 годах. Восстание Пугачева, т. I, Л., 1966, стр. 290.



первое место в мире по выплавке чугуна, ее уральские доменные печи были крупнейшими в мире. Европа получала из России железо. Однако применение в больших масштабах крепостного труда, старой техники, низкий уровень жизни рабочих людей — все это обусловило отставание в будущем русской промышленности от промышленности Западной Европы и Америки.

Возрастает число вотчинных, т. е. дворянских, мануфактур. Ввиду незаинтересованности крепостных крестьян в результате своего труда, поскольку они, работая на барской мануфактуре, фактически исполняли один из видов барщины и не получали заработную плату, эти предприятия не могли играть заметной роли в промышленном прогрессе страны.

Главной линией в развитии промышленности было увеличение числа капиталистических мануфактур, применение вольнонаемного труда. Этот процесс стал характерным для текстильной промышленности Иваново-Вознесенского района, промышленности Украины, ряда заводов и фабрик других районов, в том числе и Урала. Рынок вольнонаемного труда расширялся в результате имущественного расслоения крестьян, выделявших из своей среды, с одной стороны, сотни тысяч бедняков, которые искали средства существования в отхожих заработках, с другой — «капиталистских», зажиточных крестьян, сельских богатеев, занимавшихся промышленным предпринимательством, торговлей, ростовничеством. Немалое число мануфактур основывают купцы — в ряде случаев выходцы из тех же богатых крестьян, которые за огромные деньги выкупались на волю у своих помещиков.

Вольнонаемный труд в широких для XVIII в. размерах применялся на текстильных мануфактурах, в винокуренннц, табачной, кожевенной, металлообрабатывающей промышленности, на водном и гужевом транспорте, в судостроении и на погрузо-разгрузочных работах, в мелких крестьянских предприятиях. В 1760-е годы насчитывалось до 220 тыс. наемных рабочих, к концу столетия — 420 тыс.<sup>3</sup> Имеет место и отход на сельскохозяйственные работы.

Развитие русской промышленности тесно связано с возрастанием числа и роли крестьянских промыслов, крестьянской «безуказной» промышленности. В связи с этим

<sup>3</sup> Н. Л. Рубинштейн. Некоторые вопросы формирования рынка рабочей силы в России XVIII в. — Вопросы истории, 1952, № 2.

правлящие круги пошли в 1760—1770-е годы на отмену ограничений и провозглашение свободы в занятиях промышленной деятельностью. Это создавало дополнительные стимулы для вовлечения крестьян и представителей других недворянских слоев населения в предпринимательство, для развития капиталистических отношений в стране.

Далеко продвинулось вперед в XVIII в. формирование всероссийского рынка, начатое в XVII в. Импульсы для этого процесса давали многие факторы: рост населения России с учетом новых территорий, вошедших в ее состав (с 19 млн. чел. в 1760-е годы до 36 млн. чел. в 1790-е годы), городов (с 336 до 634 с 1725 г. до начала XIX в.), ремесла и промышленности, отрыв от земледелия больших масс крестьян, обнищание населения. В промышленных центрах увеличивается спрос на хлеб и другие продукты, на сырье. Их продавцами выступают помещики и «прожиточные» крестьяне, а также многие малообеспеченные крестьяне, которым деньги нужны были для уплаты оброчных и податных платежей, покупки самого необходимого.

Многочисленные ярмарки и торги действуют по всей стране. Из крепостных крестьян выделяется немалое число богатых торговцев. Дальнейшее развитие получают водные пути: волжский, северо- и западно-двинские, обский, енисейский, ленский и др. На водном транспорте и постройке судов работает до половины всех вольнонаемных рабочих. Гужевые тракты связывают самые отдаленные пункты — от Москвы и Петербурга до Охотского моря. В торговые связи, рыночные отношения включаются Белоруссия и Правобережная Украина, Причерноморье и Крым, Кубань и Кавказ. Большое значение для развития внутренней торговли имела отмена внутренних таможенных пошлин (указ от 20 декабря 1753 г.). Увеличивается объем внешней торговли.

Развитию торговли, внутренней и внешней, способствует правительственная политика поощрения свободы торгово-промышленной деятельности в стране, протекционистские внешнеторговые тарифы.

Вторая половина XVIII в. — время появления капиталистического уклада в экономике страны. Однако развитие новых буржуазных отношений тормозилось старыми феодально-крепостническими отношениями. Несмотря на начавшееся разложение крепостного, барщинного хозяйства, оно продолжало сохранять господствующие позиции. Вся



мощь абсолютистского государства, его карательных органов, финансовые возможности использовались для защиты интересов российского дворянства. Диктатура последнего во внутривполитической жизни еще больше усиливается, и это сказывается на еще большем ухудшении материального, юридического и бытового положения широких народных масс, в том числе русского крестьянства, прежде всего крепостного.

По третьей ревизии (переписи населения), проведенной в 1762—1766 гг., из 7 млн. 154 тыс. душ мужского пола всех крестьян насчитывалось 3 млн. 787 тыс. крепостных крестьян, т. е. 52,9%. Четвертая ревизия (1781—1783 гг.) показала увеличение числа крепостных до 6 млн. 555 тыс. душ м. п. (из 12 млн. 123 тыс. крестьян). Таким образом, количество крепостных непрерывно увеличивалось. В среднем оно составляло от 45% до 70% всех крестьян по разным губерниям России (в некоторых больше, до 85%, в других — меньше, например, в Поволжье и др., в третьих — не было совсем, как в Архангельской губернии, Сибирь).

В последние десятилетия XVIII в. более половины крепостных крестьян (53,7%) исполняли барщинные повинности, менее половины (46,3%) платили оброк. В Черномоземном Центре, к югу от Оки, в районе Среднего Поволжья на барщину помещики посадили до 90% крепостных; для этого же района характерно крестьянское малоземелье и большие размеры барщины — обычно 3—4 дня в неделю, нередко до 6 дней. Часть своих крестьян дворяне переводили на так называемую месячину — крестьяне, лишённые наделов, всю неделю работали на владельца, получая от него продуктовое содержание на месяц («застольную пищу»). Других крестьян помещики переводили на положение домашних слуг. В результате русское крестьянство приходит к крайней степени бедности, нищает. Это, в частности, было характерно для Среднего Поволжья. Объясняя причины такого явления, прокурор Алатырской провинции в ответе на хозяйственную анкету Вольного Экономического общества писал, что «некоторые помещики чрезмерно крестьян своих употребляют для собственных работ»; в страдное время они «заставляют непрерывно на себя работать»<sup>4</sup>.

<sup>4</sup> В. В. Масродин. Крестьянская война в России в 1773—1775 гг. Восстание Пугачева, т. I, стр. 315.

Оброк господствовал в печерноземных и северных губерниях; барская запашка составляла здесь не более 20—25% земель. Характерным для этих районов был рост оброка — в 4—5 раз за 1760—1790-е годы (с 1—2 руб. до 8—10 руб. на душу). В Среднем Поволжье он увеличился с 1—1,5 руб. в 1750-е годы до 2—4 руб. на душу в 1760—начале 1770-х годов. Помимо оброчных платежей, крестьян обязывали вносить «столовые запасы» (мясо, масло, мед и т. д.), прясть, ткать, работать в садах и огородах, на постройках в имениях, рыть канавы, осушать болота и многое другое.

Повинности крестьян в пользу государства тоже возрастают на протяжении всего столетия. До крайности стесняются гражданские права, по существу теряются их последние остатки. По ряду указов 60-х годов крепостных крестьян лишают права жаловаться на своих помещиков. Последним разрешают по своему усмотрению ссылать своих крестьян на поселение или каторгу, сдавать в зачет поставки рекрутов. Дворянин был волен в жизни и смерти своего крепостного. Обычным явлением стали купля и продажа крестьян семьями или в одиночку, проигрыш в карты и дарение. Дворяне вмешивались в семейную жизнь крепостных, насильно женили, выдавали замуж или, наоборот, запрещали женитьбу или замужество. А крепостные гаремы русских бар времен «матушки Екатерины», их домашние хоры и театры не раз вызывали гневные тирады и грустные слова многих русских писателей и поэтов.

Обстановка бесконтрольного господства порождала отвратительные типы господ-мучителей и палачей наподобие Ларьи Салтыковой («Салтычиха»), орловского помещика Шеншина, Жуковых, Куракиной и многих других. Их изуверские издевательства и пытки стоили жизни десяткам и сотням безвинных мужчин и женщин, стариков и детей из числа крепостных. Дело доходило до того, что даже дворянские органы правосудия вынуждены были привлекать дворян к следствию и суду, при этом всячески, конечно, выгораживая и облегчая их судьбу. Характерно, что во время розыска, чтобы выяснить вину этих изуверов, пытали не их, а их дворовых и крепостных<sup>5</sup>.

<sup>5</sup> В. И. Буганов. Тайная канцелярия XVIII в.— «Вопросы истории», 1973, № 12.



До 40% крестьян России составляли государственные (около 2,9 млн. душ м. п. в 1760-е годы, около 5 млн. — в начале 1780 годов). К ним примыкали ясачные (в том числе перусские) крестьяне, потомки мелких служилых людей по прибору, «пахотные солдаты», «прежних служб служилые люди». Наконец, в эту же категорию входили крестьяне, приписанные к заводам для различных работ (приписные крестьяне — около 264 тыс. душ м. п. по ревизии 1781—1783 гг.).

Немало государственных крестьян проживало в Поволжье и на Урале, в Казахстане и Сибири. Ясачными крестьянами считались татары и башкиры, мордва и чуваша, мари и удмурты, казахи и калмыки и др. (за исключением тех, кто попал в крепостную зависимость). Немало здесь было чернососных, приписных, экономических крестьян, однодворцев. Среди крестьян этого района довольно заметно проявлялось имущественное неравенство. Большинство жило в крайней бедности — не хватало хлеба до нового урожая, они голодали, искали дополнительный заработок, влезали в долги. «Прожиточные» же крестьяне «между мужиками богачами почестья могут и богаче многих дворян». Они арендовали землю, нанимали работников, имели даже собственных крепостных. Поволжские богатые крестьяне имели гораздо больше в сравнении с бедными наделенной земли, рабочего и рогатого скота; в их руках сосредоточиваются различные промыслы, торговля; они эксплуатируют и закабаляют односельчан. Те же богатеи становятся крупными заводчиками и купцами. А бедные крестьяне идут в отход, поставляют кадры для формирующегося предпролетариата. В деревне, таким образом, появлялись зародыши новых классов — буржуазии и пролетариата. Для тех и других общим врагом были дворяне, крепостническая система, от которой страдали не только бедняки, но и «прожиточные», поскольку они оставались на положении крепостных, угнетаемых феодалами и государством; «когда было крепостное право, — вся масса крестьян боролась со своими угнетателями, с классом помещиков»<sup>6</sup>.

Среди рабочих людей первое место занимают выходцы из крестьян, затем — из посадских людей, солдат, самих «фабричных». Все большее их число порывает связи

<sup>6</sup> В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 7, стр. 194.

со своим деревенским хозяйством, разоряется. Положение рабочих людей, приписных крестьян на фабриках и заводах было исключительно тяжелым. Это приводило к большой смертности. Приписных заставляли ходить на заводские работы за несколько сот, а то и тысяч верст, их отрывали в страдную пору от полевых работ, заставляли отработывать за больных односельчан, покупать харчи в хозяйских лавках по высоким ценам. Многие из них разорялись, покидали совсем свое хозяйство и «безотлучно» проживали и работали на предприятиях, превращаясь, таким образом, в постоянных рабочих, мастеровых. Так, в 1757 г. на уральских Авзяно-Петровских заводах 96% мастеровых составили выходцы именно из приписных крестьян. Многие из них насильно переселяли на заводы.

Приписные отработывали подать, которую за них вносили в казну хозяева. Существовали определенные нормы отработок на одного рабочего, лошадного или безлошадного, летом или зимой. С учетом их нарушений, а также пребывания в пути фактический срок составлял от 77 до 156 дней в году.

В тяжелом положении находились крепостные рабочие люди, отданные по указам на предприятия нищие, беглые, незаконнорожденные, солдатские дети и др. Чуть лучше чувствовали себя вольнонаемные — хотя им платили большее жалованье, однако использовали почти только на вспомогательных работах, требовавших низкой квалификации. Задержки с выдачей жалованья и паспортов, штрафы, наказания, покупка продуктов в заводских лавках и другие притеснения сближали их с основной массой рабочих людей из числа приписных и крепостных.

Основную массу горнозаводских рабочих Урала составляли приписные, т. е. государственные, крестьяне. И они, и другие категории рабочих смотрели на заводы с ненавистью, связывая с ними свое по существу закабаленное состояние и нищету, бесправие и разорение.

Особо тяжелым было положение крепостных крестьян, принадлежавших заводчикам и фабрикантам. Будучи постоянными рабочими, в немалом числе квалифицированными, они полностью зависели от воли и распоряжений хозяев, заводской администрации.

На уральских заводах во второй половине XVIII в., несмотря на применение капиталистических форм эксплуатации и наличие наемных работников, преобладал труд



крепостных. И это определяло характер идеологии большинства рабочих людей, остававшейся в значительной степени антифеодальной, антикрепостнической.

Характерно, что даже зажиточные крестьяне из приписных, выступавшие в роли подрядчиков при найме или мелких рудопромышленников, приняли (наряду с некоторыми «капиталистами», «первостатейными» крестьянами в сельской местности) активное участие в Пугачевском восстании. Делали они это не от бедности и нищеты. Давление крепостной системы было таково, что его удушающее влияние испытывали на себе и те крестьяне, которые «выбились в люди», накопили капиталец, нажились на торговых и промышленных делах.

Недовольство социальных низов, прежде всего крестьян, существующим положением, прорывавшееся на протяжении всего столетия в различных формах, приняло такие размеры, что их положение, классовая борьба, крестьянский вопрос становятся в центре внимания русских писателей и поэтов, историков и публицистов второй половины века. Голос самих крестьян доносят до нас их челобитные и наказания, следственные дела и сочинения раскольников, фольклор и призывы самозванцев.

Основные массы русских дворян и их идеологи в лице М. М. Щербатова, А. П. Сумарокова и других выступали с позиций незыблемости крепостного права. Лишь некоторые из них, наиболее проникательные и дальновидные, понимая всю остроту положения, предлагали несколько смягчить крестьянские повинности и ограничить произвол помещиков. С их точки зрения, это необходимо предпринять в интересах дворян, иначе, как однажды выразилась императрица Екатерина II, «бунт всех крепостных впоследствии»<sup>7</sup>. Ими двигал страх перед нарастанием классовой борьбы, ставшей характернейшей чертой жизни страны в третьей четверти столетия.

Дальше дворян-либералов, защищавших интересы своего класса, шли немногие. Например, А. Я. Поленин предлагал предоставить крестьянам право на землю и имущество. Он считал крепостное право результатом «насилъства» и кабалы. Я. П. Козельский, депутат Уложенной комиссии 1767 г., предлагал то же, а также регламен-

<sup>7</sup> В. В. Мавродин. Крестьянская война в России в 1773—1775 и Восстание Пугачева, т. I, стр. 520.

тировать повинности крестьян, барщинные работы (по два дня в неделю — на государство, на барина и на себя).

С критикой крепостного права выступают профессора Московского университета И. А. Третьяков и С. Е. Десницкий. О тяжелом положении крестьян пишут М. М. Херасков и Ф. А. Эмин, Д. И. Фонвизин и Н. И. Новиков. Все они обсуждали вопрос с позиций деятелей русского Просвещения. Изобличая ужасы крепостного состояния и произвол помещиков, они еще не ставили вопрос о насильственном свержении крепостничества, восстании против него самих угнетенных, как это сделает позднее, в 1790 г., А. Н. Радищев в «Путешествии из Петербурга в Москву».

В 1767 г. правительство Екатерины II созывает Комиссию для составления нового Уложения — кодекса законов (поскольку после принятия Соборного уложения 1649 г. прошло более столетия). Императрица этим жестом рассчитывала приобрести славу «просвещенной» правительницы. Депутаты, съехавшиеся для обсуждения проекта Уложения, должны были, по ее мысли, сказать о нуждах сословий и, самое главное, вознести хвалы «мудрости» императрицы. Но, наряду с верноподданническими выступлениями, на заседаниях Комиссии неожиданно для Екатерины и ее приближенных прозвучали голоса протеста и недовольства.

В Уложенной комиссии представители черносопных крестьян жаловались на малоземелье, стеснение торговой и промысловой деятельности, свободы передвижения, на захваты земель и угодий помещиками и заводчиками, рост налогов и повинностей, тяготы заводских работ, произвол и притеснения дворян. Но в Комиссии этой, по словам А. С. Пушкина, «фарсе наших депутатов, столь недостойно разыгранной», вопрос об отмене крепостного права не затрагивался, да и не мог затрагиваться.

В своих челобитных крестьяне различных категорий, жалуясь на тяготы и лишения, исходили из того, что работа земледельцев является основой благосостояния во всем государстве. Помещики и их приказчики, чиновники и все остальные, кто причиняет им зло, — враги не только крестьян, но и государства. Управу на них они надеялись найти у праведных судей. Но, поскольку таковых, как правило, не находилось, все взоры обращались к монарху, который, казалось им, все поймет и рассудит. Отсюда идут идеализация Петра I, который «даром хлеба не ел, пуще



бурлака работал», надежды на Екатерину II. Надежды на императрицу, однако, не оправдывались, распространение получили неприязненные высказывания о ней.

Протест угнетенных выражался в различных формах. Распространилось сектантство, «еретичество», получали широкое хождение произведения устного народного творчества и подпольной литературы — различные «подметные письма», подложные манифесты и указы. В 60-е годы в ряде подложных указов и манифестов сообщалось об освобождении некоторых категорий крестьян и их переводе в другие (например, помещичьих — в государственные, приписных — в ясачные). Дворян и попов, неправедных судей и чиновников-лихоимцев высмеивают народные повести и лубочные картинки, сказки и пословицы, солдатские стихи и песни. В ряде случаев произведения фольклора включают мотивы борьбы против существующих в стране социальных отношений, необходимости освобождения от крепостной неволи. Особенно ярко антифеодальные настроения выражены в «Плаче холопов», составленном, вероятно, в 1767—1768 гг.<sup>8</sup>

Угнетенные мечтают о земле и воле, о том, чтобы «перевести» дворян — своих самых ярых врагов. И они не только мечтают об этом, но и открыто заявляют о своем недовольстве, о своих требованиях и стремлениях.

## КАНУН КРЕСТЬЯНСКОЙ ВОЙНЫ

Попытки найти управу на феодалов в суде, подача челобитных властям являлись пассивными формами борьбы обездоленных. Их бегство от господ означает уже более высокую ступень классовой борьбы, так как включает и активные действия: убийство помещиков, уничтожение их имущества и документов. Другими формами являются действия «разбойников», самозванство, волнения и восстания. Все они, вместе взятые, свидетельствуют о том, что на протяжении всего существования феодального строя не затихает классовая борьба угнетенных против угнетателей. «Свободный и раб, — говорится в «Манифесте Коммунистической партии», — патриций и плебей, помещик и крепостной, мастер и подмастерье, короча, угнетающий и угнетае-

<sup>8</sup> В. В. Масродин. Крестьянская война в России в 1773—1775 гг. Восстание Пугачева, т. I, стр. 555—568.

мый находились в вечном антагонизме друг к другу, вели непрерывную, то скрытую, то явную борьбу, всегда кончавшуюся революционным переустройством всего общественного здания или общей гибелью борющихся классов»<sup>9</sup>.

Широкие размеры приняло в XVIII в. бегство крестьян. Бежали от господских работ и платежей, издевательств и рекрутчины, от нищеты и несправедливости. Уходили от одного владельца к другому, чтобы хоть на время получить льготы и облегчить свою участь. Помещики переманивали друг у друга крестьян, подавали в суд бесчисленные прошения о сыске и возврате беглых. Часто, чтобы освободиться от барина и налогов, уходили в необжитые места — на юг и восток, в Поволжье, на Урал и в Сибирь, а то и за рубеж.

По-прежнему шли в одиночку и семьями, целыми деревнями и селами. Главные центры, куда стекались толпы беглых, продолжали смещаться к востоку и юго-востоку по мере продвижения из центра к окраинам дворянского землевладения и укрепления государственного аппарата, его карательных органов. Особенно привлекала беглых Волга с ее караванами, рыбными и соляными промыслами. Здесь они находили работу по вольному найму. Многие уходили в места, еще слабо освоенные помещиками и чиновниками, в частности, в Заволжье<sup>10</sup>.

Многие беглые люди — крестьяне и дворовые, солдаты и работные — не ограничиваются только уходом от господ. Они поджигают имения, конфискуют в свою пользу имущество, убивают их самих, членов семей, приказчиков. Нередко беглые собираются в целые отряды — «разбойные партии», «шайки воровских людей», по терминологии правительственных документов. Это не должно удивлять, так как эти определения исходят от тех же феодалов, заклятых врагов этих беглых «разбойников».

В течение второй трети XVIII в. убийства помещиков были постоянным явлением. Так, в Московской губернии только с 1764 по 1769 г. крепостные расправились с 30 помещиками в 27 имениях. То же происходило и в других местах, в том числе и в Поволжье; здесь в местных тюрьмах содержалось немало колодников, которых обвиняли в убийствах помещиков, их управителей. Все это ста-

<sup>9</sup> К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 4, стр. 424.

<sup>10</sup> В. В. Масродин. Крестьянская война в России в 1773—1775 гг. Восстание Пугачева, т. I, стр. 341—347.



повилось известным правящим кругам. Екатерина в связи с письмом А. П. Сумарокова, в котором он говорил о любви крестьян к своим владельцам, которые-де спокойно живут в своих имениях, отметила: «и бывают отчасти зарезаны от своих»<sup>11</sup>.

Много «разбойных» отрядов гуляло на Волге. Они приняли участие в Крестьянской войне, а до и после нее вели борьбу с угнетателями в составе «повизовой вольницы». Среди них — беглые крестьяне и солдаты, дворовые и бурлаки, рекруты и посадские люди, всякий нищий и обездоленный люд.

Действия «разбойных партий» особенно усиливаются в конце 1760-х годов. Это было прямо связано с неурожаем 1767 г., дороговизной съестных припасов, голодом, падежом скота. Массы крестьян уходили на заработки, другие бежали, собирались в отряды и нападали на помещиков. Действия «разбойников» происходили по всей стране, особенно на юге, в Поволжье. Так, пичнеломовские дворяне в наказе в Уложенную комиссию 1767 г. жалуются, что их крестьяне «великое злодеяние чинят пожогом, грабежом, денным разбоем и лишением нас жизни». О действиях «разбойных шаек» сообщают казанский губернатор фон Брандт, власти и помещики Алатырского, Пензенского уездов, Уфимской провинции и многих других районов. Волга и Кама, Ока и Сура стали местами особенно решительных выступлений, которые В. В. Мавродин с полным основанием называет «своеобразной прелюдией к восстанию Пугачева»<sup>12</sup>. Одна из «разбойнических партий», действовавшая на Суре в 1766—1767 гг., состояла из 48—60 человек. У них на вооружении, помимо бердышей и рогатин, имелись пистолеты, ружья и даже три медные пушки. Отряд жег многие помещичьи имения в районе Пензы, громил винокуренные заводы, конфисковывал имущество дворян и приказчиков. Один из участников борьбы беглый крестьянин И. И. Шаталиц (село Грубетчины Пензенского уезда) показал на допросе, что он вступил в отряд, желая отомстить своей жестокой в обращении помещице<sup>13</sup>. Во главе отряда, состоявшего из беглых крестьян и солдат, стоял яицкий казак Р. Карманов.

<sup>11</sup> В. В. Мавродин. Крестьянская война в России в 1773—1775 гг. Восстание Пугачева, т. I, стр. 350—351.

<sup>12</sup> Там же, стр. 364.

<sup>13</sup> Там же, стр. 365.

Более тридцати имений разгромил в Симбирском уезде в 1768 г. отряд паровчатского посадского человека И. Колчина. «Крайнее уныние» и ужас испытывали все дворяне Симбирского уезда и окрестных мест. Многим из них мстили их бывшие крестьяне и дворовые из этого отряда, в котором имелись также солдаты, работные люди, однодворцы. Многие помещики убегали из своих владений в города, и об этом хорошо знали «разбойники». Они планировали даже нападение на Симбирск, чтобы «с одного края захечь, а с другога разбой учинить; и знаем-де, что все помещики из деревни в город выбираютца, то не оставят их и в городе найти».

Подобные «воровские партии» активно действовали по всему Поволжью и Приуралью в конце 60—начале 70-х годов. Сведения о них доходили даже до столицы. Так, 10 мая 1771 г. отряд примерно из 30 человек папал на двор помещика П. И. Осокина у города Балахны, разгромил его и сжег. По пабату против «разбойников» сбежались вооруженные балахнинские купцы и мошахи, и началось настоящее сражение, в ходе которого повстанцы убили двух и ранили 13 человек. «Отважное злодейское предприятие», — так вынуждена была охарактеризовать эти действия Екатерина II, узнавшая о них. Императрица приказывает применить «всевозможные способы» «во искоренение показанных злодеев», и вверх и вниз по Волге от Нижнего Новгорода местные власти посылают разьезды.

Отряд Рощина, действовавший с 1769 г. по Оке в пределах Шацкого уезда, впоследствии принял участие в пугачевском движении и продолжал борьбу после гибели Е. И. Пугачева.

«Разбойники» выступали не только против дворян и их прихвостней (приказчиков, управителей, старост), но и против «богатых мужиков» — «капиталистских» или «первостатейных» крестьян.

Отряды «разбойников» действовали и в других районах страны — в Придонье, Слободской Украине. Дворяне-козловцы в 1767 г. писали в наказе в Уложенную комиссию: «Везде только и слышно, что верноподданные ея императорского величества собравшись воровскими партиями, вооруженною рукой тирански бьют, огнем жгут и до смерти убивают и имения грабят»<sup>14</sup>.

<sup>14</sup> Сборник Русского исторического общества, т. 68, стр. 417.



В борьбе «разбойных» отрядов превалируют моменты мести и разрушения, быстрых и решительных, но скоротечных действий.

Более высоким уровнем отличаются волнения и восстания различных категорий угнетенных. Только за восемь лет, с 1762 по 1769 г., произошло более 120 крестьянских волнений (без учета выступлений приписных и церковных крестьян). Они происходят в Центральной России и Слободской Украине, Придолье и Поволжье.

Участники волнений и восстаний, как правило, стремятся освободиться из крепостного состояния и стать государственными крестьянами. Они изгоняют помещиков, забирают их имущество и документы на землю и крепостных, с большим интересом воспринимают сведения о «противностях и неповиновениях» своих собратьев в других местах. Власти посылают против восставших воинские команды. В ряде случаев крестьяне прогоняют солдат, но их выступления прекращаются под давлением силы.

Иногда волнения крестьян продолжались по несколько лет и отличались большим упорством, приводя даже в отдельных случаях к удовлетворению некоторых их требований. Такой характер имели, в частности, волнения крестьян Воронежской губернии в 1766 г.: слободы Петровской А. В. Бутурлина Козловского уезда, слобод Воронцовки и Александровки графа Р. Л. Воронцова (Добренский уезд), слободы Михайловки М. И. Сафонова (Павловский уезд), слободы Ковальской А. Плохова. Здесь против закрепощения выступили украинцы («черкасы»). Они «от послушания владельцам своим отказывались и чинили противности». То же происходило в 1768 г. в Белгородской губернии, Тверском, Волоколамском, Каширском, Клинском, Кашинском, Галицком, Симбирском, Саранском и других уездах.

Крестьяне села Ишевки Симбирского уезда, проданного Долгорукими А. А. Кротковой, отказались ее принять даже под угрозой применения силы. Они в феврале 1768 г. выступили против воинской команды, открывшей огонь, и обратили ее в бегство, захватив у солдат более десятка ружей. Потребовалась посылка целого батальона, который и привел восставших «к покорности». Смена владельцев привела весной 1765 г. к восстанию крестьян села Ивановского (или Одоевщина) Пензенского уезда. Они «учинили бунт», захватили господский дом и выгнали из него нового

владельца коллежского секретаря С. Шевырева. Действовали они с помощью «всякого огненного и студеного оружия». Их поддержали крестьяне всей округи. Восставшие устроили в своем селе укрепленный лагерь, выбрали руководителей из своей среды (главный руководитель — крестьянин Петр Громов), собирали оружие, изготовляли новое, организовали охрану, выработали план борьбы с противником (разбили свои силы на три отряда). Наступавших солдат восставшие встретили огнем из оружия, камнями и поленьями. После артиллерийского обстрела они все ушли в лес, а свои дома пожгли. Такие же стойкость и наличие элементов организованности характерны и для других крестьянских восстаний.

Посылки воинских команд, наказания (битье кнутом, ссылка на каторгу и др.) и уговоры, «политика кнута и пряника» в конце концов приводили или к подавлению восстаний силой или их мирному окончанию. Однако их участники снова и снова поднимались на борьбу, впоследствии вливались в отряды пугачевцев, продолжали свои действия и после поражения последней Крестьянской войны. Так произошло, например, в вотчине Куракиных — селах Борисоглебском и Архангельском Пензенского уезда. Местные крестьяне в начале 70-х годов протестовали против увеличения оброка (с двух до трех рублей в год) и постройки винокуренного завода, на котором их заставляли работать. Они «пришли в большое непослушанье» — перестали платить оброки, недоимки, работать на винокуренном заводе. Собирались на мирские сходки, на которых выносили решения по своим делам, отказались слушаться владельцев и власти. Опекуцкий совет, управлявший этим имением, снял недоимки и закрыл винокуренный завод. Но волнения продолжались. Крестьяне сразу же включились в борьбу во время пугачевского восстания.

В отдельных случаях восставшие добивались отстранения ненавистных приказчиков, бурмистров и старост. Так произошло в 1766 г. в селе Знаменском Симбирского уезда — одной из многочисленных вотчин Шереметевых. Здесь против притеснений и жестокостей приказчика А. Подымова выступили не только крестьяне-бедняки, но и «лутчие», «прожиточные», нанимавшие своих обедневших односельчан, арендовавшие у них землю и т. д. Они тоже, но по-своему, со своих позиций протестовали против крепостнического гнета, который сковывал их хозяйст-



венную инициативу. Восставшие добились в конце концов устранения приказчика.

50—60-е годы — время активнейших выступлений монастырских крестьян. Рост феодальной эксплуатации в течение первых третей XVIII в., наступление монастырей на права принадлежавших им крестьян (захваты у них пашен, лугов, пустошей, увеличение поборов и повинностей) привели к тому, что в это время буквально в десятках владений русских монастырей, от крупнейших до мелких, на западе и востоке России, вспыхивают волнения и открытые восстания. Убедившись, что с помощью подачи челобитных властям ничего не добьешься, что власти — на стороне эксплуататоров-монахов, крестьяне бросают им открытый вызов. Они перестают работать на своих феодалов в рясах и клобуках, вносить платежи, выступают против них с оружием и дрекольем, громят монастыри, убивают монахов. Особой силой и решительностью отличались восстания крестьян, принадлежавших подмосковным монастырям: Савво-Сторожевскому, Николо-Угрешскому, московскому Новоспасскому и др. Дело доходило до сражений между ними и воинскими командами<sup>15</sup>.

Борьба монастырских крестьян была одной из причин секуляризации церковных земель. Еще по указу Петра III от 21 марта 1762 г. у монастырей отобрали крестьян и передали в ведение государственного учреждения — Коллегии экономии. Им передали всю землю и обязали платить подушную подать (семь гривен) и рублевый оброк с тягла. Однако Екатерина II, придя к власти, отменила этот указ. Но крестьяне отказались вернуться в прежнее состояние — не повиновались монастырским властям, не работали на них, не платили оброк. Опять в ход пошла репрессия — воинские команды расстреливают восставших крестьян. Но их «ослушание», «непослушание» приобретает массовый характер. Среди многочисленных волнений этой поры особо выделяется восстание крестьян Далматовского монастыря в Западной Сибири («Дубинщина»)<sup>16</sup>. Этому монастырю принадлежало село Никольское и 21 деревня с 3 тыс. душ населения.

Когда осенью 1762 г. далматовским крестьянам прочи-

<sup>15</sup> П. К. Алевиренко. Крестьянское движение и крестьянский вопрос в России в 30—50-х годах XVIII в. М., 1958.

<sup>16</sup> В. В. Маевский. Крестьянская война в России в 1773—1775 гг. Восстание Пугачева, т. I, стр. 416—419.

тали указ Екатерины II, отменявший мартовский указ Петра III, они отказались повиноваться. Их восстание возглавил бывший монастырский служка К. Мерзляков, человек грамотный, знавший законы, энергичный и честный. Движение продолжалось с конца 1762 г. до весны 1764 г. Восставшие запаслись оружием, организовали два отряда (в 200 и 500 чел.), перерезали дороги в Шадринск и Челябинск, устроили завалы. Впоследствии некоторые участники этого восстания осаждали в составе пугачевских отрядов Далматов монастырь. Правительство вынуждено было пойти на уступки — указ 26 февраля 1764 г. провозгласил секуляризацию и перевод монастырских крестьян в категорию экономических, т. е. государственных. Секуляризация 1764 г. привела к снижению активности бывших монастырских, теперь экономических крестьян. Но их борьба продолжалась, принимая новые формы (борьба за землю с феодалами, «разбойничество» и др.).

По словам Екатерины II, в начале ее правления «внутри империи заводские и монастырские крестьяне почти все были в явном непослушании властей, и к ним начинали присоединяться местами и помещичьи»; первых, по мнению императрицы, насчитывалось 49 тыс. чел., вторых — 100 тыс., третьих — 50 тыс.<sup>17</sup> Данные эти, конечно, неполны, так как в Петербурге получали донесения о наиболее крупных волнениях и восстаниях, но и они свидетельствуют о большом размахе классовой борьбы в среде крестьян этих трех категорий.

Заводские или приписные крестьяне (их к 1762 г. насчитывалось около 190 тыс. чел.) тоже активно выступали против той тяжелой доли, которую они испытывали на заводских работах. Они громили заводы, требовали возвращения в деревни. В то же время они выдвигают требования, характерные для формирующегося предпролетариата: о повышении расценок заработной платы, улучшении условий труда и жизни на предприятиях, снижении норм выработки и продолжительности рабочего дня, отмены штрафов и побоев и т. д.

Ряд восстаний заводских крестьян и рабочих людей 50—60-х годов принял довольно острый характер. Так, в 1752 г. крестьяне Ромодановской волости Н. Демидова прекратили все работы на заводовладельца. Во время сраже-

<sup>17</sup> Русский архив, 1865, т. III, стр. 479.



ния с Рижским драгунским полком 24 мая восставшие (их было 1,5 тыс. чел., вооруженных огнестрельным и холодным оружием) потеряли 59 чел. убитыми и 42 ранеными, но по существу одержали победу: они смертельно ранили 6 офицеров и унтер-офицеров и 25 солдат, ранили 9 офицеров и 188 солдат, взяли в плен командира полка и заставили противника отступить. Волновались работные люди и крестьяне ряда других уездов этого района.

Классовая борьба работных людей отмечена чертами большей активности и упорности в сравнении с крестьянскими выступлениями, стремлением к солидарности, объединению сил. Так, работные люди Липецкого, Козминского и Боренского заводов князя Репнина, пачавшие борьбу в 1761 г. и отказавшиеся признать себя его крепостными, прекратили всякие работы, избili княжеского поверенного. Они отказались подчиняться заводской конторе и избрали свой орган управления — станичную избу во главе с одним из своих руководителей Г. Куприяновым. Одну за другой подают они челобитные в Петербург, просят возвратить их в сословие государственных крестьян. Несмотря на репрессии властей, они добиваются своего — в 1769 г. их заводы отписывают в казну.

Во время Рижского восстания 1769—1771 гг. его участники, отказавшиеся работать на Олонецких заводах, собирались на «всепародные собрания» («суёмы»), выполнили решения, отстраляли от мирских должностей крестьян-богачев, бравших подряды на заводские работы. Движение было подавлено вооруженной силой, но власти сделали и кое-какие уступки.

Большой размах получает в 50 — начале 70-х годов борьба работных людей в Прикамье и Приуралье, на Урале и в Западной Сибири. В 1761 г. отказались отработывать подушную подать на Вяткинском и Ижевском заводах приписные крестьяне 13 деревень. Но их сопротивление воинским командам было в конце концов сломлено; имелись десятки убитых и раненых с обеих сторон от ружейного и пушечного огня.

В 1760 г. начались волнения приписных крестьян демидовских заводов — Каслинского, Нижне- и Верхнекыштымского. «Мы готовы все помереть, а на заводы не пойдём», — заявляли сотни восставших воинским командам, которые власти посылали для их усмирения. Они запасали оружие, производили ученья и смотры своим силам, рас-

ставляли караулы, готовясь к вооруженному столкновению. Превосходящие силы карателей (до 1 тыс. чел.) подавили восстание. Но в 1765 г. в этих местах началось новое волнение.

В 1762 г. работные люди Нижнетагильского и Невьянского заводов П. Демидова выбрали из своей среды представителей в мирскую избу, которая выступала в качестве руководящего органа восстания. Восставшие вели борьбу организованно и стойко. Они предъявили хозяину требования: соглашались отработать подушный оклад, вносимый им за них в казну, за остальные работы пожелали получать более «справедливую», а не «малую» плату; отказывались они считать себя крепостными людьми заводчика. Хозяин и власти пошли на уступки — часть работных людей признали государственными крестьянами, оплатили работы мастеровых.

В 50—60-е годы волнения и восстания происходят на Авзяно-Петровских, Вознесенском, Сысертском, Полевском, Верх-Исетском, Гороблагодатском и других заводах.

Участники подобных движений, помимо подачи челобитных и выступлений против воинских команд, применяли и такую форму борьбы, как остановка работы на заводах или уход с них, т. е. нечто вроде стачки, которая приводила к прекращению функционирования предприятий. Они подчас добивались успеха в своей борьбе, пусть частичного и ненадежного, но иногда и более существенного. Так, подъем борьбы приписных крестьян в начале 60-х годов заставил правительство издать в 1762 г. указ о запрещении покупки крестьян к заводам.

Происходили волнения и восстания в городах, хотя их было не так много, как движений среди крестьян и работных людей. Посадские люди выступают в 50 — начале 70-х годов против монастырей-феодалов с их попытками расширить свои владельческие права на посадах, поддерживают беглых людей или восставших крестьян, избивают за произвол представителей местной администрации. Наиболее крупное из городских движений произошло в 1771 г. в Москве; это знаменитый «Чумной бунт». В связи с начавшейся летом этого года эпидемией чумы власти проявили нерасторженность. Со стороны полиции были допущены злоупотребления. Чума косила москвичей — в день умирало по несколько сот человек. Дворяне и купцы бежали из Москвы, покидая на произвол судьбы многочисленную



дворню. Закрывались многие мануфактуры. В результате в городе скопились тысячи людей без хлеба и крова. В середине сентября доведенные до отчаяния социальные пизы начали погромы карантинцов, купеческих лавок, домов московской знати. 16 сентября толпу восставших расстреляли из орудий на Красной площади у Спасских ворот. То же повторилось и на следующий день. Восстание прекратилось, и начались следствие и расправа<sup>18</sup>.

Волнения имели место даже в Петербурге и столичной губернии.

Наряду с русскими людьми на борьбу против общих угнетателей поднимались многие нерусские народы. В 50—60-е годы частые восстания против старшины и казаков-богачей поднимает беднота в Запорожской Сечи — рабочие люди с рыболовных и соляных промыслов и др. В 1768 г. на Украине происходит крупное восстание «колиивщина» — во главе с наймитом Максимом Зализняком (Железняком) и казацким сотником Иваном Гонтой. Оно охватило всю Правобережную Украину. В нем приняли участие и русские люди — крестьяне, горожане, солдаты. Восставшие сжигали имения польских панов (фольварки), убивали их самих, арендаторов и др. Они захватили многие города и селения.

После поражения участники восстания перебрались на Дон и далее на восток — к Иргизу и в другие места. Впоследствии они участвовали в Крестьянской войне.

Нерусские народы Поволжья и Приуралья выступали против захватов их земель. Они протестовали по поводу притеснений русских и нерусских феодалов, заводчиков, поборов и насилий всякого начальства и попов. Татары и мордва, чуваш и марийцы, удмурты и башкиры, менчеряки и казахи, пытаясь отстоять свои интересы, подают бесчисленные челобитные. Они же протестовали против гнета помещиков и монастырей, отказывались от работ, от насильственного крещения и т. д.

Еще в 40-е годы восставшие мордвинцы Терюшевской волости Нижегородского уезда оказали сопротивление насильственному крещению. Движение поддержали мордовские и русские крестьяне этого и ряда соседних уездов, беглые солдаты, бурлаки, рабочие люди из «разбойных шаек», действовавших по Волге, Оке и Суре. В рядах вос-

<sup>18</sup> П. К. Алефиренко. Чумной бунт в Москве в 1771 г.— «Вопросы истории», 1947, № 4.

ставших насчитывалось до 6 тыс. чел., они громили отдельные воинские команды. Власти выслали крупные военные силы, которые подавили движение. В 1755 г. происходит восстание в Башкирии.

В 60-е годы не раз восставали чувашские крестьяне, монастырские и помещичьи. В связи с мобилизациями в 1771 г. волновались башкиры, в следующем году среди них, по словам оренбургского губернатора И. А. Рейнсдорпа, созревает «замысел... к бунту». Поднимаются на борьбу крестьяне-удмурты, приписанные к заводам.

Классовая борьба 50-х — начала 70-х годов по существу явилась прелюдией к Крестьянской войне под предводительством Е. И. Пугачева. В антифеодальных выступлениях этих десятилетий приняли участие те слои угнетенного населения, которые стали движущими силами во времена Пугачева. Волнения и восстания, предшествующие Крестьянской войне, отмечены локальностью и стихийностью, неорганизованностью и царистскими иллюзиями их участников. Но в то же время заметны и очень важные моменты — стремление к объединению сил и взаимопомощи повстанцев из разных мест, восставших и окрестного населения, элементы организации (выборы представителей в органы своей власти — мирские или станичные избы, разделение сил на отряды, их вооружение, устройство укреплений и засад, караулов и разъездов, разведка и т. д.), стойкость и упорство в борьбе за свои интересы против феодалов, заводовладельцев. Работные люди в ходе выступлений применяли своего рода стачки против хозяев мануфактур; их требования в ряде случаев имеют специфические «рабочие» черты; это свидетельствовало о том, что формируется пролетариат, начинающий заявлять о своих правах и нуждах.

Все эти важные черты, но в гораздо большем объеме, в более сильном «звучании», проявились в годы Крестьянской войны 70-х годов.

## ВОССТАНИЕ НА ЯИКЕ

Предыдущие три крестьянские войны начинались на окраинах России: первая — на юго-западных (правда, первые вспышки борьбы появились в Подмоскovie, особенно в западном), вторая и третья — на Дону. Причем



различие между ними состояло в том, что первая охватила не только эти окраины, но и самый центр Европейской России, где восставшие держали в осаде даже столицу государства, а вторая и третья — в той или иной степени приближались к этому центру. Здесь сказалась возросшая мощь централизованной государственной власти феодалов в эпоху формирования российского абсолютизма. Процесс еще большего возрастания этой мощи, укрепления позиций дворянства в XVIII в. имел своим следствием дальнейшее смещение первоначального очага Крестьянской войны на восток — на этот раз в пределы Яицкого казачьего войска.

Яицкие казаки, как и другие казаки русских окраин, являлись выходцами из социальных низов центральных и других областей страны — из крестьян и дворовых людей, городских жителей и работных людей, мелких служилых, бурлаков и ярыжек и т. д. На окраины страны беглецы приносили порядки и настроения крестьянского мира или посадской общины. Вольные казачьи порядки с кругами-сходками и выборными властями, несмотря на то, что они развивали традиции мирского крестьянского самоуправления, отличались от них одним (но не единственным) важным пунктом — отсутствием власти феодала, барина. И это обстоятельство так сильно притягивало взоры и помыслы угнетенных всей России, что в годы классовых столкновений они стремились установить у себя, в своей деревне или волости, порядки по «казачьему обычаю», называли себя казаками и надевали казацкое платье.

Правда, на казачьи вольности, сложившиеся исстари, наступали царская власть и российские феодалы. В среде самих казаков выделялись богатая верхушка и голытьба, голь перекатная, развивались имущественное неравенство, эксплуатация бедноты «прожиточными» казаками, старшиной, превращавшейся с течением времени в феодализирующуюся верхушку. Однако положение казаков все же намного отличалось в лучшую сторону от положения русских крепостных и других угнетенных. Поэтому казацкий строй был идеалом в глазах всех, кого притесняли и обирали дворяне и чиновники.

Казачество, трудившееся и боровшееся с врагами, внешними и внутренними, в обстановке постоянной военной опасности, обладало замечательными военными качествами — смелостью и неустрашимостью, инициативно-

стью и свободолюбием. Важнейшее значение имели военная организация казаков, профессиональные навыки, боевой опыт, наконец, их связь с теми народными массами, из которых они вышли и к которым принадлежали. Кроме того, они были сравнительно хорошо вооружены.

Положение казачьих областей в XVIII в. было неодинаковым. Запорожская Сечь доживала последние годы — ее уничтожение совпадает во времени с поражением последней Крестьянской войны. На Дону царская власть навела порядок по-своему: казацкую старшину она превращала в дворян и чиновников, наделяя соответствующими правами и привилегиями рядовых казаков — освободили от подушной подати и обязали к военной службе, причем в их ряды зачисляли только «прожиточных», а остальных к таковым не относили и облагали податью. Так создавалось привилегированное сословие донских казаков, отделяемых от остального трудового населения, будущих «иногородних», «мужиков»; появлялись условия для разжигания розни между ними и использования в будущем казаков в качестве полицейской силы, душителей народных движений.

Это наступление царизма на казачьи области затронуло в XVIII в. и «Яик — золотое допышко с серебряной крышечкой», как говорили и пели о своей реке яицкие казаки. С беспокойством и недовольством следили они за тем, как власти лишают их старинных прав. Ловлю рыбы и добычу соли власти объявили монополией государства. Войскового атамана назначало правительство, а не избирал круг. Всеми делами Яицкого казачьего войска ведала петербургская Военная коллегия. Судили казаков царские чиновники. Тяжелой была служба в пограничной линии по Яику, на которой, т. е. на территории Яицкого казачьего войска, возводились города и крепости. Центром этой укрепленной линии был Оренбург.

В яицком казачестве выделялась старшина. Ее представители эксплуатировали труд казаков — бедняков и всякого беглого люда, получали чины офицеров, богатели; они владели крепостными — челядью. «Послушной стороне», т. е. войсковой верхушке, противостояла «непослушная стороца» — рядовые казаки «войсковой руки». Злоупотребления яицкой старшины во главе с атаманом А. Бородиным, связанные с откупом у казны рыбных промыслов, доходов с таможен, вина, продажи солевой ры-



бы, привели к посылке на Яик в 60-е годы ряда комиссий. По решению властей Бородина сместили. Однако злоупотребления не прекращались.

Новый атаман Тамбовцев (с 1767 г.) продолжал курс на защиту интересов яицкой старшины. Служебные тяготы и притеснения привели к новому недовольству «непослушной стороны». Казаки посылают в Петербург челобитчиков с жалобами. Но их преследовали, подвергали арестам.

30 декабря 1771 г. на Яике появилась очередная комиссия, целью которой, как и предыдущих, было приведение казаков к послушанию. Ее возглавлял генерал-майор Траубенберг. По его приказу наказали и отправили в Оренбург семерых казаков, особенно решительно отказывавшихся ехать на службу (предполагалась посылка яицких казаков в Кизляр). Но отряд казаков напал на конвой, сопровождавший арестованных, и отбил шестерых из них. Казаки покидают Яицкий городок и разъезжаются по хуторам.

10 января следующего года из Петербурга возвратились челобитчики — сотник И. Кирпичников и еще 16 казаков. Они находились там с июня 1771 г., но не добились ничего. Встретившей его толпе казаков (до полутысячи человек) глава делегации предложил: «Если старшин не отрешат, положенного штрафа не взыщут и войско жалованьем не удовлетворят, то поступим воинским отпором». Казаки выразили согласие.

Траубенберг и старшина попытались арестовать Кирпичникова, но это им не удалось. Казаки войсковой стороны 13 января собираются на Кабанкиной улице у дома Толкачева. Их вожаки — М. Шигаев, А. Перфильев и И. Кирпичников — пытались вступить в переговоры с капитаном Дурново, членом комиссии. Но в ответ каратели Траубенберга открыли огонь из пушек. Более ста казаков было убито, многих ранили. Но другие казаки бросились к пушкам, захватили их и повернули против солдат. Восставшие открыли огонь из пушек, из ружей, затем пошли в атаку. Каратели были разгромлены, от рук восставших погибли Траубенберг, атаман Тамбовцев, ряд старшин, Дурново тяжело ранили. Восставшие разгромили старшинские дома и уничтожили делопроизводство комиссии.

14 января по приговору войскового круга казнили еще некоторых старшин. Восставшие конфискуют деньги, ору-

жне, сено у богатых казаков, отпускают на волю крепостных казаков. А в казаки записывают немало рабочих людей и других жителей неказацкого происхождения. На командные старшинские должности в форпосты по нижнему Яику назначают представителей «непослушной стороны».

Казаки-повстанцы направили в Петербург челобитную императрице, доказывая, что во всем происшедшем виноваты Траубенберг и яицкая старшина, а они только оборонялись. А в конце мая власти послали из Оренбурга в Яицкий городок войска генерала Фреймана. Назревала серьезная угроза. На круге 28 мая многие казаки предлагали дать вооруженный отпор Фрейману, а затем, если они одержат верх, всем казачьим войскам идти в Россию, «захватя все воинское оружие», и «возмутить помещичьих людей на побег и принимать их в свое войско». Таким образом, яицкие повстанцы, среди которых было немало будущих пугачевцев, планировали сделать то же самое, что поставили своей целью в следующем году Е. И. Пугачев и его сподвижники.

Между тем правительственные войска приближались. 3 июня у реки Ембулатовки превосходящие силы заставили казаков отступить. Этому способствовала измена «согласной стороны», старшин. 8 июня каратели вступили в городок. Начались аресты и расправы. Войсковой круг и войсковую канцелярию ликвидировали.

После следствия 85 казаков, наиболее активно проявивших себя в январском восстании, жестоко наказали и сослали в Сибирь. На остальных повстанцев наложили огромный штраф. Им запретили выезд из города, в их дома поставили солдат для присмотра.

Но казаки не смирились, а только на время притихли. Они готовились к новому восстанию, чтобы отомстить своим недругам, виновным в их мучениях и страданиях, и осуществить те еще не совсем ясные и отчетливые планы, о которых говорили многие из них на майском круге в Яицком городке. Новое выступление начинается в следующем году.



## ПУГАЧЕВ ДО КРЕСТЬЯНСКОЙ ВОЙНЫ

В 1773 г. яицкие казаки снова поднялись на борьбу, на этот раз еще более решительную. Их возглавил Емельян Иванович Пугачев, казак с Дона, принявший имя императора Петра III, мужа императрицы Екатерины II, получившей в 1762 г. престол в результате дворцового заговора и расправы с незадачливым голштинцем — ничтожным внуком великого деда Петра I.

Самозванчество было довольно распространенным элементом классовой борьбы. В 60 — начале 70-х годов пять самозванцев принимали имя Петра III, в их числе — беглый крепостной крестьянин Федот Богомолов, который действовал в районе Царицына на Волге в марте — июне 1772 г., т. е. накануне выступления Е. И. Пугачева.

Пугачев, этот незаурядный человек, выходец из рядовых донских казаков, неграмотный, но бывалый и храбрый, встал во главе грандиозной Крестьянской войны и в течение двух лет вел за собой огромные массы людей, свято веривших в начатое ими и их предводителем дело освобождения от господской кабалы. В ряды пугачевской армии вступали многие повстанцы 50-х — начала 70-х годов, в том числе яицкие казаки — участники восстания 1772 г., которое по существу следует считать первой искрой четвертой Крестьянской войны в России.

На глазах Е. И. Пугачева усиливались крепостной гнет и притеснения простых людей всей России, происходили их выступления против извечных «внутренних врагов». Он сам многое видел и испытал. Детство и юность Пугачева протекали на Дону в вольнолюбивой среде храбрецов и рубак, искусно владевших саблей и копьём, замечательных наездников, выпослевых воинов.

Емельян Иванович Пугачев родился примерно в 1742 г. в станице Зимовейской. Пугачевы истари были казаками, возможно выходцами с Украины (прозвище его деда Пугач идет, вероятно, от украинского слова «пугач» — филин).

Как и у всех «простых казаков» (так назвал себя и своих родственников сам Пугачев), его детство и юность прошли в бедности и непрерывном труде — он, помогая отцу, еще мальчиком пахал и боронил землю. Лет 18-ти молодой казак женился. Вскоре в составе команды донцов он принимает участие в Семилетней войне с прусским королем

Фридрихом II в составе войск графа З. Г. Чернышева, имя которого впоследствии будет носить один из сподвижников Пугачева во время Крестьянской войны. Служит он под началом полковника И. Ф. Денисова, который, оценив его за «отличную проворность», делает ординарцем. Но, как скажет позднее А. С. Грибоедов, «минуй нас пуще всех печалей и барский гнев и барская любовь». Однажды в перазберихе ночного боя ординарец упустил одну из лошадей начальника, и тот не замедлил жестоко его наказывать: Пугачева бьют «нещадно плетью». Во время войны он побывал в Польше, участвовал во многих сражениях.

Смерть императрицы Елизаветы и воцарение Петра III, горячего поклонника Фридриха II и прусской муштры, быстро изменили обстановку — война против Пруссии прекратилась. Пугачев в 1762 г. приезжает в отчий дом. Года через полтора его снова посылают в составе казачьей команды в Польшу. На этот раз донцы занимаются возвращением в Россию беглецов-староверов; он имел возможность убедиться в тяжелой участи людей, подвергавшихся преследованиям церкви и правительства по религиозным мотивам.

В русско-турецкой войне 1768—1774 гг. Пугачев за храбрость получает чин хорунжего — младший офицерский чин у казаков. Его команда находилась в составе войск П. И. Панина — будущего душителя Крестьянской войны.

Из-за болезни Пугачева отпускают домой. Его свободолюбивая и храбрая, упорная и настойчивая натура не может вытерпеть спокойной жизни и бедности, тяжелой службы и несправия. К тому же он отличается определенным честолюбием — стремлением, как говорил он сам, «произвесть себя отличным от других». Однажды во время русско-турецкой войны Пугачев, показывая в кругу товарищей свою замечательную саблю, старался уверить их, что она подарена ему не кем иным, как самим Петром Великим (умершим более чем за полтора десятилетия до его рождения!), который к тому же был-де его крестным отцом!

Поиски лучшей доли, свободной жизни и воли, приводят молодого и беспокойного казака к решению бежать с Дона на Терек. Побег и аресты приводят к тому, что в глазах властей он становится бунтарем, т. е. человеком очень опасным.



1772 год застаёт беглеца Пугачева среди староверов сначала на Украине, затем в Белоруссии, в Ветке — известном раскольничьем центре. Здесь на Добрянском форпосте Пугачев узнаёт о том, что «помутился», т. е. восстал, Яик, что казаки там «бунтовали и убили генерала».

Вскоре Пугачев перебирается в Поволжье к раскольникам. Он собирается ехать на Яик, чтобы предложить тамошним казакам уйти на Кубань, принадлежавшую тогда Турции. На Яике в те дни власти вели жестокое следствие о недавнем «бунте». Филарет, старообрядческий игумен в Мечетной слободе (пыне гор. Пугачев Саратовской области), поддержал его: «Яицким казакам великое разорение», «они... с тобой с радостью пойдут».

Действительно, яицкие казаки охотно откликнулись на предложение Пугачева. Но их волновало и другое: по Яику распространились слухи о том, что в Царицыне «объявился» государь Петр Федорович; на самом деле это был очередной самозванец — Федот Богомолов, беглый крестьянин, вскоре схваченный властями. Пугачев знал о Богомолове-«Петре» и его аресте. В разговоре с одним из яицких казаков, Пьяновым, Пугачев утверждает, что он, Пугачев, и является чудесно спасшимся от смерти «государем». Вскоре его снова арестовывают по доносу случайного полутчика. Он в январе 1773 г. очутился в казанской тюрьме, но вскоре, 29 мая того же года, опять, уже в четвертый раз в своей короткой жизни, бежит из-под стражи, перебирается на Яик.

В сознании Пугачева происходит заметный перелом. Неясные и беспокойные мечты о свободной жизни и вольной земле где-то за рубежами родной земли — будь то на Кубани или Тереке, в Ветке или Бессарабии — сменяются твердым решением начать борьбу за свободу и волю в самой России, где «чернь бедная терпит великие обиды и разорения». С помощью бедного люда и для него он бросает вызов всему строю эксплуатации, насилия и лжи с тем, чтобы сбросить ненавистные цепи угнетения.

Современники рисуют образ Пугачева той поры. Молодой еще человек 30-ти лет с небольшим, среднего роста, коренастый и широкоплечий, русоволосый и смуглый, с черной с проседью бородой, умным и быстрым взглядом темно-карих глаз, он поражал окружающих живостью и решительностью, смелостью и паходчивостью, живым воображением и выдумкой.

Второй раз на Яике Пугачев появился уже под именем «государя Петра Федоровича», «третьего императора». Правда, от первых сторонников, которые пошли за ним, Пугачев не скрыл, что он простой донской казак и скиталец, укрывающийся от властей. Но их это не смутило — главное состояло в том, что нашелся человек, который возглавит борьбу за их вольность, за их права. Но в дальнейшем Пугачев уже выступал в роли «государя», и яицкие казаки, присоединявшиеся к нему, приносили ему присягу, целовали руку. А сам «Петр III» в первых манифестах и указах жалует их вольностью и землями, лугами и угодьями, жалованьем и хлебом, порохом и свинцом. Вызов был брошен. Крестьянская война вступала в решающую стадию.

#### НА ОРЕНБУРГ!

Пугачев на встрече с казаками, которая произошла на умете (постоянном дворе) Ереминой Курицы, как звали отставного солдата Степана Оболяева, долго рассказывал о своем прошлом: о том, как 12 лет скрывался от «государыни и бояр», возненавидевших его, побывал во многих местах России, заметил, что народ везде разорен и терпит много обид. По просьбе одного из участников встречи Пугачев показал им «царские знаки» — рапы, полученные во время сражений в составе царской армии. Все это произвело на яицких казаков сильное впечатление. Некоторые потом рассказывали, что на них напал такой страх, что затряслись руки и ноги:

— Что это там, батюшка, орел что ли? — спросил Пугачева М. Г. Шигаев, показывая на височный шрам.

— Не орел, а царский герб, — услышал он в ответ.

— Все цари с таким знаком рождаются или это после божьим изволением делается?

— Не ваше дело, мои други, простым людям этого ведать не подобает.

После рассказа казаков о своем тяжелом житье-бытье Пугачев им посочувствовал и обещал восстановить все потерянные права и вольности. Хотя многие из них знали, что новообъявившийся «настоящий царь пастырь», пришедший к ним, — не Петр III, а донской казак Пугачев, однако они твердо решили «неотменно принять в войско



сего проявившегося государя, хотя бы он подлинной или неподлинной был». Д. Караваев в разговоре с И. Н. Зарубиным-Чикой сказал по этому поводу: «Пусть это де не государь, а донской казак, и вместо государя за нас заступит, нам де все равно, лишь быть в добре»<sup>19</sup>. Еще более ясно эту мысль выразил М. Горшков: «По многим советованиям и разговорам приметили в нем (Пугачеве.— В. Б.) проворство и способность, вздумали взять его под свое защищение и его сделать над собою властелином и восстановителем своих притесненных и почти упавших обрядов и обычаев, которые правительство давно старается у нас перемешать введением к нам нового какого-то штата на основании военном, чего они (яицкие казаки.— В. Б.) никогда не хотели принять. И хотя по бывшим у нас на Яике происшествиям принуждены мы остаться без всякого удовлетворения, а как, может быть, думают, в спокойном духе, однако же искра злобы за такую несправедливость всегда у нас скрывалась до тех пор, пока изобрели удобный к тому случай и время. Итак, для сих-то самых причин вздумали мы назвать сего Пугачева покойным государем Петром Федоровичем, дабы он нам восстановил все наши прежние обряды, какие до сего были, а бояр, которые больше всего в сем деле умничают и нас разоряют, всех истребить, надеясь и на то, что сие наше предприятие будет подкреплено и сила наша умножится от черного народа, который также весь от господ притеснен и вконец разорен»<sup>20</sup>.

Таким образом, яицкие казаки, объединяясь вокруг Пугачева, выступали за свои права и вольности, уничтоженные властями, и понимали, что им предстоит беспощадная борьба с дворянами, в которой должен принять активное участие «черный народ», т. е. в первую очередь крепостное крестьянство. Эти замыслы, вынашивавшиеся еще во время восстания 1772 г., теперь начали осуществляться.

Пугачев, перебираясь с места на место, ночью 15 сентября остановился на хуторе братьев Толкачевых в 100 верстах от Яика. К нему съехались до 60 казаков, татар и калмыков. Днем все вышли в круг, и «Петр III» обратился к ним с речью:

<sup>19</sup> Крестьянская война в России в 1773—1775 годах. Восстание Пугачева, т. II, Л., 1966, стр. 94.

<sup>20</sup> Х. И. Муратов. Крестьянская война 1773—1775 гг. в России. М., 1954, стр. 32.

«Я точно государь, и послужите мне верою и правдою, на это жалую вас реками, морями и травами, денежным жалованьем, хлебом, свинцом и порохом и всею вольностью. Я знаю, что вы все избужены, и лишают вас всей вашей привилегии и всю вашу вольность истребляют, а, напротив того, бог вручает мне царство по-прежнему, то и намерен вашу вольность восстановить и дать вам благоденствие».

И. Я. Почиталин, ставший первым писарем у Пугачева, прочитал первый из серии знаменитых манифестов осени-зимы 1773/74 г. Все они развивают мысли, которые высказал Пугачев в своей речи и во время предшествующих ей разговоров с яицкими казаками — участниками первых знакомств и совещаний. Речь шла о вещах простых и очень важных, причем не только для одних яицких казаков, но и для всех простых людей, в первую очередь крестьян — об освобождении от крепостной неволи, барских работ и государственных налогов и повинностей, прекращении насилий царских чиновников и воинских команд, свободе вероисповедания (жалование «крестом и бородой»), возвращении попранных прав и вольностей. Именно так понимали призывы пугачевских манифестов все угнетенные юго-востока России, где разгоралось пламя восстания. Нет ничего необычного в том, что и первый манифест, названный Пушкиным «удивительным образцом народного красноречия, хотя и безграмотного», и другие, за ним последовавшие, быстро находили путь к сердцам простых людей. Они отвечали их самым сокровенным чаяниям и мечтам.

— Што, хорошо ль? — спросил Пугачев первых слушателей первого манифеста.

— Хорошо, и мы слышали и служить тебе готовы! — отвечали они хором<sup>21</sup>.

Пугачев, немало повидавший на своем коротком веку и убедившийся в крайнем недовольстве широких слоев подневольного люда своим положением, был уверен в его поддержке тому правому делу, которое он начинал. Одному из яицких казаков он сказал: «Я думаю, ко мне много пристанет. Во всей Руси чернь бедная терпит великие обиды и разорения, для нее-то хочу теперь показаться, и она

<sup>21</sup> Пугачевщина, т. I. М.—Л., 1926, стр. 25; «Красный Архив», 1935, № 2—3 (69—70), стр. 189; Крестьянская война в России в 1773—1775 годах. Восстание Пугачева, т. II, стр. 102—103.



вся ко мне пристанет». И чернь и казаки «обижены», «так я хочу, — говорил он, — за вас вступиться и удовольствоваться»<sup>22</sup>.

18 сентября отряд Пугачева, увеличившийся до 200 человек (казаки, татары, калмыки), был уже в Бударинском форпосте в пяти верстах от Яика. На пути к нему приехал посланец хапа казахского Малого жуза Нур-Али (Нуралы) с подарками. Пугачев послал хану письмо с просьбой о присылке помощи.

Пугачев направился к Яицкому городку — столице Яицкого казачьего войска. Впереди ехали знаменосцы, за ними предводитель и остальные повстанцы. Из Яика выходят навстречу Пугачеву воинские отряды, один из которых возглавлял капитан А. Крылов — отец будущего великого баснописца И. А. Крылова. Однако отряды в полном составе или частично переходят на сторону повстанцев. Среди них — А. Витошинов, М. Г. Шигаев — будущие активные сподвижники Пугачева.

У Пугачева имелось уже до 400—500 повстанцев, но не было ни одной пушки. Яицкий же гарнизон насчитывал до 1000 чел., имел пушки, и Пугачев после неудачного штурма верпо решил здесь не задерживаться. Его отряд обошел Яицкий городок и направился вверх по реке, по линии крепостей и форпостов. Целью похода был захват укреплений, увеличение сил и выход к Оренбургу — центру пограничной линии юго-востока, опорному пункту правительственных войск и средоточию ненавистного господства властей и феодалов во всем обширном Оренбургском крае.

Отойдя верст с 20, повстанцы на круге избрали атаманом А. А. Овчинникова, Д. Лысова — полковником, А. Витошинова — есаулом, а также сотников и хорунжих. Пленный сержант Д. Кальминский, первый дворянин на службе у повстанцев, написал текст присяги, которую приняли все пугачевцы, а потом принимали и все другие повстанцы. Отряд разбили на сотни и десятки.

Пугачев стремительно двигался вверх по Яику. Гарнизоны форпостов и крепостей переходили на его сторону. Утром 21 сентября с хлебом и солью, с развернутыми знаменами встретили Пугачева жители Илецка, а его гарни-

<sup>22</sup> Х. И. Мурагов. Крестьянская война 1773—1775 гг. в России, стр. 35; Крестьянская война в России в 1773—1775 годах. Восстание Пугачева, т. II, стр. 95.

вон из 300 казаков с 13 пушками полностью влился в повстанческое войско.

То же происходило и в других местах: 27 сентября Пугачев штурмом овладел сильной Татищевой крепостью — центром Яицкой укрепленной линии. Почти весь тысячный гарнизон влился в повстанческое войско, которое овладело к тому же складами амуниции, продовольствия, денежной казной, артиллерией (13 пушек) с припасами. В числе тех, кто перешел к Пугачеву, был сотник Т. И. Подуров с отрядом оренбургских казаков.

На всем пути следования Пугачев и повстанцы расправлялись с теми, кто оказывал им сопротивление, — царскими офицерами и их прихвостнями, казацкими старшинами. Предводитель, призывая простой народ под свои знамена, обещал им избавление от гнета дворян и передачу их земель крестьянам. Правда, поначалу он планировал дать дворянам какую-то компенсацию. Так, во время молебна 21 сентября в Илецком городке, в который он только что вступил, Пугачев заявил: «А у бояр де села и деревни отберу, а буду жаловать их деньгами». Несомненно, земли, отобранные у дворян («бояр»), он хотел бы передать крестьянам. Об этом намерении Пугачев и пугачевцы еще более ясно заявляли не раз некоторое время спустя, причем пункт о «жаловании» дворян деньгами сменился другим — их поголовном истреблении повстанцами.

Пугачев приближался к Оренбургу. Его власти во главе с губернатором И. А. Рейнсдорном принимают срочные меры по укреплению обороны города — приводят в порядок крепостные бастионы и валы, усиливают гарнизон. Посылают против Пугачева новые и новые отряды, но без успеха — 500 башкир переходят на его сторону, а 300 сеитовских татар возвращаются в свою Сеитовскую слободу (Каргалы). Жители последней вскоре с честью принимают «Петра III» — 1 октября на большой площади расстилают ковер, на кресло, изображающее трон, двое татар усаживают Пугачева, держа его с почтением под руки. Все падают ниц перед «императором». На следующий день то же самое повторилось в Сакмарском городке. Все они, татары и казаки, «к нему пристали» и впоследствии были с ним «безотлучны».

Пугачев рассылает во все стороны именные указы. Они адресованы казакам и солдатам, татарам и башкирам, казахам и калмыкам, а затем крестьянам и работным



людям. Они написаны на русском и татарском, арабском и турецком языках. Сотни агитаторов-пугачевцев распространяют их в обширном районе от Урала до Волги, от Яика до Башкирии. Указы поднимают на борьбу огромные массы угнетенных.

Рейнсдорп пытается противопоставить пугачевским призывам свои обращения к жителям края, изобличает Пугачева как самозванца. Но никто ему не верит. Он подсылает к Пугачеву А. Т. Соколова-Хлопушу, оренбургского каторжника, в прошлом тверского крепостного крестьянина и уральского рабочего человека, который получает задание — уговорить казаков отстать от Пугачева, а его самого «свесть... в город Оренбург», т. е. захватить и выдать властям. Но Хлопуша обо всем рассказал Пугачеву и перешел на его сторону. От Пугачева Хлопуша получил чин полковника и вскоре стал одним из руководителей движения.

В ночь с 5 на 6 октября повстанцы подошли к Оренбургу, у Пугачева к этому времени насчитывалось около 3 тыс. повстанцев при 20 пушках. Противник имел более 3,5 тыс. воинов и 70 пушек.

Сразу же началась осада Оренбурга, сильной по тем временам крепости, продолжавшаяся до конца марта следующего года, т. е. почти полгода. Уже 6 октября пугачевцы предпринимают штурм. Ядра повстанческих пушек ложатся в самом центре города. В ночь с 7 на 8 октября осажденные отбивают атаку повстанцев на крепость. Паника охватывает жителей города и гарнизон, даже офицеры отказываются участвовать в вылазках против повстанцев. Рейнсдорп пишет 9 октября в Петербург президенту Военной коллегии фельдмаршалу графу З. Г. Чернышеву: «Регулярная армия в 10 тысяч человек не испугала бы меня, но один изменник с тремя тысячами бунтовщиков заставляет дрожать весь Оренбург... Этот злодей... отнял у подчиненных мне офицеров почти все мужество...»<sup>23</sup>. Он просил срочно прислать помощь.

Все же 12 октября вылазка состоялась. Но отряд майора Наумова, потеряв более 120 чел. убитыми и ранеными, пленными и перешедшими к повстанцам, отступил в город. Пугачев и его сподвижники с помощью хорошо организованной разведки заранее узнали о готовящейся акции

<sup>23</sup> *Х. И. Муратов. Крестьянская война 1773—1775 гг. в России*, стр. 44.

и сумели хорошо подготовиться к отпору. Они скрытно расположились в буераках и долинах, обстреливали врага из пушек.

Через 10 дней пугачевцы сами пошли на штурм. Сильный огонь из батарей пробил брешь в крепостных стенах, и восставшие ворвались в город и на валы. Непрерывная канонада сотрясала воздух. Но вскоре и эта атака была отбита.

Необходимость осады Оренбурга диктовалась для Пугачева всем ходом развития движения на первом его этапе. Он стремился овладеть этим центром господства и угнетения местного населения. Пугачев не мог не учитывать настроения яицких казаков и других своих сторонников, которые пошли за ним в первые месяцы Крестьянской войны. Кроме того, овладение крепостями по Яику во главе с Оренбургом, по мысли повстанцев, должно было усилить их войско новыми воинами, артиллерией, припасами, обеспечить им тыл для дальнейшего продвижения в центр страны — к Москве и Петербургу. А именно такие замыслы вынашивал Пугачев, не раз заявлявший о том, что он пойдет туда и «примет царство».

В ходе дальнейшей осады происходили частые стычки, причем инициатива в боевых действиях принадлежала повстанцам. Пугачев стремился овладеть Оренбургом до прихода подкреплений, которые уже направлялись к нему из центра страны, из крепостей и городов Верхне-Яицкой дистанции и Симбирской губернии. Они приближались к крепости, чтобы взять ее, нападали на высылаемых из нее фуражиров, сжимали кольцо блокады. Со всех сторон в лагерь повстанцев, располагавшийся между Бердской слободой (здесь находился Пугачев со своим штабом) и Маяцкой горой, шли новые отряды повстанцев — русские крестьяне и работные люди, башкиры и татары, калмыки и казахи. С уральских заводов везли пушки и припасы к ним.

Очередной штурм начался 2 ноября. Повстанцы во главе с самим Пугачевым, показывавшим пример неустрашимой храбрости, ворвались на городской вал, несмотря на огонь из крепостных орудий. Завязалась рукопашная схватка, ружейный огонь достиг неслыханной силы. Увлечшись боем, Пугачев не заметил хитрый маневр врага — егерская команда по приказу Рейнсдорпа зашла в тыл и открыла ураганный огонь по восставшим, а с фронта на-



чалась штыковая атака осажденных. Повстанцы отступили, Пугачев едва не попал в плен.

Бесстрашие и храбрость пугачевцев поразили даже оренбургских военачальников. Они отмечали, что «как ни сильно было означенное по 22 число октября злодейское устремление к городу (т. е. штурмы, предпринимавшиеся в течение октября. — В. В.), по сего 2 числа ноября произведенное ими несравненно было сильнее и отважнее»<sup>24</sup>.

Вскоре после этого сражения Пугачев с войском перебирается в Бердскую слободу. Здесь размещается он сам в доме Ситникова, который именуют «дворцом государевым», при нем постоянный дежурный — яицкий казак Я. Давилин, на крыльце — караул («гвардия») из 25 яицких казаков. Повстанцев расселяют в домах и сараях, они роют землянки. Если не происходило боевых действий, проводились военные учения: стреляли из пушек и ружей, учились верховой езде. Здесь же 6 ноября Пугачев и его ближайшие сподвижники создают Военную коллегия — высший орган управления военными и гражданскими делами на территории, охваченной Крестьянской войной.

С самого начала осады Пугачев рассылает во все стороны указы и манифесты. Его призывы, направляемые в Оренбург, естественно, не встречают отклик. Совсем другой прием они встречают у простолюдиа Приволжья и Прикамья, Приуралья и Зауралья. Эти местности активно включаются в борьбу. Обещания земли и воли, призывы к расправам с дворянами и чиновниками, всеми народными притеснителями и недоброхотами с воодушевлением воспринимались черным людом, русским и нерусским.

Большие размеры приняла борьба в Башкирии. На стороне Пугачева и общего народного дела здесь выступали башкиры и русские, татары и менщеряки (мишари), калмыки и другие народности. Несомненно, главенствующую роль играли в этом районе башкиры. Уже в октябре Пугачев направляет своих представителей с манифестами к нерусскому населению Башкирии; их велели распространять в копиях по всем городам и крепостям, селам и деревням, перекресткам и улицам. Местная царская администрация тоже рассылала приказы, письма и инструкции по всей Башкирии. Происходила настоящая борьба двух лагерей за умы людей.

<sup>24</sup> Крестьянская война в России в 1773—1775 годах. Восстание Пугачева, т. II, стр. 133.

Известно, что одним из составителей писем к башкирам был ближайший пугачевский сподвижник Кинзя Арсланов; своего сына Сюлявчина он посылал с манифестами в родную Башкирию.

Пугачевские манифесты обещают поселению Башкирии те же пожалования «землями, водами, лесами, рыбными ловлями, жилищами, покосами и с морями, хлебом, верою и законом вашим, посевом, телом, пропитанием, рубашками, жалованьем... словом, всем тем, что вы желаете во всю жизнь вашу. И бутте подобными степным зверям». В других случаях имеются пункты о пожаловании солью (башкиры и мишари с 1754 г. обязаны были в принудительном порядке покупать ее по высокой цене), освобождении колодников. Тем, кто будет препятствовать осуществлению этих пожалований воли, свободы вероисповедания и т. д., в пугачевских манифестах приказывалось «головы рубить и кровь проливать, чтоб было детям их в предосторожность».

Тысячи башкир организуются в повстанческие отряды и ведут борьбу с царскими силами. Многие сотни башкир пришли под Оренбург к Пугачеву во главе с Еман Сарамом (Ямансары Япаровым), Кипзей Арслановым. Особенно активную роль играл Кинзя Арсланов — старшина Бушмас-Кипчакской волости, человек грамотный, хорошо знавший русский язык. Он стал ближайшим сподвижником Пугачева, его полковником, членом штаба при нем, ведал всеми повстанческими отрядами и их действиями в Башкирии. Полковником стал и его сын Сляусин (Сюлявчин). Кинзя развернул агитацию в Башкирии, призывая ее население к восстанию. По словам генерала Кара, «разсеяние во всю Башкирию злодейских возмутительных писем» от Арсланова привело к тому, что башкиры находятся «в великой колеблемости». Они не исполняли распоряжения и приказы царских властей. Тех людей из числа башкирских старшин, которых власти посылали для уговоров, повстанцы убивали. Такая участь постигла, например, старшину Юсупа Шарина, которого вместе с 12-ю другими они поймали и повесили. Башкиры всячески противились вербовке в карательные отряды, направляемые против пугачевцев; мишарского старшину Мендея Тупсева, преданного правительству, башкиры за попытки выполнить подобное поручение хотели отвести «в злодейскую толпу», т. е. в армию Пугачева, но старшина спасся бег-



ством. Те отряды, которые удалось послать против Пугачева, переходили на его сторону.

Все это происходило во второй половине сентября — начале октября. Рейнсдорн, убедившись в провале попыток мобилизации башкир и других нерусских людей с помощью местных старшин, поручает это дело представителям русской администрации. Он требует собрать 5 тыс. башкир. Выполнялось это указание плохо и медленно, часть собранных башкир перебежали к повстанцам. В сентябре — октябре наиболее активное участие в борьбе на стороне повстанцев приняло население южной части Башкирии (так называемой Ногайской дороги), основная же масса башкирского населения, не поддерживая мероприятия властей, дожидалась дальнейшего развития событий.

«Генеральное колебание», по словам того же Рейнсдорна, охватило и казахов, кочевавших в степях за Яиком. Они нападали на пограничные крепости, участвовали в осаде Оренбурга (здесь их находилось до 2 тыс. чел.). В ноябре 1773 г. казахи Младшего жуза начали перекочевку на западную сторону Яика, что им ранее запрещалось; теперь же они воспользовались пожалованиями обращенных к ним манифестов «Петра Федоровича». Переходят к повстанцам и казахи Среднего жуза. Они совершают набеги на укрепленные пункты Сибирской пограничной линии.

Казахи-бедняки сочувствовали повстанцам Пугачева и приходили ему на помощь, когда это было возможно. Казахские же ханы Нуралы, Дусалы и другие, лавируя между двумя лагерями, уклонялись от реальной поддержки Пугачеву и откочевывали в степь по мере усиления классово-борьбы в Оренбуржье. Нередко рядовые казахи не подчинялись своим феодалам, оставались на месте и продолжали беспокоить пограничные крепости и форпосты, нападать на царские военные команды.

Манифесты и своих представителей Пугачев посылал не только в Башкирию (туда он отправил 30 башкир) и в казахские степи. Соколов-Хлопуша поехал на Авзяно-Петровский завод, М. Шигаев — вверх по Яику, Д. Лысов — на Волгу к ставропольским калмыкам. Отовсюду шли отряды и подводы с продовольствием и вооружением. Старшина Ф. И. Дербетев привел 300 ставропольских калмыков, черемисин Мендей — 500 человек, башкир Альвей — столько же. С Авзяно-Петровского завода прибыли

500 рабочих людей, привезли 6 орудий, два пуда пороху, много денег и продовольствия. Вооружение и помощь поступали и из других заводов. Повстанческие отряды, действовавшие на местах, захватывали крепости и заводы, города и селения.

14 октября правительство в Петербурге получило известия об «оренбургских замешательствах». Слухи о восстании быстро распространяются по стране. Публично провозглашая по поводу «глухой казацкой истории» и «маркиза Пугачева», императрица принимает тем не менее спешные и серьезные меры. Усиливаются меры охраны — правящие круги боятся, что движение перекинется на Волгу и Дон. Со всех сторон стягивают воинские части и направляют их к Оренбургу; в их числе — генерал-майор Ф. Ю. Фрейман, прославившийся карательными подвигами при подавлении Яицкого восстания 1772 г. Секретным именованным указом от 14 октября Екатерина II назначает главнокомандующим всеми силами, которые посылают против Пугачева, генерал-майора В. А. Кара, бывшего командира Петербургского легиона; «...повелеваем Вам, как наискорее, туда отправиться..., — наказывает ему императрица, — ...учинить над оным злодеем поиск и стараться как самого его, так и злодейскую его шайку переловить и тем все злоумышление прекратить».

Кар немедленно направляется в Москву, оттуда — в Казань. В район Крестьянской войны срочно перебрасывают из разных мест, с запада и с востока, из Сибири, военные отряды, оружие. Командующий везет с собой «увещательный» манифест императрицы, срочно изготовленный и отпечатанный, — в нем правящие круги изобличают Пугачева, а население призывают не слушать его и повиноваться властям.

Предполагалось, что в распоряжение Кара поступит до 3,5 тыс. чел., из них солдат чуть больше 1,5 тыс., остальные — казаки, калмыки, татары, дворовые, крестьяне, оставшиеся солдаты — доверия властям не внушали. Разбежались калмыки, так же «нетвердо» были настроены и татары. При подходе к Оренбургу с северо-запада Кар имел реально около 1,5 тыс. чел., к нему должен был присоединиться башкирский отряд Салавата Юлаева в 1—1,2 тыс. чел.

Правда, с востока от Верхне-Озерной крепости к Оренбургу двигался отряд бригадира Корфа (около 2,5 тыс.



чел. и 29 орудий), у Орска стояли части генерала де-Коллонга, командующего сибирскими войсками. Симбирский комендант полковник П. М. Чернышев по приказанию Кара должен был занять Татищеву крепость, чтобы преградить Пугачеву путь к отступлению. Командующий не представлял истинного положения дел. Он не знал о том, что делается в повстанческом лагере, о передвижениях царских войск к востоку от Оренбурга и был настолько уверен в успехе, что 31 октября писал императрице из Кичуевского фельдшанца (432 км от Оренбурга) о своем беспокоействе ввиду того, что «сии разбойники, сведав о приближении команд, не обратились бы в бег, не допусая до себя оных»<sup>25</sup>.

Но «разбойники» рассудили иначе. Пугачев хорошо знал о передвижениях противника и подготовился к встрече с ним. Войско Кара приближалось к Оренбургу. Вскоре, 7 ноября утром, оно заняло деревню Юзеевку (Юзееву) в 92 верстах от города.

Пугачев выслал против Кара часть своих сил во главе с войсковым атаманом А. А. Овчинниковым и И. Н. Зарубиным-Чикой. Они имели до 1 тыс. казаков и 1,5 тыс. башкир Идыра Баймекова. По пути к Юзеевке у дер. Биккуловой они встретили 0,5 тысячный отряд авзяно-петровских работных людей А. Т. Соколова-Хлопуши, который выделил им в помощь 300 человек и 6 орудий.

Бой двух войск продолжался три дня (7—9 ноября). В ходе сражения повстанцы хорошо использовали свое превосходство в артиллерии, стремительно ходила в атаку их конница. Войско Кара было разгромлено, часть солдат перешла на сторону повстанцев. Полностью перешел к Пугачеву башкирский отряд Салавата Юлаева, с которым Кар надеялся объединиться около Юзеевки. Царский командующий бежал, преследуемый восставшими. Он потерял 123 человека. В донесении в Петербург генерал вынужден был отдать должное храбрости и находчивости повстанцев: «Сии злодеи ничего не рискуют, а, чиня всякие пакости и смертные убийства, как ветер по степи рассеиваются, артиллериею своею чрезвычайно вредят; отбивать же ее атакою пехоты также трудно да почти нельзя, потому что они всегда стреляют из нея, имея для отводу

<sup>25</sup> Крестьянская война в России в 1773—1775 годах. Восстание Пугачева, т. II, стр. 171.

готовых лошадей; и как скоро приближаться пехота станет, то они, отвезя ее лошадьми далее на другую гору, и опять стрелять начинают, что весьма проворно делают и стреляют не так, как бы от мужиков ожидать должно было»<sup>26</sup>.

Подобная участь постигла и отряд полковника П. М. Чернышева (1200 чел., 15 орудий), направившегося из Чернореченской крепости к Оренбургу. В 4 верстах от города на горе Маяк утром 13 ноября его встретило 2-тысячное войско Пугачева. До военных действий дело по существу не дошло — во время короткого боя погибло 5 солдат Чернышева и 2 повстанца, весь же правительственный отряд перешел на сторону Пугачева (около 600 солдат, 500 ставропольских калмыков и 100 казаков). В руки восставших попали артиллерия и большой обоз.

В это время к Оренбургу незаметно подошел отряд Корфа (около 2,5 тыс. чел., 22 орудия). Ему удалось пройти в город, что весьма усилило его гарнизон. Он состоял теперь из 6 тыс. чел. На следующий день, 14 ноября, Рейнсдори организовал новую вылазку против восставших. Из крепостных ворот вышло войско в 2,4 тыс. чел. при 22 орудиях под командованием генерала Валленштерна, коменданта крепости. Пугачев вышел ему навстречу с 10-тысячным войском. Пока перестреливались передовые линии, повстанцы окружили врага. Генерал построил свои силы в каре и, отстреливаясь, отступил в город, оставив на поле боя до полутора сотен убитых и раненых.

Таким образом, первая попытка правительства быстро и решительно малыми силами уладить свои «домашние дела» окончилась провалом. Разгром двух карательных отрядов около Оренбурга, бегство с театра военных действий Кара, самовольно уехавшего в Казань, а оттуда в Москву (Чернышева и его офицеров пугачевцы взяли в плен и повесили), широкое распространение восстания на новые местности, нежелание народных низов подчиняться властям, их стремление присоединиться к Пугачеву — все это вызвало панику среди российских дворян и сильное беспокойство правящих деятелей. Они поняли, что положение таково, что против «бунтовщиков» и «злодея» Пугачева необходимо посылать армии, как против иностранных «неприятелей».

<sup>26</sup> Крестьянская война в России в 1773—1775 годах. Восстание Пугачева, т. II, стр. 176.



Кара уволили в отставку, сделав козлом отпущения и свалив на него всю вину за поражение. Дворяне негодовали, требовали суда над генералом-беглецом и даже смертной казни для него. Уже 29 ноября новым командующим назначили опытного военного инженера и артиллериста генерал-аншефа А. И. Бибикова. Он получил полномочия чрезвычайные. В его распоряжение выделили новые войска, придали ему секретную комиссию. Умный генерал понимал то, что поначалу не принял во внимание его предшественник, самонадеянно рассчитывавший легко, одним ударом рассеять толпу «бунтовщиков» и потому потерпевший позорное поражение; собственно говоря, так же думали в сентябре — октябре и петербургские вельможи, и сама «матушка-императрица», посылая Кара в Оренбург. Однако действительность рассеяла эти заблуждения, и Бибиков имел все основания сделать вывод: «Не Пугачев важен, важно всеобщее негодование».

Хотя в сентябре — ноябре восставшие достигли определенных успехов, осада Оренбурга затягивалась. Усиливается блокада города, в котором осложняется положение с продовольствием. Солдаты из гарнизона перебегают к повстанцам. Начался голод, цены на хлеб быстро росли. Пугачев посылает своих помощников с отрядами в разные стороны поднимать народ на восстание: С. Юлаева — в Башкирию, И. Н. Зарубина-Чичу, И. Ульянова и Я. Антипова — на Воскресенские заводы купца Твердышева, в Ставрополь-Самарский край — И. Арапова и Ф. Дербетева, на Нижний Яик — М. Толкачева. Отряд Соколова-Хлопуши (800 чел.) захватывает Ильинскую крепость на Яике к востоку от Оренбурга. Вскоре, в конце ноября, сюда же прибывает сам Пугачев и с отрядом в 1,5 тыс. чел. громит батальон майора Заева в той же крепости. Во время сражения было убито до 200 солдат во главе с командиром, остальные попали в плен. Эта победа имела важное значение — сибирские генералы перестали помышлять о походе к Оренбургу на вырубку.

Успехи Пугачева в ноябре воодушевили массы людей от Приволжья до Западной Сибири.

В начале января Пугачев и Овчинников во главе большого отряда уехали в Яицкий городок. Воспользовавшись этим, Рейнсдорп организует новую вылазку против восставших. Более 2 тыс. солдат с 27 орудиями 13 января вышли из Оренбурга и пошли в атаку. Но сильный ар-

тиллерийский огонь повстанцев, их решительная контратака заставили правительственный отряд в панике отступить.

Вскоре отряд Соколова-Хлопуши занял крепость Илецкую Защиту к югу от Оренбурга. А отряд М. Толкачева, к которому на помощь прибыл сам Пугачев, занял Яицкий городок, гарнизон которого отсиживался в крепости.

Между тем пламя Крестьянской войны, бушевавшее на огромной территории, продолжало разгораться. К концу 1773 — началу 1774 г. оно охватило Южный и Средний Урал, Западную Сибирь, Башкирию и Пермский край, Прикамье, Поволжье и Дон.

Уральские заводы (а к Пугачеву присоединились жители почти 60 из них) оказывали повстанческой армии и отдельным отрядам большую помощь — отливали и присылали пушки, припасы к ним.

В Ставрополь-Самарском крае русские и нерусские крестьяне (татары, чуваша, мордва, калмыки и др.) отказывались подчиняться распоряжениям властей, избивали унтер-офицеров и солдат, которые везли указы императрицы, отнимали их. Здесь действовало более десяти повстанческих отрядов, в их составе насчитывалось до 15 тыс. чел. с 30 пушками. Один из них возглавил атаман И. Арапов, посланный Пугачевым. Он прибыл в эти места в начале декабря 1773 г. с 40 повстанцами. Чтение пугачевского манифеста, в котором помещичьим крестьянам приказывалось не платить никаких сборов помещикам, от власти которых они освобождались, крестьяне встречали с воодушевлением и вступали в ряды борцов-пугачевцев. Отряд Арапова, быстро увеличивавшийся, в том же месяце занял Бузулук и Самару. Формируются новые отряды, в Бердскую слободу посылаются подкрепления и продовольствие. Повстанцы этого района устанавливают связь с отрядами Салавата Юлаева в Башкирии. Они действуют в районе Бугульмы и Бугуруслана, Бакалы и Нагайбака, занимают город Зайнск, подступают к Бирску и Елабуге.

В Ставропольском уезде в восстании участвовало до 5 тыс. калмыков в составе разных отрядов. Другие участвовали в осаде Оренбурга. До 2 тыс. калмыков действовали в Башкирии. В улусы Ставрополя в конце декабря приехал Ф. И. Дербетев с отрядом; вместе с калмыками, присоединившимися к нему, он в ночь с 19 на 20 января следующего года занял уездный центр.



Большой активностью отличались действия восставших в Башкирии. Сюда в середине ноября прибыл Салават Юлаев, посланный Пугачевым после разгрома карательной экспедиции Кара. Если до этого в движении принимали участие только башкиры некоторых волостей Ногайской дороги (области) Башкирии, соседствующих с Оренбургом, то теперь в восстание включаются и все остальные дороги (Казанская, Осипская и Сибирская). По словам генерала де-Колонга, «башкирский народ, в Оренбургской губернии обитающий, весь генерально... взбунтовался»<sup>27</sup>.

Борьбу башкирского народа возглавил Салават Юлаев. Молодой еще человек (в начале восстания ему шел двадцать второй год), он был сыном Юлая Азпалина — умного, влиятельного и уважаемого старшины Шайтан-Кудейского юрта (волости) Уфимской провинции. Заслуга Салавата Юлаева в истории не только своей родной Башкирии, но и всех народов России в том, что он вместе со своим отцом, тоже человеком незаурядным, поднял знамя общей борьбы, в которой, по их мысли, должны объединить свои усилия башкиры и русские, татары и чуваша и другие угнетенные народы.

Отряд Салавата быстро увеличивал свои ряды. В нем было уже более 1 тыс. чел. Восставшие взяли Стерлитамакскую пристань, затем подошли к Уфе. Началась осада столицы Башкирии. Восставшие расположились в Чесноковке и других селениях вокруг города. Плохо вооруженные, они не решались штурмовать крепость на высоком берегу реки Белой; к тому же в ней располагался сильный гарнизон — 1,6 тыс. чел. с 40 пушками. Салават Юлаев в это время действовал в восточной части Башкирии — на Сибирской дороге.

Повстанцы из-под Уфы обратились за помощью к Пугачеву, и он приказывает возглавить их И. Н. Зарубину-Чике, который в это время находился на Воскресенском заводе. Тот вместе с И. Ульяновым и 30 воскресенскими работными людьми идет в Башкирию. По пути его небольшой вначале отряд увеличился до 500 человек. В конце декабря Чика был уже в Чесноковке (10 верст к юго-западу от Уфы), которая с этого времени превращается во второй центр Крестьянской войны. Приняв общее командование, Зарубин энергично берется за усиление

<sup>27</sup> Х. И. Муратов. Крестьянская война 1773—1775 гг. в России, стр. 70—71.

своего войска — в короткое время его численность возрастает до 12 тыс. чел. Он поддерживает связь с Пугачевым, который вскоре дает ему титул «графа Чернышева». Около командира второй повстанческой армии сложился свой штаб, свое управление военными и гражданскими делами всей Башкирии. Сам он назначал командиров — атаманов и полковников, занимался разбором и решением судебных дел, принимал просителей по разным делам. По его указаниям на заводах и в селениях их жители избирали атаманов и старост, которые набирали людей в ополчение, следили за порядком, организовывали охрану и подчинялись ему. Он действовал от имени «его величества», т. е. Пугачева, но по существу был самостоятельным командующим. Связь с Бердской слободой быстро ослабела.

Зарубин посылает в район Красноуфимска и Кунгура, к северу от Уфы, казака Ивана Кузнецова; этот «главный российского и азиатского войска предводитель», назначенный им, должен возглавить все действовавшие там отряды. На восток, к Челябинску, он же направил атамана И. Грязнова.

Салават Юлаев и Иван Басов с отрядом в 800 чел. в конце декабря действовали в Саранульской волости. К его отряду присоединялись русские и башкирские крестьяне. 25 декабря после боя, продолжавшегося целый день, они взяли волостной центр — село Саранул. После ухода Салавата главой управления в нем остался И. Басов, а жители окрестных селений — башкиры, русские крестьяне, — а также яицкие и илецкие казаки продолжали борьбу с царскими гарнизонами.

Отряд С. Юлаева и Капзафара Усаева готовился в это время к походу на Красноуфимск. Они объявляли мобилизации, их силы росли за счет в первую очередь башкирских и русских крестьян. Салават говорил, что будет беспощаден с теми, кто обидит бедного, угнетенного; напротив, «ежели кто помещика убьет до смерти и дом его разорит, тому дано будет жалованье 100 руб., а кто 10 дворянских домов разорит, тому 1000 руб. и чин генеральный»<sup>28</sup>.

Объединившись с отрядом башкир во главе с И. С. Кузнецовым, Юлаев и Усаев 30 декабря подошли к

<sup>28</sup> Там же, стр. 79.



Красноуфимску. У них было уже 4 тыс. повстанцев. Город сдался без боя. Атаманом в городе Салават назначил Макара Иванова, ему в помощь — есаула Матвея Чигвинцова. Им обоим он приказал «со здешними гражданами поступать добропорядочно: побор, притеснений и налог ни под каким видом никому не чинить, ко взяткам не касаться». Организуя управление на занятой территории, Салават подчинялся Пугачеву.

17 января 1774 г. Салават и Канзафар направились из Красноуфимска к Кунгуру. Незадолго перед тем, в конце декабря, они послали к Екатеринбург с сотней казаков рабочего И. Н. Белобородова. Сами же вместе с Кузнецовым подошли 23 января к Кунгуру и начали перестрелку. Плохая дисциплина среди восставших, тяжелое ранение Салавата, разногласия между повстанческими командирами привели к поражению и отступлению от города. Осада с Кунгура была снята, в город вступили правительственные войска. 19 февраля восставшие потерпели поражение в Красноуфимске, который тоже пришлось оставить. Разбитые остатки повстанцев отступили в Чесноковку к Зарубину-Чике.

В Зауральской Башкирии главные события развернулись у Челябинска — центра Исетской провинции. Шедший сюда по приказу Зарубина-Чики И. Н. Грязнов собрал отряд из башкир и казаков. Еще до его появления в городе 5 января вспыхнуло восстание горожан и части гарнизона, не имевшее, впрочем, успеха. 8 января Грязнов со своими силами подошел к Челябинску и окружил его со всех сторон. К этому времени вся Исетская провинция была охвачена восстанием, заводские крестьяне массами присоединялись к повстанцам Грязнова. Предводитель, которого Пугачев произвел в полковники, обратился к жителям города с несколькими воззваниями. В них содержится своего рода обоснование действий повстанцев с точки зрения христианской справедливости. По мысли одного из этих воззваний, Иисус Христос желает освободить «*Россию от ига работы*», т. е. рабства, которым страна «во изнурение приведена». Виновником этого объявляется дворянство; оно «обладает крестьянами», которых «оне не только за работника, но хуже почитали полян (собак, псов.— В. Б.) своих, с которыми гоняли за зайцами». Далее говорится о заводчиках («компанейщиках»), «которые завели премножество заводов и так крестьян

работою утрудили, что и в сылках тово никогда не бывало, да и нет». Именно дворяне изгнали с престола «премногощедрого отца отечества великого государя Петра Федоровича за то, что он соизволил при вступлении своем на престол о крестьянех указать, чтоб у дворян их не было во владении». Одиннадцать лет скрывался и странствовал «отец наш», «а мы, бедные, оставались сиротами». Теперь же мы стараемся «возвести» его, но «дворянство и еще вымысел зделало назвать так дерзко бродягою, донским казаком Пугачовым»<sup>20</sup>.

Грязнов 9 января разбил один из тобольских отрядов, спешивших на помощь осажденному Челябинску. Из другого отряда на следующий день к повстанцам перешло 300 солдат. В этот же день на помощь к Грязнову пришли рабочие люди двух демидовских заводов — Каслинского и Кыштымского.

Силы Грязнова насчитывали до 5 тыс. чел., он имел 8 орудий. Того же 10 января начался штурм города, продолжавшийся пять часов. Понеся большие потери и узнав о приближении частей де-Колонга, Грязнов отвел свое войско к Чебаркульской крепости. 13 января в Челябинск вступило войско де-Колонга, который с помощью преданных властям мулл пытался убедить башкир окрестных селений отойти от восстания, но безуспешно. Они слушали воззвания Грязнова, убеждавшего их продолжать борьбу. Восстание продолжалось.

Опираясь на поддержку народных низов — башкир и мешеряков, русских крестьян и рабочих людей, Грязнов снова двинулся к Челябинску. Навстречу ему вышло войско де-Колонга. Противники встретились 1 февраля у деревни Першино. Грязнов расположил свою артиллерию на высотах, прикрыл ее пехотой, впереди выставил башкирскую конницу. Весь день длилось сражение, и де-Колонг вынужден был отступить в Челябинск, который покинул 8 февраля. По существу это было отступление регулярных частей под натиском повстанцев. Де-Колонг в письме в Омск генералу А. Д. Скалону жаловался на то, что «многие государственные, экономические и прочих ведомств крестьяне добровольно, без всякого от злодея (Пугачева.— В. Б.) принуждения не только к стопам его приклоняются, но, рассылая от себя к его партизанам

<sup>20</sup> Пугачевщина, т. I, стр. 74.



нарочных, призывают в свои жительство». Он же просил Скалона писать ему по-французски и по-немецки, так как восставшие «почты перехватывают, прочитывая письма, узнают о всех с нашей стороны предприятиях»<sup>30</sup>.

Нерасторопность де-Колонга, его отступление вызвали сильное недовольство правительства и самой Екатерины II, которая распорядилась назначить на его место командиром Сибирского корпуса А. В. Суворова. Но фельдмаршал П. А. Румянцев не отпустил его из действующей армии, воевавшей против Турции.

Между тем, Грязнов 4 февраля отправился из Першино в глубь Башкирии. А через четыре дня восставшие во главе с атаманом И. Костроминым взяли Челябинск.

В Западной Сибири начались еще с осени 1773 г. волнения среди местных крестьян и ссыльных казаков, польских конфедератов (участников восстания против царского самодержавия в конце 1760 — начале 1770-х годов). В конце года в районе Екатеринбург и Верхотурья, Ялуторовска и Краснослободска действовали отряды из крестьян многих десятков деревень. В отряд уральского рабочего человека И. Н. Белобородова влились до 600 человек, он имел 5 пушек. Отряд разбил воинскую команду, высланную против него из Екатеринбурга; около 60 солдат из ее состава влились в ряды восставших. Пугачев произвел предводителя в атаманы.

Белобородовский отряд вскоре превратился в целое войско. Оно заняло немало заводов и крепостей. Однако распылив свои силы на несколько отрядов, Белобородов терпит поражения. Но снова увеличивается его отряд, и он продолжает борьбу с врагом.

В Исетской провинции действовали отряды М. Ражева (его отряд составлял ранее часть войска И. Грязнова) и М. Евсева. Первый из них захватил Миасскую крепость. Он же вместе с некоторыми другими отрядами, объединившими свои силы, осадил с 12 февраля Долматовский монастырь на реке Исети, в котором хранились большие запасы оружия и продовольствия, и расположенный неподалеку город Шадринск. Повстанцы заняли ряд сел и деревень, жители которых вступали в ряды повстанцев. Создавались новые крестьянские отряды, которые действовали под Тюменью, Туринском, Краснослободском, Кур-

<sup>30</sup> X. И. Муратов. Крестьянская война 1773—1775 гг. в России, стр. 101.

ганом, осаждали Троицкую крепость. Восставшие заняли Курган, около которого на их сторону перешел правительственный отряд из более чем 1200 солдат и крестьян. Действовавшие здесь силы повстанцев возросли до 5 тыс. чел. Но в марте они потерпели поражение от карателей. То же произошло и в районе Тюмени и Туринска.

Воззвания Пугачева находили путь и к сердцам бедняков-казахов. Они не раз нападали на воинские части Сибирского корпуса де-Колонга. В составе главного войска Пугачева сражался казахский отряд из 200 чел. во главе с Сейдали — сыном Досалы-султана.

Тысячи повстанцев продолжали действовать в Пермском крае в районе Осы и Кунгура, Сарапула и Красноуфимска. То же происходило в Прикамье, Поволжье, в Пензенско-Воронежском районе. Местные крестьяне, работные люди отказываются от повиновения, расправляются с помещиками и заводчиками, чиновниками и священниками. Возникают многочисленные местные отряды, ведущие борьбу с эксплуататорами. В этих местах появлялись пугачевские посланцы и отряды, и это еще более стимулировало выступления угнетенных против господ и властей.

На местах возникает своя народная власть. Все вопросы решают на общих сходках, выбирают атаманов. Распоряжения местных властей, помещиков и заводчиков не признаются.

В Нижегородской губернии зимой 1773/1774 г. восставшие крестьяне разорили около 60 помещичьих имений. Здесь и по всему Поволжью, по его правобережью распространялись слухи о «Петре III», его намерениях. Крестьяне пытаются установить с ним связь, посылая своих представителей-ходоков к «Петру Федоровичу».

Таким образом, уже на первом этапе Крестьянской войны она охватила огромную территорию по Яику, Оренбуржье, Башкирию, часть Западной Сибири, Прикамье, левобережье Волги; это были районы наиболее активных действий повстанцев. Правобережье Волги в это время волновалось и готовилось ко вступлению в активную борьбу, которая стала характерной для этого района на втором и особенно на третьем этапах движения.



Правящие верхи, понимая, что разгорающееся пламя Крестьянской войны угрожает самому существованию господствующего класса, мобилизуют большие силы. Уже к началу января 1774 г. в распоряжение главнокомандующего А. И. Бибикова выделяется до 16 тыс. солдат с 40 орудиями. Но он считает, что этого мало, так как народное восстание приняло очень обширные размеры. «Не неприятель опасен,— пишет он графу Чернышеву— какое бы множество его ни было, но народное колебание, дух бунта и смятение». К тому же многие солдаты сочувствовали повстанцам, верили, что ими руководит «истинный государь». Тот же Бибииков в письме известному писателю Д. И. Фонвизину признавался, что он «дьявольски трусил за своих солдат, чтобы они не сделали так же, как гарнизонные: не сложили оружие перед мятежниками»<sup>31</sup>.

Правительственные силы уже в конце декабря, в январе — феврале 1774 г. переходят в наступление к востоку, югу и юго-востоку от Казани. Отряды повстанцев, плохо организованные и вооруженные, быстро терпят поражения. Один за другим в руки карателей переходят города Самара, Заинск и Мензелинск, крепости Бакалы и Нагайбак и др. Они заняли большую территорию, прилегающую к Башкирии, Оренбуржью. Бибииков отдает приказ своим войскам двигаться дальше к Оренбургу и Уфе, около которых в трудных условиях морозной и снежной зимы по существу бездействовали армии Пугачева и Зарубина-Чики. Их промедление, помимо причин, вызванных чисто погодными условиями, вызывалось, конечно, явным недостатком военного опыта, стратегической расчетливости обоих предводителей и их помощников, надолго приковавших свои силы к осаде двух пунктов, взятие которых казалось им чрезвычайно важным делом. Подобное поведение повстанцев радовало врагов — Екатерина II в письме князю М. Н. Волконскому, московскому главнокомандующему, с облегчением констатировала: «В несчастьи сем можно почесть за счастье, что они, каналы, привязались два месяца целых к Оренбургу, а не далее куда пошли»<sup>32</sup>.

<sup>31</sup> Х. И. Мурагов. Крестьянская война 1773—1775 гг. в России, стр. 114—115.

<sup>32</sup> Осемнадцатый век. Исторический сборник. Кн. I. М., 1868, стр. 102.

Эта задача, которую безуспешно пытались выполнить обе повстанческие армии, была продиктована стремлением яицких казаков, русских и башкирских крестьян и других жителей Оренбургской губернии взять губернский и провинциальный центры. И это мог не учитывать Пугачев. Предводитель в эти тревожные дни, и тоже в значительной степени угождая тем, на кого опирался, в данном случае яицким казакам, устроил свадьбу. Он женился на Устинье Кузнецовой — дочери казака из Яицкого городка. В доме «императрицы», сохранившемся до наших дней, был устроен пир. На все это уходило драгоценное время. К тому же не все были довольны тем, что Пугачев, вместо того, чтобы добиваться престола, затевает женитьбу, причем на простой казачке. Многие начали сомневаться в «истинности» своего «императора». Все это не могло не вносить элементы деморализации.

Правительственные отряды генерала Мансурова и подполковника Гринёва двигались в это время к Бузулуку — важному опорному пункту повстанцев, их продовольственной базе. Здесь располагался 2-тысячный повстанческий отряд И. Арапова и Н. Чулошникова с 16 орудиями. 14 февраля в течение трех с половиной часов продолжался кровопролитный бой. Потеряв более 500 убитых и раненых, пугачевские атаманы отступили на юго-восток к деревне Пронкиной и Сорочинской крепости. На помощь к ним вышел из-под Оренбурга Овчинников с отрядом. Затем сюда же поспешил и уехавший из Яицкого городка Пугачев с 1,5-тысячным войском.

В ночь на 7 марта силы Пугачева атаковали карателей в Пронкино. Сначала их действиям сопутствовал успех — они смяли передовые караулы, ворвались в деревню, захватили два орудия. Бой был ожесточенным. Его судьбу решила атака карателей в тыл и фланг повстанцев, и пугачевцы отступили — они ушли в Татищеву крепость, а Пугачев — в Бердскую слободу. После этого поражения объединяются силы Мансурова и подошедшего сюда же генерала Голицына.

Генеральное сражение состоялось в Татищевой крепости, расположенной в 54 верстах к западу от Оренбурга при впадении в Яик небольшой речки Камыш-Самары. Сюда Пугачев привел из-под Оренбурга 5-тысячное войско. Всего в крепости было до 9 тыс. повстанцев с 36 орудиями, в том числе 3 тыс. казаков, 2,3 тыс. башкир, татар,



калмыков, казахов, 1,8 тыс. заводских работных людей и крестьян, 2 тыс. помощичьих крестьян и пленных солдат. Пугачев сам расставил пушки, наметил места, наиболее подходящие для обстрела противника. Перед крепостью устроили ледяные горы из снега, политого водой.

22 марта к крепости подошло войско Голицына (от 5 до 8 тыс. чел.). Более трех часов продолжалась перестрелка. Когда один из батальонов карателей пошел в атаку на правый фланг Пугачева, тот приказал открыть ураганный огонь из пушек, а затем перешел в контратаку, решительную и смелую. Несколько часов длился бой. Голицын вводил в действие свои резервы. Каратели обходили повстанцев с разных сторон, жаркий бой кипел в крепости. Повстанцы потерпели поражение, около 1,2 тыс. из них пало на поле боя, более 4 тыс. были ранены или попали в плен. Каратели потеряли около 660 чел. убитыми и ранеными.

Пугачев ускакал в Берду. Оставшиеся силы — 5 тыс. повстанцев, 10 пушек — он вывел из-под Оренбурга. Но неподалеку от него, у Сакмарского городка, он терпит новое тяжелое поражение от того же Голицына (400 убитых, более 2,8 тыс. пленных). Во время этих двух поражений Главная армия Пугачева по существу перестала существовать, погибли или попали в плен многие пугачевские атаманы, сподвижники, предводители Крестьянской войны: Витошнов, Соколов-Хлопуша, Шигаев, Подуров, автор манифестов Почиталин, Арапов, Чулошников, Горшков, Толкачев и другие.

Одновременно со снятием осады Оренбурга каратели, возглавленные подполковником Михельсоном, прибывшим из Польши, разбили повстанческую армию Зарубина-Чики под Уфой (24—25 марта). А войска Мансурова разбили в Яицком городке повстанцев, продолжавших осаждать крепость, и 15 апреля вступили в город.

Правительство Екатерины II поспешило объявить по всей стране о подавлении «мятежа» взбунтовавшейся черни. О том же сообщали своим патронам иностранные дипломаты, находившиеся в Петербурге. Командиры карателей получили награды и повышения в чинах.

Однако торжествовали они рано. Правда, после жестоких поражений у Пугачева оставалось не более 400 чел. Но его звали к себе повстанцы-башкиры Кивзи Арсланова, и он направился в Башкирию и на Южный Урал, где продолжалось восстание.

Здесь действовали разрозненные отряды, в составе которых вместе боролись башкиры и русские, татары и мещеряки. Они нападают на имения местных дворян, изгоняют их, отнимают у них землю и скот. Повстанцы осаждают Мензелинск и Бирск. В марте снова вступает в борьбу Салават Юлаев, оправившийся от тяжелого ранения. Из своей родной деревни Текеево он идет к Красноуфимску, по пути собирая разбитых повстанцев. Но у деревни Бугальши он терпит поражение и уходит в Зауральскую Башкирию по направлению к Златоусту. Появился он здесь в середине апреля с 2 тыс. повстанцев. Северо-западной Златоуста в районе деревни Верхние Киги действовал другой башкирский отряд из 3 тыс. чел. во главе с Антуганом Биктимировым.

Пугачев знал о действиях повстанцев в Башкирии, недаром он направился именно в эти места, которые стали центром Крестьянской войны на втором ее этапе. Его отряд занимает в апреле заводы Авзяно-Петровский, Вознесенский и Белорецкий. В последнем он пробыл до 1 мая. Известия о походе Пугачева, его указы и манифесты поднимают на борьбу новые массы людей — башкир и русских, крестьян и рабочих людей, казаков и калмыков. К нему и Салавату Юлаеву присоединяются многие мелкие отряды. Силы Пугачева выросли в мае до 5 тыс. чел. 6 мая он штурмует Магнитную крепость и овладевает ею, захватывает в ней орудия. Сюда к нему пришли со своими отрядами Белобородов из-под Екатеринбурга (700 чел) и Овчинников и Перфильев из-под Яицкого городка. Здесь же состоялось совещание старшин всей Башкирии, которым Пугачев обещает возвратить отнятые у ее жителей земли. В ответ башкиры с воодушевлением поддерживают «надежду-царя», вступают в ряды его войска, дают ему лошадей, продовольствие и фураж. Их борьба в составе многих партизанских отрядов отвлекает силы карателей.

Из Магнитной Пугачев с войском уже из 8 тыс. чел. движется вверх по Яику. 19 мая он захватывает Троицкую крепость. Но под ее стенами через два дня терпит поражение от войска де-Колонга, который пришел сюда от Челябинска. Однако Пугачев сохранил боеспособность. Отступая на северо-запад от Троицкой крепости, он 23 мая встретил у деревни Лягушиной отряд Михельсона, и этот опытный военачальник удивился увидев стройный отряд повстанцев: «Я, имея известие, что Пугачев разбит, никак



себе не мог представить, чтоб сия толпа была Пугачева, а более думал, что идет корпус генерал-поручика де-Колонга»<sup>33</sup>. В ходе сражения повстанцы сначала разгромили левый фланг Михельсона, солдаты которого обратились в бегство. Но пугачевцы, прекратив борьбу, стали захватывать обоз, и этим воспользовался Михельсон — собрав свои расстроенные части, он бросил их в атаку, и восставшие отступили. Пугачев направился дальше в сторону Златоуста и его окрестностей, намереваясь соединиться с Салаватом Юлаевым.

Салават Юлаев в апреле действовал к западу от Златоуста в районе Симского, Саткинского и других заводов, занятых им. У него было 3 тыс. повстанцев. Один из отрядов возглавил его отец Юлай Азналин, который получил от Пугачева чин полковника. К ним присоединялись многие русские рабочие люди и крепостные крестьяне, которым Салават читал манифест Пугачева, объявлявший об отмене крепостного состояния крестьян и зачислении их в вольные казаки. Недалеко от Симского завода у деревни Юрал 8 мая произошло сражение отрядов С. Юлаева и Михельсона. «Мы нашли такое сопротивление, — говорит царский военачальник, — какого не ожидали: злодеи, не уважая нашу атаку, прямо поплы нам навстречу»<sup>34</sup>. Салават в ответ на церемониальные передвижения частей Михельсона бросился на них во главе своей башкирской конницы, летевшей стремительной лавиной на врага. Несколько часов с переменным успехом дрались восставшие с врагом. Салават отступил. В конце мая Михельсон снова разбивает его в этих же местах.

Юлаев идет к деревне Киги. Сюда же спешит Пугачев, присвоивший храброму башкирскому предводителю звание бригадира (чин средний между полковником и генерал-майором). Они объединили свои силы, несмотря на противодействие Михельсона, который свой отряд, сильно ослабленный в походах и боях с восставшими, вынужден был отвести в Уфу.

Оба предводителя решили идти на запад к Волге, где, по полученным ими известиям, вели активную борьбу тысячи русских и нерусских повстанцев Поволжья.

В июне Салават Юлаев захватил города Бирск и Красноуфимск. 18 июня Пугачев и он подошли к городу Осе,

<sup>33</sup> Н. Дубровин. Пугачев и его сообщники, т. III. СПб., 1884, стр. 38.

<sup>34</sup> Там же, стр. 19.

разбили у его стен гарнизон. А на следующий день город открыл им ворота и сдался без боя. Важное агитационное значение для Пугачева имело «признание» его «государем» одним старым отставным солдатом, видевшим в свое время настоящего императора Петра III. Салавата Юлаева, снова тяжело раненого, из-под Осы опять отвезли в его родную деревню Текеево.

Пугачев с войском продолжает движение на запад. Его целью была Казань — крупный административный и хозяйственный центр на пути к Москве. Захватывая заводы и селения, повстанческое войско приближалось к Казани. Дворяне в панике разбежались во все стороны, а их подневольные крестьяне «вседушно» присоединялись к Пугачеву и его полковникам. Все Прикамье полыхало в огне народной войны против дворян-угнетателей.

Почти беспрепятственно повстанческое войско дошло от Осы к Казани, в которой находилось сравнительно мало правительственных сил. Большинство карательных отрядов действовало в Башкирии и на Урале. Многие из них получили приказ быстро двигаться к Казани. Но поголовное восстание населения Башкирии мешало карателям, сильно их задерживало. Местные жители не давали им подвод и продовольствия, скрывали сведения о движении Пугачева и других предводителей или вводили в заблуждение ложными показаниями. Из-за ложных данных о местонахождении Пугачева немало дней попусту потерял следовавший его Михельсон.

При подходе к городу повстанцы разбили небольшой отряд полковника Толстого из 200 солдат, многие из них перешли на сторону Пугачева. 11 июля он приблизился к Казани, располагая более чем 20-тысячной армией. Ему противостоял гарнизон из 1,5 тыс. солдат, вооруженное казанское дворянство и до 6 тыс. вооруженных горожан-богачей. Перед штурмом Пугачев и Овчинников произвели рекогносцировку, осмотрели укрепления и батареи. Как часто он делал и до этого, Пугачев собрал военный совет. На нем определили направления ударов повстанческих сил, разделенных на четыре колонны. Наметили, что после взятия Казани восставшие пойдут на Москву, чтобы «Петру III» «...тамо воцариться и овладеть всем Российским государством»<sup>35</sup>.

<sup>35</sup> Пугачевщина, т. II. М.—Л., 1929, стр. 333.



В 6 часов утра 12 июля начался штурм. Восставшие под прикрытием возов с сеном и пушек приблизились к городским укреплениям, окружили и разбили передовые части врага, вышли во фланги и в тыл основным его силам, захватили пушки. К середине дня город был взят. Оставшиеся в распоряжении властей части укрылись в крепости. Но к вечеру Пугачев получил известие о приближении войска Михельсона. Он вывел свою армию из города и поставил ее у деревни Царицыной в семи верстах от города.

Начался кровопролитный бой, продолжавшийся пять часов. Обе стороны понесли тяжелые потери (у Пугачева 800 убитых, более 730 пленных). На следующий день Пугачев, отведший свои войска, попытался воспрепятствовать Михельсону, направившемуся в город, но неудачно. 15 июля он снова штурмует Казань. И опять Михельсон удивляется воинской стойкости своих классовых врагов: «Злодеи на меня наступали с такою пушечною и ружейною стрельбою и с таким отчаянием, коего только в лутших войсках найти надеялся»<sup>36</sup>. Пугачевские повстанцы смело нападали на фланги Михельсона, сам предводитель, подавая пример храбрости и воинского умения, руководил боем, скакал по всему фронту, от одного фланга к другому. Четыре часа кипел рукопашный бой. Михельсон ввел в бой конницу — свой последний резерв — и выиграл это ожесточенное сражение. Армия Пугачева снова перестала существовать — он потерял до 2 тыс. убитыми, 10 тыс. пленными, пушки и знамена. Тысяч с шесть разошлось по домам.

Пугачев с остатками своей разбитой армии (от 1 до 2 тыс. чел.) в ночь на 17 июля переправился на правый берег Волги у Кокшайска. Затем прошел еще некоторое расстояние на запад до Курмыша. Это говорит о том, что в начале отступления от Казани он и его ближайшие сподвижники как будто не оставляли мысль о походе на Москву. Однако, располагая небольшими силами и не имея достаточно вооружения, они поняли бесперспективность движения в этом направлении, где встретили бы сопротивление свежих войск. Поэтому от Курмыша Пугачев повернул на юг с целью выхода к Дону, жителей которого он надеялся поднять на борьбу. Кстати говоря, этот доносской

<sup>36</sup> Крестьянская война в России в 1773—1775 годах. Восстание Пугачева, т. III, Л., 1970, стр. 117.

вариант родился не в дни казанской псудачи, а обсуждался пугачевцами раньше, еще в начале 1774 г.<sup>37</sup>

Окончился второй этап Крестьянской войны, когда особенно активное участие в ней принимают рабочие люди уральских заводов, русские и башкирские крестьяне. Их совместные и дружные выступления, героические и бесстрашные, сделали Башкирию и Урал главной ареной борьбы угнетенных масс за свое освобождение. Именно она позволила Пугачеву возродить силы главной повстанческой армии и совершить длительный и замечательный рейд от Оренбурга через Урал и Прикамье до Казани, взятой после решительного штурма. На этом пути, как и ранее, были победы, обусловленные всенародной поддержкой правого дела повстанцев, и поражения, неизбежные ввиду их плохой организованности и вооруженности.

Поражение под Казанью, как и под Оренбургом, обозначило резкую грань в истории Крестьянской войны. Начался ее третий, заключительный этап, самый выдающийся по размаху борьбы и самый трагический в ее конце.

#### ОТ КАЗАНИ ДО ЦАРИЦЫНА. ПОРАЖЕНИЕ

Уже взятие Казани послужило мощным сигналом для широкого народного восстания, которое быстро, словно пламя, охватило ряд губерний Поволжья и Центра — Казанскую, Нижегородскую, Симбирскую, Пензенскую, Саратовскую, Тамбовскую, Воронежскую. Продолжалась борьба в Оренбургской губернии и на Урале, в Казахстане и Сибири. На всей этой огромной территории действовали многие повстанческие отряды. Десятки тысяч восставших продолжали упорную борьбу.

По сообщениям командующих карательными войсками, русское и нерусское население правобережья Волги уже при известии о приближении Пугачева вставало на борьбу. Восставшие разоряли имения помещиков, а их самих ловили и расправлялись с ними. Та же участь постигла тех священников, которые пытались противодействовать восставшим.

Особенностью третьего этапа Крестьянской войны, начавшегося после взятия Казани, было усиление стихий-

<sup>37</sup> Крестьянская война в России в 1773—1775 годах. Восстание Пугачева, т. III, стр. 144.



ности и локальности движения. Большое число местных повстанческих отрядов, которое возникло в это время, действовало, как правило, в пределах своих селений и уездов. Освобождая свои родные места, они считали задачу выполненной.

Многие повстанцы Правобережья вливались в главное войско Пугачева, которое, насчитывая после казанского поражения 1—2 тыс. чел., при подходе к Саратову увеличилось до 20 тыс. чел. Но эта армия была уже не та, какой она являлась на первом и втором этапах Крестьянской войны. Отсутствовала большая часть яицких казаков, рабочие люди и башкиры-копники также остались по ту сторону Волги. Основная масса повстанцев была не обученной военному делу, плохо вооруженной. Оторванность от уральских заводов, снабжавших армию Пугачева пушками и припасами, тоже сказывалась самым отрицательным образом.

Тем не менее участие новых огромных масс эксплуатируемых, в первую очередь крестьян, русских и нерусских, придало Крестьянской войне новый мощный импульс. Именно это время народной войны было самым страшным для всех дворян России. Массовые расправы с помещиками и их прихвостнями, осады городов и монастырей, разорение имений и фабрик, разговоры и слухи о продвижении Пугачева к Москве вызвали настоящую панику среди дворян, правящих кругов России. А. Болотов, современник этих событий, живший в Москве, записал в своем дневнике: «Заговорили тогда вдруг и заговорили все и въяв о невероятных и великих успехах... Пугачева, а именно, что он... не только разбил все посланные для усмирения его военные отряды, но, собрав превеликую армию..., не только грабил и разорял все и повсюду вешал и... умерщвлял всех дворян и господ, но взял... самую Казань и оттуда прямо будто бы уже шел к Москве... Мы все (дворяне.— В. Б.) удостоверены были, что вся... чернь, а особливо все холопство и наши слуги, когда и не въяв, так втайне, сердцами своими были злодею сему преданы, и в сердцах своих вообще все бунтовали и готовы были при малейшей возгоревшейся искре произвести огонь и пламя... Ожидали того ежеминутно мы, на верность и самих наших слуг никак полагаться, а паче всех их и не без основания почитали еще первыми и злейшими нашими врагами, а особливо слыща, как поступали

ности и локальности движения. Большое число местных повстанческих отрядов, которое возникло в это время, действовало, как правило, в пределах своих селений и уездов. Освобождая свои родные места, они считали задачу выполненной.

Многие повстанцы Правобережья вливались в главное войско Пугачева, которое, насчитывая после казанского поражения 1—2 тыс. чел., при подходе к Саратову увеличилось до 20 тыс. чел. Но эта армия была уже не та, какой она являлась на первом и втором этапах Крестьянской войны. Отсутствовала большая часть яицких казаков, рабочие люди и башкиры-конники также остались по ту сторону Волги. Основная масса повстанцев была не обученной военному делу, плохо вооруженной. Оторванность от уральских заводов, снабжавших армию Пугачева пушками и припасами, тоже сказывалась самым отрицательным образом.

Тем не менее участие новых огромных масс эксплуатируемых, в первую очередь крестьян, русских и нерусских, придало Крестьянской войне новый мощный импульс. Именно это время народной войны было самым страшным для всех дворян России. Массовые расправы с помещиками и их прихвостнями, осады городов и монастырей, разорение имений и фабрик, разговоры и слухи о продвижении Пугачева к Москве вызвали настоящую панику среди дворян, правящих кругов России. А. Болотов, современник этих событий, живший в Москве, записал в своем дневнике: «Заговорили тогда вдруг и заговорили все и въяв о невероятных и великих успехах... Пугачева, а именно, что он... не только разбил все посланные для усмирения его военные отряды, но, собрав превеликую армию..., не только грабил и разорял все и повсюду вешал и... умерщвлял всех дворян и господ, но взял... самую Казань и оттуда прямо будто бы уже шел к Москве... Мы все (дворяне.— В. В.) удостоверены были, что вся... чернь, а особливо все холодство и наши слуги, когда и не въяв, так втайне, сердцами своими были злодею сему преданы, и в сердцах своих вообще все бунтовали и готовы были при малейшей возгоревшейся искре произвести огонь и пламя... Ожидали того ежеминутно мы, на верность и самих наших слуг никак полагаться, а паче всех их и не без основания почитали еще первыми и злейшими нашими врагами, а особливо слыша, как поступали



они в низовых... местах (т. е. по Волге. — В. Б.) со своими господами и как всех их либо сами душили, либо предавали в руки и на казнь... Пугачеву, то того и смотрели и ждали, что при самом отдаленнейшем еще приближении его к Москве вспыхнет в ней пламя бунта и народного мятежа»<sup>38</sup>.

В Москве и Московской губернии объявили сбор ополченцев, в том числе из крепостных крестьян. Тот же Болотов рассказывает, что его собственные крестьяне, собиравшиеся против Пугачева (а власти старательно скрывали цель подобных сборов), узнав об этом, возмутились. Один из крестьян, к которым обратился их помещик, крикнул: «Да, стал бы я бить свою братию! А разве вас, бояр, так готов буду десятерых посадить на копье сие!»<sup>39</sup>.

Пугачев поначалу, отступив от Казани, шел на Нижний Новгород, планируя в дальнейшем направиться к Москве; об этом говорили ему ближайшие советники. Но в городах, лежавших на пути к Москве, имелись сильные гарнизоны, отовсюду стягивались в этот район войска. На правом фланге постоянно преследовал его отряд Михельсона, имевший задание не пропустить Пугачева на запад. Взвесив все, Пугачев решил повернуть на юг в сторону Дона с тем, чтобы поднять на борьбу своих земляков и с новыми силами идти в поход к Москве и Петербургу.

«Нет детушки, нельзя! Потерните! Не пришло еще мое время! — говорил он своим сподвижникам. — А когда будет, так я и сам без вашего зова пойду. Но я теперь намерен идти на Дон, меня там некоторые знают и примут с радостью».

20 июля Пугачев переправился через реку Суру у Курмыша и отсюда повернул на юг. Шел он стремительно, делая нередко по 80 верст в сутки. Повстанческое войско, быстро разраставшееся, ускользало от карательных отрядов, опережало их. Уже 23 июля оно заняло Алатырь, еще через четыре дня — Саранск. По пути в него вливались новые отряды, в городах в руки Пугачева попадали пушки и ядра, всякие запасы, казна и продовольствие. Предводитель организовывал суд и расправу. Так, в Саранске на суд к Пугачеву крепостные крестьяне в течение трех дней приводили своих помещиков — более трех-

<sup>38</sup> Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков, т. 3. СПб., 1872, стр. 377—378.

<sup>39</sup> Там же, стр. 441.

сот дворян по его приговорам были повешены. То же происходило и в других местах. Кроме того, сами крестьяне многих отрядов, действовавших самостоятельно, беспощадно истребляли своих господ-угнетателей. Классовая месть угнетенных, копившаяся веками, обрушивалась с праведным гневом на головы притеснителей-дворян.

Правительство шлет в район Крестьянской войны новые полки, особенно после заключения мира с Турцией в Кючук-Кайнарджи — части действующей армии сразу же начинают перебрасывать против Пугачева, а также для охраны тех городов (Москвы, например), куда могли прийти его повстанцы. 21 июля в Петербурге императрица созывает специальное заседание Государственного Совета, на котором рассматриваются меры борьбы с Пугачевым. Новым главнокомандующим назначают генерал-аншефа графа П. И. Панина. В его распоряжение выделяются большие силы; Екатерина II имела полное основание написать ему: «Итак, кажется, противу воров столько наряжено войска, что едва не страшна ли такая армия и соседям была»<sup>40</sup>.

Панин срочно высылает войска для прикрытия Москвы. Но Пугачев в это время продолжает стремительный марш на юг.

С выходом повстанческой армии на волжское Правобережье, с одной стороны, наиболее отчетливый характер приобрели лозунги движения, идеология участников Крестьянской войны, с другой — выявились такие ее черты, как слабая организованность, стихийность, локальность. Если элементы сознательности нарастали, то элементы организованности — наоборот, уменьшались. В этом смысле третий этап Крестьянской войны заметно отличается от первого и второго ее этапов.

Необходимо подчеркнуть, что повстанцы 1772—1775 гг. даже в наиболее выдающихся документах идеологического характера, вышедших из их среды, — в прокламациях, роль которых играли манифесты и указы, воззвания и постановления Пугачева, его сподвижников, Военной коллегии, — не поднялись и ни в коей степени не могли

<sup>40</sup> Х. И. Муратов. Крестьянская война 1773—1775 гг. в России, стр. 172.



подняться до того, чтобы создать ясную и четкую политическую программу переустройства общества, создания нового общественного строя ввиду той «политической неразвитости и темноты крестьян», на которую указывал В. И. Ленин применительно ко второй половине XIX — началу XX в.<sup>41</sup> Тем более это было свойственно крестьянам-повстанцам времени Пугачева. Но эта политическая ограниченность, «невоспитанность» не может дать основание для отрицания «революционных элементов в крестьянстве», их «наличность... не подлежит... ни малейшему сомнению»<sup>42</sup>.

Все эти противоречивые моменты в положении, во взглядах крестьянства в полной мере отразились в действиях и лозунгах пугачевцев, которые, с одной стороны, выступали против феодально-крепостнического строя и его носителей-дворян, а с другой — мечтали в случае победы о том, чтобы оставить монархию, но посадить на трон своего, «хорошего», «мужицкого» царя. В этом трагическом противоречии повстанцев, которые не поднялись до лозунга свержения самодержавия, отразилась утопичность, неосуществимость их лозунгов, их крайне незрелой программы, идеологии.

В то же время идеологические представления Пугачева и его повстанцев, их стремления и требования претерпели в ходе Крестьянской войны некоторую эволюцию. В первых манифестах Пугачева (сентябрь — октябрь 1773 г.) заметное звучание получили узкословные требования яицкого казачества — застрельщика Крестьянской войны. Но нужно отметить два важных момента. Уже во время восстания на Яике в 1772 г. часть его участников, наиболее активных и радикально настроенных, говорила о необходимости «возмутить помещичьих людей... и принимать их в свое войско». О том же — о необходимости привлечь к восстанию крепостных крестьян — вели речь Пугачев и группа яицких казаков на сентябрьских совещаниях в следующем году. Т. Мясников в разговоре с М. Д. Горшковым так охарактеризовал позицию яицких казаков: «...Вздумали мы назвать его, Пугачева, покойным государем Петром Федоровичем, дабы он нам восстановил все обряды, какие до сего времени [были], а бояр,

<sup>41</sup> В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 4, стр. 228—229.

<sup>42</sup> В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 17, стр. 212.

какие больше всего в сем деле умничают и нас разоряют, всех истребить, надеясь и на то, что сие наше предприятие будет подкреплено и сила наша умножится от черного народа, который также от господ притеснен и вконец разорен»<sup>43</sup>. Далее, не следует забывать об общих интересах крестьянства и вышедшего в значительной степени из его среды казачества. Они вместе выступили против феодалов и их государства с тем, чтобы добиться воли и правды. Именно поэтому первые пугачевские манифесты, адресованные к яицким казакам, воспринимались крестьянами и всеми угнетенными, как обращенные и к ним призывы, предоставляющие им землю и волю, освобождение от помещичьего яра, от произвола властей.

Тем не менее первоначально лозунги освобождения собственно крестьян не звучали достаточно ясно. Не говорилось также об истреблении дворян. Пугачев высказывался даже в том духе, чтобы у дворян отобрать деревни (и, тем самым, крестьян), а взамен платить большое жалование. По мере развития движения идеология его участников, их социально-политическая программа приобретают все большую классовую заостренность и определенность. Эта эволюция наивысшей своей точки достигает в манифестах Пугачева, составленных и обнародованных в июльские дни 1774 г., когда в Крестьянской войне с наибольшей силой прозвучали требования крепостного крестьянства. Предоставление воли и свободы, истребление дворян, уничтожение крепостного состояния, податей и рекрутских наборов, равенство народов и вер — таковы основные моменты той программы, которая вырисовывается из пугачевских манифестов и указов. Несмотря на утопичность, великой исторической заслугой тех, кто ее выдвинул, является то, что была поставлена задача освобождения народа от крепостного рабства и уничтожения дворян-эксплуататоров.

В будущем предполагалось сохранение монархии, но во главе с «мужицким» царем. При этом подобное монархическое начало причудливо сочеталось в сознании повстанцев с элементами народоправия, самоуправления. Известно, что в ходе Крестьянской войны ее участники, независимо от состояния, объявлялись казаками; на тер-

<sup>43</sup> Крестьянская война в России в 1773—1775 годах. Восстание Пугачева т. III, стр. 416.



ритории, перешедшей под их контроль, создавались новые органы власти — все вопросы решались на сходках-кругах, избирались атаманы с их помощниками, старосты и другие должностные лица. Очевидно, по мысли восставших, и в будущем государстве должны были быть такие порядки по типу казачьей или крестьянской общины, без дворян и крепостничества, с «хорошими» царем и другими правителями, праведными судьями и чиновниками. Самое главное заключалось в том, что земля должна была принадлежать тем, кто ее обрабатывает, т. е. крестьянам. Подобные взгляды и требования, неосуществимые в условиях конца XVIII в., тем не менее были сформулированы, и в этом заключается большое значение пугачевских манифестов, особенно июльского 1774 г., не без оснований названного В. И. Семевским «жалованной грамотой всему крестьянскому люду», «хартией, на основании которой предстояло создать новое, мужицкое царство»<sup>44</sup>.

Если социально-политические взгляды, идеологические представления восставших к лету 1774 г. получили свое наивысшее для того времени выражение, то в смысле развития элементов организованности наиболее выдающимся был первый этап Крестьянской войны — время осады Оренбурга. В самом ее начале Пугачев и его сподвижники создали (впервые в истории крестьянских войн) коллегиальный орган управления — Военную коллегия. Она являлась военно-административным центром, руководящим всеми сторонами жизни на территории, отвоеванной восставшими. В ее компетенцию входили многие вопросы: распространение восстания на новые территории, вовлечение в него широких масс угнетенных, в том числе путем послышки манифестов и указов, организация управления, суда и расправы на повстанческой территории, руководство военными действиями, связь с местными очагами движения, снабжение повстанческой армии всем необходимым, поддержание дисциплины и порядка.

В Военную коллегия входили яицкие казаки: А. Вишнов — главный судья и заместитель Пугачева, как предводителя Главного или Большого войска, судьи М. Шигаев, Д. Скобычкин, И. Творогов, думный дьяк И. Почиталин (составитель первых манифестов), секре-

<sup>44</sup> В. И. Семевский. Крестьяне в царствование Екатерины II, т. I. СПб., 1881, стр. 330.

тарь М. Горшков. Делопроизводством занимались повытки, имелись переводчики.

Для руководства Главным войском, ее боевыми действиями создали особую походную канцелярию во главе с А. А. Овчинниковым. У него имелся свой канцелярист. Своих писарей и помощников имели Зарубин-Чика, Белобородов и другие руководители армий и отрядов.

Состав Военной коллегии менялся. Так, место И. Почиталина после его пленения 1 апреля 1774 г. занял А. Дубровский. На втором и особенно третьем этапах Крестьянской войны функции Военной коллегии сужаются, ее роль падает. Она занимается преимущественно руководством тем войском, которое, постоянно меняясь в составе и численности, складывается при Пугачеве, его пополнением, вооружением и снабжением. Связь с другими повстанческими отрядами ослабевает или отсутствует совсем. Уменьшается состав Военной коллегии после поражения под Сакмарским городком. Однако в том или ином виде она существовала до августа 1774 г., т. е. до окончательного поражения пугачевского войска.

Главное войско Пугачева во время осады Оренбурга делилось на полки, создаваемые по социальному, национальному или территориальному признаку. Полки состояли из рот по 100 человек в каждой. Командиров — полковников, сотников, есаулов, хорунжих — выбирали на кругах. В войске проводились учения, соблюдалась дисциплина, принималась присяга. Нарушителей дисциплины, особенно мародеров, строго наказывали. Выдавалось жалованье, хотя и нерегулярно. Имелись знамена и войсковые печати, медали и кресты для наград.

Среди руководителей повстанческих войск имелось немало способных организаторов — сам Е. И. Пугачев, его боевые соратники И. Н. Зарубин-Чика и И. Н. Белобородов, С. Юлаев и К. Арсланов, И. С. Кузнецов и И. Н. Грязнов, А. А. Овчинников и А. Т. Соколов-Хлопуша, Ф. И. Дербетов и К. Усаев и многие другие.

Войско Пугачева состояло из пехоты (полки насчитывали от 300 до 2 тыс. чел.), конницы и артиллерии. Большую организующую роль в армии играли казаки, хорошо вооруженные и привычные к военному делу, работные люди уральских заводов. Солдаты, присоединившиеся к восстанию, имели ружья. Основная же масса пехоты, прежде всего крестьяне, была вооружена плохо (самодельные пи-



ки, дубины и пр.). Ядро конницы составляли донские казаки, башкиры и калмыки, артиллеристов — работные люди и знающие люди из казаков, солдат, крестьян.

Все эти элементы организации, также присущие повстанцам прежде всего на первом этапе Крестьянской войны, на втором и особенно третьем этапах не получают дальнейшего развития. Наоборот, все большие размеры получает неорганизованность и стихийность движения, присущие ему, но в меньшей степени, и в самом начале. В обстановке безостановочного и стремительного продвижения войска Пугачева на юг летом 1774 г., преследования его войсками карателей явления стихийности и неорганизованности быстро возрастали и привели в конечном счете к поражению.

1 августа Пугачев уже был в Пензе, 6 августа — в Саратове. Занимая по пути города, повстанцы освобождали из тюрем колодников, раздавали бедному населению казенные соль, муку и деньги, овладевали оружием и припасами. Повстанческие отряды, которые нередко насчитывали по несколько тысяч человек, оказывали помощь главному войску, захватывали города и селения, задерживали правительственные войска. Так, города Инсар и Троицк занял отряд крестьянина П. Евстафьева, который, между прочим, тоже называл себя Петром III. Повстанцы появляются в Воронежской и Московской губерниях. Власти объявляют на осадном положении Рязань и Тамбов. Дворяне в ужасе бегут в Москву, многие погибают от рук повстанцев или попадают к ним в плен.

Действовавшие разрозненно, самостоятельно, эти отряды быстро терпят поражение. Так, с 1 августа по 6 сентября каратели разбили более 60 отрядов, причем было убито до 10 тыс. повстанцев, взято более 70 орудий, пленено 9 тыс. чел., освобождено около 13 тыс. дворян<sup>45</sup>.

Карательные части П. И. Панина, справлявшиеся с повстанцами, встретились с немалыми трудностями, в первую очередь — с повсеместным и почти поголовным восстанием, разлившимся по всему Правобережью. Они часто вступали в бой с повстанцами, причем более 50 из них имели характер крупных сражений<sup>46</sup>.

<sup>45</sup> Сборник ОРЯС АН, СПб., 1877, т. XV, прилож. 4, стр. 132—139.

<sup>46</sup> Крестьянская война в России в 1773—1775 годах. Восстание Пугачева, т. III, стр. 142.

Пугачев приближался к Дону, трудовое население которого с нетерпением ждало его прихода. 11 августа повстанческое войско заняло Камышин, а по выходе из него вступило в северо-восточные пределы Войска Донского. К нему присоединялись волжские казаки. К северу от Дубовки — столицы Волжского войска — на реке Пролейке Пугачев 16 августа разбил правительственное войско, в котором было до 500 солдат майора Дица, 1 тыс. донских казаков полковника Кутейникова и 3 тыс. калмыков полковника Дондукова. Повстанцы стремительной атакой рассекли карателей на три части, разгромили их, пленили всех солдат и захватили пушки. Диц был убит, два других командира бежали с поля боя, а их подчиненные — все калмыки и часть казаков — перешли на сторону Пугачева.

17 августа Пугачев вступил в Дубовку, где в его войско влилось еще 3 тыс. калмыков. А еще через день он одержал победу на реке Мечетной, на полпути к Царицыну, над войском, посланным из этого города. В плен попал Кутейников, а его полк из донских казаков (1,1 тыс. чел.) полностью встал в ряды восставших. Эти и другие донцы, присоединившиеся позднее, с одной стороны, усилили войско Пугачева, но, с другой — сильно повредили ему: они воспринимали его не как «Петра III», «царя-батюшку», а как своего брата-казака. И это очень повлияло на остальных повстанцев, у которых, по словам И. Творогова, «руки у всех опустились и не знали, за что приняться»; таково было обаяние и огромное значение в глазах повстанцев имени «доброего» царя, которое являлось знаменем восстания. К тому же они сомневались в своих силах и возможностях — со всех сторон против них спешили войска, Михельсон преследовал их по пятам.

Утром 21 августа армия Пугачева начала осаду Царицына. Но, получив известие о приближении корпуса Михельсона, предводитель отвел ее от города. Через четыре дня, 25 августа, повстанцы потерпели окончательное поражение у Сальникова завода и к юго-востоку от Царицына. Их войско перестало существовать — 2 тыс. было убито, 6 тыс. попало в плен. Пугачев с небольшой группой переправился на левый берег Волги и направился в те места, где около года тому назад возглавил народную борьбу. Но несколько яицких казаков-изменников, составивших заговор против него, схватили Пугачева и выдали властям, спасая свою жизнь. 14 сентября 1774 г. отважно-



го предводителя привезли на тот самый Бударинский, форпост, откуда начался поход небольшого отряда восставших, а через день — в Яицкий городок, откуда переправили под сильной охраной в Симбирск и Москву.

Допросы и пытки Пугачева и его сподвижников продолжались в течение двух месяцев — в поябре и декабре. А 10 января 1775 г. в Москве казнили Е. И. Пугачева, А. Перфильева, М. Шигаева, Т. Подурова, В. Торнова. И. Н. Зарубина-Чичу казнили в Уфе. «Наиболее жесточайшим образом» расправлялись с участниками Крестьянской войны во всех тех местах, где действовали каратели П. И. Панина. Вешали, рубили головы, колесовали повстанцев по городам и селениям Поволжья и Прикамья, Башкирии и Урала, Сибири и Казахстана. Везде стояли виселицы, валялись трупы повстанцев. Дворяне жестоко мстили подневольным, которые посмели подняться с оружием в руках против их власти и гнета.

Под страхом жесточайших наказаний власти запретили упоминать даже имя Пугачева, чтобы вытравить из народного сознания память о нем и том деле, за которое он сложил свою голову. Но эти попытки дворян, правящих кругов были тщетными. Имя Пугачева, воспоминания о временах «Пугачевщины» постоянно звали и поднимали на борьбу всех угнетенных и обиженных и приводили в ужас российских дворян, пронесших его вплоть до отмены крепостного права 1861 г. и свержения власти помещиков и буржуазии в 1917 г.

## ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В панораме исторических событий XVII—XVIII вв. в России крестьянские войны занимают особое и заметное место. Новые процессы в социально-экономической жизни страны, отмеченные появлением и нарастанием буржуазных отношений, резкое усиление крепостничества, феодального гнета, обострение классовой борьбы, вступившей в высший этап своего развития, перерастание сословно-представительной монархии в абсолютную — весь этот взаимосвязанный комплекс явлений свидетельствовал о переломном характере эпохи.

Но феодально-крепостническая формация, конечно, сохраняла возможности для развития. Система господства класса феодалов оставалась еще достаточно мощной; более того, она в эти столетия усиливалась. И именно это обстоятельство (наряду с другими) делает понятным поражение всех крестьянских войн. Как писал В. И. Ленин, «начиная с средневековой «крестьянской войны» в Германии..., мы видим бесчисленные примеры тому, как более организованное, более сознательное, лучше вооруженное меньшинство навязывало свою волю большинству, побеждало его»<sup>1</sup>.

Крестьянские войны феодальной России — исторические события огромного масштаба и исключительного значения. Эти классовые столкновения — высший этап в истории классовой борьбы со времени появления феодализма на Руси. Зарождение и развитие феодальных отношений в Древнерусском государстве, затем в период феодальной раздробленности сопровождалось проявлениями недовольства социальных низов — крестьянскими и городскими восстаниями, которые нередко приобретали большой размах и остроту, но не могли вылиться в такие

<sup>1</sup> В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, стр. 40.



мощные классовые катаклизмы, какими стали крестьянские войны. Причинами этого были недостаточная еще развитость феодально-крепостнических отношений, самих классов-антагонистов, разобщенность русских земель в XIV—XV вв. Только образование и последующее усиление единого Русского государства, резкое возрастание феодального гнета, приобретающего все более централизованный характер, хозяйственное разорение времен Ливонской войны и опричнины, меры по дальнейшему закреплению крестьян и других зависимых слоев населения, принятые в конце XVI в., — все это вызвало к жизни новую, невиданную дотоле форму классовой борьбы — крестьянские или гражданские войны, первая из которых ознаменовала наступление нового, XVII, столетия, а последняя, четвертая, происходит на рубеже двух последних четвертей XVIII в. Оба эти столетия, для которых мощные народные движения против феодально-крепостнического и национального угнетения были одной из характернейших черт внутреннего развития страны, не без оснований называют эпохой крестьянских войн. Именно в указанные два столетия классовая борьба народных низов поднимается на невиданную до этого высоту, достигает колоссального размаха. Намечается в сравнении с классовой борьбой предшествующего времени известное преодоление локальности и стихийности, гораздо сильнее выражены элементы организованности и сознательности. Основной движущей силой выступают различные категории крестьян, в первую очередь крепостные, государственные и др.; наряду с ними в борьбе участвуют холопы (особенно в первой Крестьянской войне), посадские, служилые люди по прибору, всякий гулящий, «бездомный» люд, казаки (донские, запорожские, терские, волжские, яицкие), работные люди (особенно в четвертой Крестьянской войне). Происходит раскол общества на два противостоящих друг другу лагеря. Часть территории государства переходит под контроль восставших, а власть царской администрации на ней уничтожается. Повстанцы организуют свои органы власти на началах мирского самоуправления; барщинные работы, внесение платежей, исполнение разных повинностей в пользу феодалов и государства прекращаются. Все эти меры свидетельствовали о стремлении широких масс угнетенных освободиться от крепостного ярма, получить землю и волю. Постановка

этих задач, выполнить которые повстанцы не могли, так как для этого еще не созрели условия, является тем не менее их величайшей исторической заслугой. При этом нельзя забывать, что в сравнении с более поздним освободительным, революционным движением крестьянские войны отличаются, естественно, весьма низким уровнем организованности и сознательности. В этом вопросе необходим исторический подход — в первую очередь нужно сравнивать действия и представления повстанцев XVII—XVIII вв. с тем, что было до них, а не с тем, что характерно для XIX — начала XX в. В сравнении с крестьянскими войнами революционное движение XIX в. — качественный скачок вперед в развитии классовой борьбы, освещенной определенными политическими теориями, политическим сознанием; для этого времени характерно наличие философски, теоретически обоснованных концепций борьбы за новый строй, различных форм научной идеологии, в то время как для XVII—XVIII вв. можно говорить только о примитивных, ненаучных, смутных, «невнятных» формах идеологических представлений участников крестьянских войн и других народных движений.

Крестьянские войны, как и другие народные движения оказали непосредственное воздействие на внутренние события XVII—XVIII вв., политику правящих кругов. Их влияние сказывалось на вызревании в России новых социально-экономических порядков, усилении классовой борьбы в стране, на развитии передовой общественно-политической мысли (А. Н. Радищев и декабристы, революционеры-шестидесятники и революционные народники).

После поражения крестьянских войн укреплялись государственный аппарат, карательные органы. Но это, конечно, — не результат крестьянских войн, а следствие реакции господствующего класса на них. Подобные меры господствующего класса диктовались его страхом перед выступлениями народа. Этот страх перед карающими действиями эксплуатируемых, призрак «пугачевщины» заставил в конце концов правящие круги (в числе прочих причин) пойти на отмену крепостного права. Этот страх преследовал русских помещиков и капиталистов и позднее, вплоть до начала XX в., когда потомки «бунтарей» XVII—XVIII вв. на качественно новом этапе освободительного движения довели до конца то дело, за которое



боролись повстанцы Болотникова и Разина, Булавина и Пугачева. Таким образом, крестьянские войны входят в качестве одного из звеньев в единую цепь событий классовой борьбы и революционного движения на протяжении существования феодализма и капитализма в нашей стране. Важно их влияние в плане накопления революционных традиций в России. В Тезисах ЦК КПСС к 100-летию со дня рождения В. И. Ленина с полным основанием отмечено большое значение классовой борьбы русского крестьянства в феодально-крепостнической России: «Почва для восприятия и применения марксизма», этой «научной теории освободительного движения», «в России была подготовлена ее социально-экономическим развитием, остротой классовых противоречий, революционными традициями, которые восходят к крестьянским восстаниям, к деятельности А. Н. Радищева и декабристов, А. И. Герцена, Н. Г. Чернышевского и других демократов-шестидесятников, революционных народников 70-х годов XIX века»<sup>2</sup>.

---

<sup>2</sup> К 100-летию со дня рождения Владимира Ильича Ленина. Тезисы Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза. М., Политиздат, 1969, стр. 8—9.

<b>Предисловие</b> . . . . .	3
<b>Первая Крестьянская война</b> . . . . .	6
Причины, предпосылки . . . . .	6
Первые выступления . . . . .	16
Продолжение борьбы . . . . .	21
Восстание И. И. Болотникова. Начало движения . . . . .	28
Осада столицы . . . . .	33
Болотников и «царевич Петр». Окончание восстания . . . . .	37
Окончание первой Крестьянской войны . . . . .	45
<b>Вторая Крестьянская война</b> . . . . .	51
Положение в стране. Войско Донское . . . . .	51
Начало движения . . . . .	61
Народный предводитель . . . . .	66
Поход на Волгу, Яик и Каспий . . . . .	70
Снова на Волгу . . . . .	83
От Астрахани до Симбирска . . . . .	94
Окончание борьбы . . . . .	107
<b>Третья Крестьянская война</b> . . . . .	113
На рубеже двух столетий . . . . .	113
Перепись беглых и начало восстания . . . . .	121
1708 год. Гибель Булавина . . . . .	127
После гибели Булавина . . . . .	142
<b>Четвертая Крестьянская война</b> . . . . .	150
На пути к последней Крестьянской войне . . . . .	150
Канун Крестьянской войны . . . . .	160
Восстание на Яике . . . . .	171
Пугачев до Крестьянской войны . . . . .	176
На Оренбург! . . . . .	179
От Оренбурга к Казани . . . . .	200
От Казани до Царицына. Поражение . . . . .	207
<b>Заключение</b> . . . . .	218



**Виктор Иванович Буганов**  
**КРЕСТЬЯНСКИЕ ВОЙНЫ В РОССИИ XVII—XVIII вв.**

Утверждено к печати редколлегией серии  
научно-популярных изданий Академии наук СССР

Редактор издательства *О. Б. Константинова.*

Художник *Е. Сумагохин.*

Художественный редактор *В. Н. Тихунов.*

Технический редактор *Ф. М. Хенюх.*

Корректор *Т. В. Гурьева.*

Сдано в набор 16/II 1976 г. Подписано к печати  
18/V 1976 г. Формат 84×108<sup>1</sup>/<sub>32</sub>. Бум. типографская № 1.  
Усл. печ. л. 12,2. Уч.-изд. л. 12,4. Тираж 35 000 экз.  
Т-09031. Тип. зак. 749. Цена 81 коп.

Издательство «Наука». 103717 ГСП,  
Москва, К-62, Подосенский пер., 21.

Набрано на ордена Трудового Красного Знамени  
фабрике «Детская книга» № 1  
Росглаволиграфпрома Государственного комитета  
Совета Министров РСФСР по делам издательств,  
полиграфии и книжной торговли.

Москва, Суцеский вал, 49.  
Отпечатано во 2-й типографии издательства «Наука»,  
121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 19

